

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО
РОМАНА
«АГИДЕЛЬ»

РУСЛАН
МАКСЮТОВ

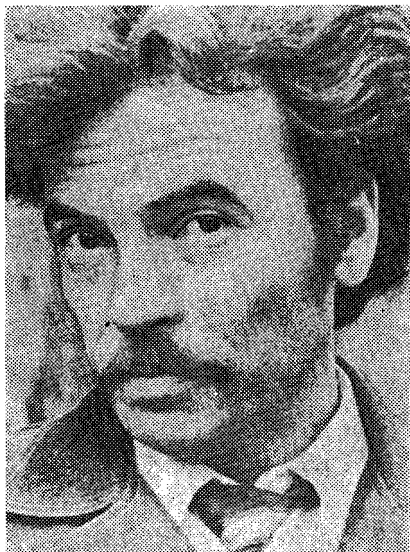
ИНАЧЕ
НЕ МОГУ

Scan Kreyder - 02.10.2019 - STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО РОМАНА

"АГИДЕЛЬ"

Руслан Максютов (1940)—автор повестей „Не гасни, мой свет!“, „Лунная россыпь“, романа „Иначе не могу“, пьесы „Третий факел“.

**РУСЛАН
МАКСЮТОВ**

ИНАЧЕ НЕ МОГУ

Р О М А Н

**Башкирское
книжное издательство
Уфа * 1980**

С (башк.)
М 17

*Редакционная коллегия: Каримов М. С.,
Мирзагитов А. М., Исангулов Ф. А., Гир-
фанов А. Ш., Вахитов А. Х.*

Печатается по изданию: Руслан Максютов.
Иначе не могу. Уфа, Башкирское книжное изда-
тельство, 1973 г.

Максютов Р. А.

М17 Иначе не могу. Роман. Уфа, Башкир-
ское книжное издательство, 1980 г.

304 с.

Описываемые в романе события разворачиваются на од-
ном из крупнейших нефтепромыслов Башкирии. Инженеры,
операторы, диспетчеры, мастера по добыче нефти и ремон-
ту скважин—герои этой книги.

М $\frac{70302-221}{M121(03)-80}$ 80—80

С (башк.)

©Послесловие. Башкирское книжное издательство,
1980 г.

Анатолий был вне себя. Он не находил себе места в просторной диспетчерской будке. Отшвырнул попавшийся под ноги ватник, с грохотом опрокинул пустой бак для питьевой воды. Ядовито-желтая шапка сбилась на затылок, брезентовая куртка колом стояла на спине. Анатолий подошел к диспетчерскому пульта, озорно подмигивавшему десятками лампочек, и перекинул тумблер.

— Эй-эй! — предостерегающе сказал пожилой, с усталыми глазами седой мужчина в полушубке. — Не трожь. Это тебе не бала-лайка.

Кроме него за дощатым столом сидели полненькая девушка с ярким, прямо-таки полыхающим румянцем на щеках, узкими щелками смешливых глаз и парень лет девятнадцати с чуть сонным выражением лица. Все трое с неподдельным интересом следили за

Анатолием, который крупными шагами мерил комнату и теперь явно намеревался пнуть ни в чем не повинный медный вентиль, лежавший в углу.

— Ты что это носишься? Будто пятки тебе жжет? — не выдержал снова седой.

— Ничего! — буркнул Анатолий, продолжая ходить.

— Сядь, не мельтеши.

— А у него сплошные переживания, Галим-ага, — съязвила полненькая девушка и добавила по-башкирски:

— Эфенди не в духе.

— А ты вообще... закрыла бы рупор, — огрызнулся Анатолий.

— Легче, Толька, опрокинешься, — посоветовал сонный паренек. — Лучше уж возьми табуретку и трахни по пульту. Чтобы лампочки во все стороны брызнули. Ты ж у нас — как это Дина Михайловна сказала? — импульсивный.

— Да катитесь вы... Что вы цепляетесь, как репей в собачий хвост?

— Язык-то придержи!

— А-а! — Анатолий махнул рукой, с силой шлепнул ладонью по шапке, нахлобучив ее почти по уши, и выскочил за дверь. Метельный крутящийся смерч у крыльца шершаво лизнул лицо. Анатолий засунул руки глубоко в карманы и, поеживаясь, прислонился к косяку.

Нет, не везет в последнее время Анатолию Семину. По ночам ему стала сниться огромная черная кошка, которая, нагло ухмыляясь и блестя огромным, как автомобильная фара, глазом (почему-то она была одноглазой), пе-

реходит дорогу с вызывающе задранном хвостом. И почему-то сразу после нее встает перед глазами заведующий промыслом Алексей Петрович Фатеев. Да, жесточайший разнос он устроил ему после того, как Анатолий с раскалывающейся после вчерашней попойки головой уснул прямо в будке на скважине и едва не замерз. Начальник участка Сергей Старцев, пряча насмешливый блеск цыганских глаз, серьезно посоветовал: «А ты в следующий раз не заедай коньяк селедкой...»

С чего началась необъяснимая цепь неудач? Лешка Соловьев, недотепа и раззява, потерял где-то новенькую, только что выписанную из ГДР помповую трубу, и теперь под угрозой срыва великолепная новогодняя программа оркестра, от которой пришел в восторг заведующий отделом культуры горисполкома, сам в прошлом трубач.

Нечего надеяться и на взаимность симпатичной Лельки Курынцевой, которая переключила свое внимание на какого-то конструктора из бюро по бесштанговым насосам. Правда, Анатолий пообещал «начистить варезку» этому конструктору, но тот до обидного снисходительно усмехнулся, а Лелька на другой день как бы между прочим сообщила, что конструктор — кандидат в мастера спорта по боксу, и ушла, мурлыча под нос: «Люди Флинта песенку поют...» Анатолий не то чтобы струсил. Просто шансы были неравны. А быть нокаутированным из-за какой-то Лельки — извините. Колотить группой одного — это он презирал.

Больше всего на свете Анатолий Семин не выносит насмешки, готов кинуться на обидчи-

ка, несмотря на численное превосходство противника... А в последнее время начали твориться совсем уж непонятные вещи.

Чуть ли не на каждом участковом и промысловом собрании не обходилось без того, чтобы не упоминалась его фамилия. У кого самая грязная скважина? У него. У кого чаще всего переливы нефти? Опять-таки у него. Анатолий, примирившись с участью нерадивого, не без некоторой гордости объяснял приятелям:

— Мой интеллект отточен в драках и скандалах. Не цветы под ногами, а камни...

В зону его обслуживания входит одна из скважин под номером 1206. Влетело ему за ободранный мерник на ней. Взял он как-то серебристую краску, кисть, решил покрасить мерник, чтобы не приставали больше. Пришел — и глазам не поверил: сияет оборудование на скважине, что твой самовар. Вся территория убрана. Делать нечего, осталось лишь поднять скребок. Обескураженный Анатолий заглянул в будку и даже застонал от обиды. На куске фанеры мелом было выведено: «Все с уважением относятся к коту, потому что кот любит чистоту. Ай-яй-яй!»

Анатолий начал было потихоньку наводить справки, но бросил это бесполезное занятие — все руками разводят и усмеваются.

Как-то в один из вечеров он опаздывал на занятия в институт. Снял брезентовку, бросил ее прямо на пол будки, рукавицы, валенки — туда же и — на автобус. Переступив утром порог будки, услышал смех. Обставил кто-то его разбросанную одежду табуретками, протянул между ними веревку — точь-в-точь в

магазине, когда отдел закрыт на обед — и повесил бумажку: «Музейный экспонат. Руками не трогать». Те же печатные буквы. Да что там почерк — вон как заливается Танзиля!

А комсомольское собрание? Анатолий привычно выслушал очередную порцию нотаций по поводу его сладкого сна на вахте и очередного перелива нефти. А когда в перерыве случайно взглянул на щит со стенгазетой, обомлел: на листе ватмана был изображен длинношей верзила с бутылками в руках, по пояс залитый нефтью. В том, что изображен он, оператор второго участка Анатолий Семин, сомневаться не приходилось: у него одного на всем промысле огромная желтая шапка из искусственного меха. А рисунок в общем-то довольно бездарный, надпись тоже не блещет остроумием: «Спи, моя радость, усни! В будке погасли огни». Анатолий, озверев, демонстративно покинул собрание, не пошел в институт, выгнал ребят-оркестрантов, пришедших к нему отметить какое-то событие, поссорился с соседкой и в довершение ко всему нечаянно выдавил окно на кухне.

Кто же нарисовал карикатуру? У Анатолия даже заныли кончики пальцев — так захотелось разыскать обидчика. Члены редколлегии помалкивали — редакционная тайна, и все тут. Не помогли и намеки «встретить».

Стало холодно. За ворот сыпалась снежная труха, ресницы заледенели. Анатолий ввалился назад, в диспетчерскую, бухнулся на скамью. Все мельком взглянули на него и занялись своими делами. Румяная девушка села за пульт управления скважинами, паренек аккуратно свернул в трубочку чертеж и начал

приводить в порядок внутренность книжного шкафа.

Простуженным голосом заверещал телефон. Седой взял трубку.

— Старший оператор Сафин слушает. На четыреста пятнадцатой? Танзиля! — обратился он к девушке-диспетчеру. — Сигнала нет? Хорошо, сейчас буду. — И, кладя трубку, проворчал:

— Автоматика, будь она неладна... Пошли, хлопцы. Толя — со мной, на 415-ю, сорвало ремень, Гена — на 646-ю, поднимешь скребок. На Птичьем овраге осторожнее, мостик завалило. Тронулись, Толя.

— Малость отогреюсь, — отозвался Анатолий, пряча нос в ворот ватника. — Догоню.

— Не задерживайся.

Сафин, сутулясь и часто покашливая, нырнул в дверь, прямо в белую муть тумана. Через минуту дверь распахнулась снова, и в ней появилась Настя, оператор, женщина лет сорока с небольшим. Разматывая толстый платок на голове и стряхивая снег с плеч, груди, она обвела взглядом диспетчерскую.

— Ну и продрогла. Думала, не дойду во век.

Анатолий хмыкнул что-то невнятное.

— А ты чего такой кислый?

— Так.

— Уж не стенгазета ли на него так подействовала, Танзиля?

— Наверно! — засмеялась девушка за пультом, не поворачивая головы.

— Крепенько тебя зацепили.

— Отвалите-ка лучше, завели опять...

— Эх, как его забрало. И правильно сделали, что нарисовали. Похлеще надо было. У меня, пожилой, скважины как игрушки. А на твои глядеть стыдно.

Анатолий вскочил так стремительно, что опрокинул скамейку. Настя в притворном испуге выставила вперед ладони:

— Молчу, Толенька, молчу! Бог с тобой!

Анатолий, с раздувшимися ноздрями, чуть подавшийся вперед, хотел что-то сказать. Но в этот миг снова скрипнула дверь. Вернувшийся запыхавшийся Сафин — лицо его было злым — шагнул к Анатолию:

— Ты что себе позволяешь? — не сдержавшись, крикнул он. — Ты где находишься — на работе или в ... пивной? Сколько тебя можно звать? Ходит тут вразвалочку, оскорбляет всех, сам черт ему не брат. Почему не идешь на скважину?

Эта вспышка гнева была так непривычна, что Анатолий даже попятился. Но в следующую секунду он с силой вырвал плечо из цепких пальцев Сафина и в свою очередь заорал:

— Да пошел ты... Что ты меня учишь? Ну, что, спрашивается? Ходишь тут, как...

У Танзили округлились глаза, она с какой-то брезгливостью глядела на Анатолия, забыв опустить телефонную трубку. Настя, враз посуровевшая, комкала теплый платок. Сафин, с опущенными вдоль тела руками, недоуменно, даже без всякого возмущения смотрел на застывшего с бессмысленным лицом Семина, и сейчас особенно бросалась в глаза резко-белая седина, выплеснувшаяся из-под шапки, морщины на лбу и щеках, высушенных солнцем и ветрами. Тишина была громче грома...

Анатолий пинком распахнул дверь и выскочил наружу. Сафин, сутулясь еще больше, тоже направился к выходу... Рука его не могла нащупать некоторое время ручку двери.

Настя встала, снова набросила платок и, закинув руки за голову, завязала концы. Устало нагнулась за сеткой с едой и тусклым голосом сказала:

— Я пойду, пожалуй. У меня еще четыре точки не обойдены. Будь здорова, Танюша.

— Ладно, тетя Настя,— машинально ответила девушка.

Люба старательно думала о посторонних вещах. Попыталась в деталях представить свою будущую работу оператора по добыче нефти. Вспоминала техникумовскую жизнь. И усиленно доказывала себе, что причина перехода в бригаду — в желании попробовать более трудную и интересную работу. Но когда краешком мысли как бы задевала истинную причину, чувствовала, как горячо вспыхивают щеки под шалью. Брешь в ее слабенькой самозащите услужливо заставляла Любку явственно видеть огромную сцену Дворца нефтяников, гулкий квадратный зал, голубовато-серебристый задник, на фоне которого в ослепительной рубашке расхаживает парень, слегка развязный, с нахально-ленивым взглядом светлых глаз. Уж очень вольно он вел себя перед зрителями: походка развинченная, нарочито небрежные жесты во время дирижирования. Но что выделяла в руках у него серебряная, сверкающая — даже глазам больно! — труба. Казалось, в ее узкое металлическое горло вложены живые голосовые связки.

Оркестр, сидящий за спиной солиста, покорялся этой золотогорлой трубе, как побежденный победителю. Зал шумно аплодировал, а этот... с нахальными глазами, часто и неровно дыша, махал рукой публике, презрев общепринятый поклон — словно выигравший все заезды мотогонщик. Любка тайком провожала его взглядом, когда приходилось встречаться на территории базы промысла, на комсомольских собраниях, где ему постоянно перепадало. Едва увидев его бесформенную желтую шапку-развалюху, Любка терялась, на вопросы отвечала невпопад и вообще становилась сама не своя. Позже пришло раздражение. Раздражала его самоуверенность, лихо задранная шапка, вечно расстегнутый ватник на груди — с тем расчетом, чтобы был виден узор на свитере, преувеличенно громкий смех.

Подумаешь, знаменитость! Она не удержалась, и однажды, когда приехали на 1206-ю скважину ставить дебитомер, нарочно сама покрасила донельзя испачканный мерник, прихватив и другую арматуру, и оставила издевательскую надпись. Потом «музейный экспонат» — одежда, обнесенная веревкой. Наконец, карикатура. А когда у витрины поднялся хохот, Любка сама чуть не разревелась, увидев растерянное лицо Анатолия.

И вот сейчас она с замиранием сердца ждет его. Он, наверняка, все уже знает, догадался.

От звука ворвавшейся в будку метели Любка вздрогнула, будто хлестнули ее по спине. У входа стоял пожилой мужчина в полушубке, с заиндевевшими бровями на худом, кир-

пично-красном от холода лице. Рядом переминался увалень в сапогах, доходивших до самых колен, и на лице его почему-то сияла улыбка, обнажая редковатые зубы. Люба шагнула к пожилому и выпалила одним духом:

— Здравствуйте, я Любовь Ромашова, назначена к вам помощником оператора. Вы ведь Сафин?

— Точно так. — Сафин обвел глазами помещение, и скупая улыбка появилась на его лице. — Да ты, никак, прибралась? Гляди-ка, окна протерты, газеты на столе. — И ткнул спутника в бок. — Стыдитесь, молодые. Ко мне на вахту, помоператора, значит. Лады. А то у меня одну красавицу в аппарат управления забрали, больно чертит хорошо. Только габариты у тебя... это самое... небольшие. Еще упадешь в мерник — и не заметим. — Улыбка на его губах растаяла. Нахмурившись, он начал хлопать по карманам, одновременно оглядывая диспетчерскую.

— А где ж фонарик? Не у тебя, Гена? Ну, так и есть — забыл на скважине.

— Я сбегая, — с готовностью откликнулся пришедший с ним парень. — Мигом притащу.

— Нет уж, я сам. Не найдешь. — Он повернулся к Любе:

— Ты посиди, дочка, я сейчас.

«Значит, зовут Геннадием», — отметила про себя Любка, испытывая огромное облегчение от того, что Анатолия еще нет. Гена, с любопытством поглядывая на Любку, уселся за стол, вытащил из кармана сверток и собрался ужинать. Как выяснилось впоследствии, Гена ел часто и понемногу, словно колибри,

по выражению начальника участка Старцева, и даже в присутствии незнакомки не собирався изменять своей привычке. Однако вежливость не позволяла Геннадию оставлять без внимания нового человека, и единственное, что он мог предложить, — поесть с ним:

— Если голодные — прошу.

— Не беспокойтесь, я сыта, — очень учтиво, даже с легким поклоном ответила Любка.

— А то присаживайтесь. Совершенно потрясающая чесночная колбаса. Все бациллы сбегут, уверяю вас. Если, конечно, вам сегодня не на свидание.

— Спасибо, в следующий раз.

Между тем Гена со все возрастающим интересом разглядывал Любку и даже есть перестал. Наморщив лоб, он усиленно вспоминал что-то. Затем окликнул:

— Люба!

— Я слушаю.

— Восемнадцать извинений: вы не в исследовательской группе работали?

— Да.

— Угу. Еще можно вопрос?

— Сколько угодно.

— Я насчет карикатуры в «Скребке». Там висит миленький портрет одного парня, Тольки Семина. Это ваше творчество? Я, конечно, еще раз извиняюсь — редакционная тайна...

— А что?

— Да нет, просто так. Я, кажется, видел, когда вы под покровом ночи вывешивали газету.

— Допустим, я. И вовсе не под покровом ночи.

— Суд вопросов не имеет,— удовлетворенно изрек Гена и, ухмыльнувшись, даже руки потер потихоньку. И добавил в заключение:

— Есть такой жанр — комедия...

Любка пожалала плечами. Нетерпение, с которым она ждала Сафина, чтобы уйти с ним, росло. Она даже сделала шаг к двери, когда та скрипнула, и — замерла. Захватило дыхание, Любка отвернулась, лихорадочно обдумывая первую фразу...

Анатолий сел рядом с Геной и, сняв шапку, несколько раз ударил ею по колену, стряхивая снег. Заметил Любу и преобразился на глазах: заулыбался, подошел и встал перед ней, подбрасывая ладонью спичечный коробок. Несколько секунд он бесцеремонно разглядывал ее в упор. Наконец осведомился:

— Откуда ты, прекрасное дитя?

— С шестого автобуса, — нашлась Любка и даже взглянула ему в лицо.

Анатолий схватил табуретку, неуловимым движением смахнул воображаемую пыль и изогнулся в театральном поклоне:

— Несравненная! Позвольте за неимением шезлонга предложить вам сей не первой свежести табурет. Что делать — профсоюз не позаботился. Ах, если бы он знал о вашем прибытии!

Люба упорно изучала ледяные хребты на окне. Анатолий не унимался:

— Даже чаю не могу предложить. Нет даже элементарного кипятка. И посему — я жутко извиняюсь. Я понимаю, наша скромная обитель покажется вам слишком плебейской, особенно этот интерьер с выразительной кучей тряпья...

Любка чуть-чуть повернула к нему голову, изо всех сил стараясь придать своему голосу саркастический оттенок.

— А вы всегда, даже с незнакомыми, такой... мм...

— Болтливый? — как ни в чем не бывало подсказал Анатолий.

— Да!

— В принципе я молчун — скажи, Генка? Но разве можно не заговорить, увидев вас?

Любка боялась повернуться к нему полностью, хотя отлично сознавала, что ведет себя по меньшей мере неестественно: у нее горели щеки. И вдобавок ко всему почувствовала, что шаль сползает ей на плечи.

Анатолий осекся.

У Любки были удивительные волосы — ярко-рыжие, огненные, пышные, предмет ее затаенной гордости и мучений. Они были настолько ярки, что в диспетчерской, и без того залитой светом «д в у х с о т к и», показалось еще светлей. Отблеск лампочки усилил буйство этого рыжего водопада волос, они засияли, будто в комнате вспыхнул факел. Любка в замешательстве попыталась собрать их в узел, но от волнения выронила шпильки и начала шарить по полу, а волосы, опустившись на плечи, закрыли пунцовые щеки.

Анатолий глотнул воздух, почему-то застегнул ватник. Постепенно к нему вернулись самоуверенность и сознание собственной неотразимости. Он положил ногу на ногу и, раскачиваясь, продолжал как ни в чем не бывало:

— Ничего себе дела! Мы погасили двенадцать газовых факелов. Осталось два. А теперь

возгорелся третий факел. Хоть строй новую компрессорную станцию. Как это тебе нравится, Геннадий Валентинович?

— Нравится! — весело сказал Гена.

— Вы сидели здесь, не запирая двери? — Анатолия понесло окончательно. — Да знаете ли вы, что у нас тут волки батальонами ходят? Страшно любознательные волки. Они обожают добычу нефти, но абсолютно не выносят таких рыжих — пардон! — таких ярких, как вы.

«Ну и треплется», — с неудовольствием подумал Гена.

Люба наконец справилась с волнением и с непослушными волосами. Набросив шаль, она повернулась и встретилась с пристальным взглядом Анатолия.

— Вы знаете, ваши остроты ужасно плоские. На меня они не действуют. Поучитесь лучше у Рабле, — храбро добавила она услышанную когда-то от брата фразу, хотя имела самое смутное представление о том, кто такой Рабле.

Но не так-то легко было смутить обладателя рыжей шапки.

— Ого, коготки выпускаем? Между прочим, я никогда не видел таких рыжих волос. Они у вас что — искусственные? Или выкрашенные — как его? — гидратом?

Люба по-настоящему обозлилась.

— Во-первых, они такие же искусственные, как ваши, во-вторых, не гидратом, а гидроперитом, а в-третьих, вам до них никакого — понимаете? — никакого нет дела!

Кто ты, Серега Старцев?

Инженер?

Прожектер?

Высочка?

Может быть, ты относишься к тем, кого называют «в каждой бочке затычка?»

Где твой график, по которому ты собираешься программировать свою повседневную жизнь?

Где твое упрямство — а может быть, все-таки упорство,— которым ты славился в институте?

Где твое: «Я прав, и все об этом знают, но не признаются».

И вообще — кто ты?

Сергей валялся на кровати и видел в наклонно подвешенном зеркале свое отражение. И, думая о своем, старательно и как бы со стороны изучал собственное лицо. Мрачноватые черные глаза под крутыми дугами бровей. Блестящие, без всяких полутонов, волосы цвета вороньего крыла, жесткая прядь, постоянно падающая на лоб и висок, нос с заметной горбинкой, узковатое темное лицо. Предок в десятом колене был, говорят, греком, и его черты ожили теперь.

«Общая картина мне ясна. Ваш фасад, Сергей Ильич, меня в принципе устраивает. А, черт, нашел чем заниматься!»

Сергей упругим движением вскочил на ноги. Распахнул окно — зимний воздух жгуче обрушился на обнаженную грудь. Он подошел к платяному шкафу, вытащил небольшую штангу и начал гимнастику. Худощавый, сред-

него роста, жесткий, как до предела накачанный мяч, привыкший к утренней разминке с давних пор, Сергей не изменял своему правилу никогда. Вот и сейчас, сделав несколько приседаний, размяв поясницу, ушел в ванную. И, стоя под ледяным душем, он вспомнил вчерашнюю постыдную, как ему казалось, историю в кабинете секретаря горкома Силантьева.

«Такую пенку пустить в присутствии авторитетных людей... Тебя же попросту оттащали за уши, как малолетнего озорника, и сказали: встань в угол, не встревай в разговор старших».

«Поживем — увидим. Чем дальше отступаешь для разбега, тем выше прыгнешь».

Едва он успел зайти в комнату, как зазвонел телефон. «Вот так и живу, — мелькнуло в голове. — От звонка до звонка».

— Старцев. Хорошо. Что? Почему остановили? Какой у нее дебит? 340 тонн? Вот что: хоть из воздуха, а тысячу пятьсот тонн вы мне найдите. Арифметику, кажется, знаете? То-то. Никаких штуцеров большего диаметра! Выкачаем нефть раньше времени, а потом? Два дня до конца месяца осталось, а вы участок посадить хотите? Вот у меня записано: тысячу пятьсот тридцать. Перелив? Опять Семин? — Сергей почесал ногтем переносицу. — Ладно, им я сам займусь. А? Плохо слышно! Кто-о? — закричал Сергей, обеими руками хватаясь за трубку, будто она могла вырваться. — Степашин... Я выезжаю сейчас. Отыщите его и предупредите, что жду его. У себя, на участке. Все!

Старцев, легко взрывающийся по любому поводу, еле сдерживал ругательство, рвущееся в стиснутые зубы. «Чему ты, собственно, удивляешься? Разве ты не знал, какую ношу берешь себе на плечи, давая согласие быть начальником нефтедобывающего участка? Черт возьми, жил себе не тужил в производственном отделе, давал сводки, составлял карты месторождения и ухом не вел, если какой-нибудь промысел не выполнял плана. Можно тысячу раз возмущаться такими кретинами, как Степашин, какой-то изжеванный, вечно полупьяный машинист трактора-подъемника, но от этого не легче. Можно без конца орать на разгильдяя Только Семина, снять, наконец, с него разряд или перевести в хозбригаду. Кстати, почему ты нянчишься с ним? Не из-за разбойничьих неуступчивых глаз? Ему сходит с рук такое, за что получали «на полную катушку» куда более серьезные ребята. Смотри, Сергей. А то уж начальство несколько раз намекало, да и рабочие коситься начнут».

Сергей и сам не мог объяснить себе причину своей глубоко скрытой, как ему казалось, симпатии к вечно настороженному, вспыльчивому парню. Пресловутые поиски «доброго зерна» в человеке? Или построенная на интуиции вера в него?

Мысли его вернулись к вчерашней беседе в горькоме у Силантьева. Сергея не удивили возражения работников управления, заведующих промыслами, мастеров подземного ремонта скважин. Он был готов к ним. Его предложение связано с хлопотами, а кто захочет взвалить их себе на шею в то время, когда нефтепромысловое управление, скрипя всеми

административными суставами, еле тянет план? Но больше всего поразило резюме самого секретаря горкома, которого Сергей глубоко уважал за умение встать выше внутриведомственных дразг, личных обид и во всем найти рациональное начало. Силантьев выразился коротко: «Прожектерский, непартийный, нехозяйственный подход к делу у вас, товарищ Старцев. На это мы пойти не можем». Сергей, недипломатических формулировок которого всегда побаивалось начальство, рубанул, как костыль вогнал в шпалу: «Удивительное дело! Я, беспартийный, предлагаю дело, сулящее большую выгоду, а вы, секретарь горкома, считаете его непартийным подходом к вопросам производства. Парадокс!» Воцарилось молчание. Отбросив растопыренной пятерней волосы, Сергей буркнул «до свидания» и ушел.

«А вообще-то горячиться не стоило...»

Размашистым шагом Старцев вошел в домик участка. Его ожидали мастера, старшие операторы. Он быстро отдал несколько распоряжений, подписал шоферам путевки и попросил задержаться своего ближайшего помощника, мастера по добыче Ефима Ивановича Тимофеева, низкорослого и всегда замкнутого человека. Тимофеев обычно отмалчивался, говорил при необходимости предельно короткими фразами. Дело свое знал твердо: все-таки двадцать лет, с самого начала разработки месторождения трудится здесь. Промысловое и управленческое начальство не переставало удивляться тому, как дружно работает этот странный дуэт — подтянутый, властный не по

годам Сергей и вечно небритый, с тихим голосом и округлыми, осторожными движениями Тимофеев.

Сергей с грохотом пододвинул под себя металлический табурет и исподлобья уставился на Тимофеева.

— Выкладывай, Иваныч.

— С манифольдом *, что ли?— тихо уточнил мастер.

— Да, да.

— Дык как... Стало быть, не видел или объезжать поленился. Ну, и порвал, конечно.

— Ты предупредил его?

— Как ты команду дал, так я, стало быть, и предупредил.

— Хорошо. Иди на двадцать четвертую скважину, понаблюдай, как монтируют румынскую качалку. Ребята неопытные, как бы чего не наворочали.

Мастер ушел. Сергей задумался. Утренней бодрости как не бывало. У него всегда портилось настроение, когда день начинался какой-нибудь неувязкой. Вот и сейчас. Клятый Степашин! Ну, погоди...

Когда он поднял голову, перед ним стояла невысокая девушка с живыми темными глазами, маленьким пухлым — было в нем что-то доверчивое — ртом. Отчаянно рыжая прядка выбежала из-под шали, на ресницах — бахрома не успевшего оттаять инея. «Новенькая, — понял Сергей. — Ромашова».

— Здравсьте, Сергей Ильич, — выпалила она.

* М а н и ф о л ь д — трубопровод от скважины до распределительного коллектора.

— Привет, Ромашова. Любой, что ли, тебя зовут? Садись.

— Любой. Только мне садиться некогда...

— Садись. Начальство слушаться надо.

— У начальства свои дела, у меня свои,— дерзковато парировала она, однако примостилась на краешке стула.

— Как, освоилась на новом месте?

— Конечно.

— Трудновато, наверно. Район далекий, скважин — пропасть.

— Да не особенно. Я выносливая.

— Хочешь переведу в тридцать седьмой район? Будешь всего четыре скважины обслуживать. Теплая будка, приемник. Обойдешь за полчаса — и на боковую? А?

— Это еще зачем?— Любка даже отодвинулась от стола.— Не хочу я.

— Ну, вольному воля.

— Вы лучше тетю Настю поставьте. У нее ноги больные, ходить тяжело.

— Настю?— Сергей на минуту задумался. И в который раз упрекнул себя, что частенько забывает о незаметной, добродушной Насе с ее опухающими ногами. В сущности, абсолютно права девчонка...

— Сергей Ильич, я вот что спросить хочу: почему на восьми фонтанных скважинах такие большие штуцера?

— Как это почему? Чтоб нефти побольше...

— Да не нужны, они, Сергей Ильич,— с жаром возразила Любка.— Эдак мы их скоро на качалки будем переводить.

— Вот что...— Сергей усмехнулся.— Это уж наша забота, Любочка.

— Какая я вам «Любочка!»— вспыхнула девушка.— Я геолог.

— Вот как?— удивился Сергей.— Разве такие геологи бывают?— совсем некстати добавил он.

— Я ж Федоровский техникум кончила, а вы...

— В таком случае — извини.

— В сороковом районе подходы к скважинам замело пургой. Давайте бульдозер,— осмелев, потребовала Любка.

— Ух ты, какая... прыткая! — развел руками Старцев. И успокоил:

— Уже выслал, можешь не волноваться.

Сергей еще раз подивился своеобразию ее лица: над румяными, почти детскими в своей свежести щеками горели угольки черных глаз, на верхней губе — нежный пушок и, как язычок пламени — рыжая челка. И вдруг пришло озорное, трудно объяснимое желание разыграть ее.

— Какое милое дисгармоничное лицо у тебя... Сама рыжая, а глаза... Забавно, ты не находишь? И вся ты такая... миниатюрненькая... Тебе сколько лет — девятнадцать, наверно? Двадцать?

— Вы что, Сергей Ильич?— заботливо осведомилась Любка.— Не выпались?

— Погоди... Эволюция духовного становления... Одеть тебя в вечернее платье колоколом, черный тюльпан на грудь, перехватить запястье браслетами — есть, знаешь, такие браслеты со звездочками лунного камня — и привести куда-нибудь в роскошный трактир. Все чувихи попадают от зависти...

— Что вы плетете?— искренне изумилась Любка.

Сергей, пряча в уголках глаз смех, уже серьезно проговорил:

— Не сердись, Любаша, это я так. Просто с утра испортили настроение, вот и решил пошутить с тобой. Извини, если не очень удачно. А, серьезно говоря, что ты умеешь делать? Задвижки пока крутить? Сальники менять, опускать — поднимать скребок? В паводок еще работать не приходилось? Лезть в ледяную линию во время порыва?

— Да я закаленная. В жизни ничем не болела...

— Положим. А как насчет умения с людьми срабатываться? Народ у нас здесь зубастый, друг к другу годами притирались, болтовню не уважают. Выскочек тоже — уловила? Учитывай, что они первыми вот эту самую нефть, — Сергей встряхнул лабораторную пробирку с нефтью, — это «черное золото» понюхали в свое время, их гордость понимать, уважать надо. И в то же время, если надо, на своем настоять уметь, без этого нельзя. Наше дело такое — требует ясной головы и крепких ног... Ты меня понимаешь? — и широко улыбнулся.

— Я работы не боюсь, Сергей Ильич. И с людьми говорить, наверно, умею — не маленькая же, что вы на самом деле...

— Ну и отлично. Советую тебе с Танзилей, с Сафиным... еще, может, с Диной Михайловной Малышевой сдружиться. Глядишь, Толю Семина в руки сумеете взять. Распустился. Неприятности могут быть, так и передай ему. А насчет того... ну, ресторана, что ли, не оби-

жайся. Очень уж ты ладная... пригожая — так, кажется, раньше говорили.

— Скажете тоже... Я пошла, Сергей Ильич.

— Хорошо.

И вдруг Сергею вспомнились рассказы, которые ходили по промыслу. Он не обращал на них особенного внимания, но после ухода Ромашовой они начали приобретать какую-то значительность. Было в них что-то, позволявшее думать о причастности к ним Любки. Так, недавно после вахты на остановке собрались люди. Трескучая стужа. А автобусы, совершенно пустые, проносятся друг за другом мимо. И вдруг прямо на дорогу выбежала девчонка. Шофер едва успел затормозить. Выскочил, остервеневший от испуга, замахнулся даже. Девчонка забарабанила кулаками по дверце, закричала кондуктору: «Открывай сейчас же! А то протокол составляю! Ни стыда ни совести! Люди замерзают!» Когда тронулись, шофер обернулся к ней, оглядел с ног до головы, и осведомился: «Откель ты такая, шустрячка?» «Оттель! — передразнила она его. — Из Министерства автодорог, вот откель!»

Сергею теперь подумалось, что подобное могла сделать только Любка. Только она могла проучить токаря мехцеха неисправимого ругателя Володьку Храмова. Набрала как-то в жестянку солидола и, проходя мимо Храмова, нечаянно толкнула его. Извинилась. Храмов в ответ обложил ее шестизэтажным. Говорят, девчонка побелела-таки и тихо произнесла: «Извинись». Храмов завернул еще заковыристей. Так она, недолго думая, мазнула его по лицу жестянкой с солидолом и пошла

своей дорогой. Обалдевший токарь слова не мог вымолвить, а вся промысловая база целую неделю потешалась над ним.

...Сергей вышел во двор участка, присел на корточки у группы слесарей, размечавших на металлическом слябе * флянец, помог точно рассчитать расстояние между отверстиями для болтов.

— Где мне найти Старцева? — раздался приглушенный басок.

Сергей отложил в сторону мел и встал. У входа на участок стоял кто-то в синем пальто с серебристым воротником и такой же шапке-полубоярке. И что-то знакомое почудилось Сергею в широко и мощно развернутых плечах, в прочной посадке головы. Незнакомец обернулся.

— Андрюха! Осташков!

— Сергей!

— Привет сыну Эллады!

— Здорово, бледнолицый брат мой!

Они долго трясли друг другу руки и, не выдержав, обнялись. Сергей потащил Осташкова в домик участка.

— Снимай свое одеяние! — Сергей растегнул пуговицы на его широкой груди и начал стаскивать пальто с литых плеч друга. Сорвал с головы шапку, повесил на единственную вешалку из лосиного рога.

— Ну?

— Ничего.

— Цветешь? Папку заимел с ручками?

* С л я б — продукция прокатного производства, плита.

— Я ж теперь насквозь интеллигентское сословие. Где уж нам до вас, грубоватых и мозолистых.

Стоя посреди комнаты, Осташков улыбался. Огромного роста, белокурый. На лице широченная, «шесть на девять», как говорили в институте, улыбка. Кремовый ворот теплой рубашки покойно обнимает сильную шею, бичепсы распирают рукава, синие глаза блестят.

— Ну, хорош!— Сергей склонил набок голову, сложил руки на животе, осмотрел Андрея со всех сторон.— Заматерел. На роже — самое пошлое самодовольство.

— Хватит тебе,— протяжно сказал Андрей и, обхватив его поперек туловища, легко, одной рукой посадил на стол и сам сел рядом.

— Рассказывай.

— Давай уж ты. Как здесь очутился?

— По делам.

— По каким таким делам, наш суровый бывший комсомольский вожак?

— Собственно, два вопроса: диспетчеризация промысла и автоматические установки по сбору нефти и газа. Впрочем, это взаимосвязано.

— Ясно и понятно...— Сергей досадливо поморщился, похлопал себя по шее.— Вот где у меня сидит диспетчеризация. Кустарщина чертова.

— Какая же кустарщина? Система ЧТ-2К? Сколько скважин подключено к пульту на твоём участке?

— Двадцать девять. Все это, конечно, красиво: забарахлила скважина, на щите — бац! — красная лампочка. Прямо, как в кино, сиди, кнопки нажимай. А вот недавно поступил сиг-

нал об аварии, послал на скважину слесаря. Возвращается и докладывает: она, говорит, подлая, и не думала останавливаться. Кстати говоря, можешь по всем этим вопросам обращаться к Дине Малышевой, она вплотную занимается этой китайской грамотой — инженер-диспетчер промысла. Вы не знакомы, случайно?

— Я знаю ее,— сказал Осташков спокойно и, предупреждая вопрос Сергея, пояснил:— В одной школе когда-то учились, доводилось встречаться на совещаниях.

Сергей испытующе взглянул на него и закурил.

— В порядке женщина. Только... что-то вроде современного варианта царевны Несмеяны. Как будто прислушивается постоянно сама к себе, иногда по неделям не улыбнется. Мы с ней приятели. Хотел было как-то клинья подбить, да махнул рукой. Не тот темперамент, обожаю слегка экзальтированных...

Осташков положил большую ладонь на плечо друга.

— А вот ты, Серега, что-то болтлив стал.

— У меня должность такая — начальник участка. А-ла-ла — чуть ли не главное оружие. Забывать начинаю, к черту, как квадратные корни извлекаются. Хорошо хоть, что занялся одной интересной проблемой. Спа-саюсь от выпивок и приятелей. Тут молодых специалистов — хоть пруд пруди.

— Женат?

— «Но я не создан для блаженства» — так, что ли, Онегин поет?

— Значит, у тебя так и не получилось с...

— Пока в состоянии платить за бездетность. Свобода мысли, действий и прочее.

— Да-а...— протянул Андрей.— И я, брат, тоже пока один.

Раздался осторожный стук в дверь.

— Войдите.

Сперва Андрею и Сергею показалось, что вошедший — мальчик. Огромные роговые очки, маленькое лицо, рост — где-то метр шестьдесят. Шапка-развалюха (как у Семина, отметил Сергей). На груди — пузатый с какими-то приспособлениями фотоаппарат и летные унты на ногах. Незнакомец подул на озябшие руки, ткнул пальцем в перемычку очков, поднимая их повыше, и крепким баритоном осведомился:

— Здравствуйте. Могу я видеть Сергея Старцева?

— Приветствую.— Сергей насторожился.— Я Старцев.

— Молчанов Станислав, корреспондент «Зари».

— Осташков.

Корреспондент пожал им руки и сел, оглядывая помещение.

— Обещали прислать штанговращатели, а прислали газетчика,— громко сказал Сергей, искоса наблюдая за Молчановым.— А у меня две скважины стоят.

Молчанов неожиданно улыбнулся — застенчиво, словно извиняясь за неожиданное вторжение. Достал платочек и стал вытирать запотевшие стекла очков.

— Да, к сожалению, отделы снабжения у нас работают из рук вон плохо,— вдруг выпалил он через несколько секунд.

Все трое рассмеялись.

Молчанов оказался симпатичным малым. На бесцеремонный вопрос Сергея о том, сколько ему лет, горделиво похвастался, что на этом он выиграл немало пари. Никто не дает ему больше двадцати трех, когда на самом деле ему уже тридцать. Выяснилось, что приехал Молчанов писать о тех, кто занимается интересными инженерными проблемами. В частности, диспетчеризацией.

— Да оставьте вы, газетчики, ее пока в покое. Все в стадии экспериментирования. Любите вы раньше времени «ура» кричать, ей-богу. Ничего стабильного, выводы не окончательны. Давеча приставал корреспондент ТАСС. Не шумите заранее. Конечно, звонари найдутся, где их нет, нараскажут — уши развесишь. Особенно наш заведующий, Фатеев! — горячился Сергей. Он по-свойски обнял Молчанова за плечи. — Ты долго здесь обитать собираешься?

— Откровенно говоря, у меня отпуск. Думаю пошататься по промыслам. Я только что из Сургута. Вот где дела разворачиваются.

— Лучше быть не может! — обрадовался Сергей. — Если поможешь — всю жизнь помнить буду. Есть, есть одна проблема, ты, журналист, ее должен оценить. Давай так сделаем: ты придешь ко мне вечером. Адрес: Девонская, четыре, дробь восемь. Запомнишь?

— Ну и напор у тебя, Сергей! — улыбнулся Молчанов. — Что у бурового насоса. Хорошо, завтра в семь. Устраивает?

— Вполне!

Молчанов встал, начал прощаться. И попросил напоследок:

— А со специалистами по диспетчеризации все же сведи.

— Договорились,— кивнул Сергей.

Корреспондент ушел.

— Хлипкий какой-то! — заметил Осташков.

— Поживем — увидим... Ты что, Андрюха, вечером делаешь?

— Устроюсь в гостинице сначала.

— Какая еще гостиница? Идем ко мне, комната — шестнадцать квадратов, я прихожу домой поздно.

— Да нет, я лучше в гостиницу, не обижайся.

— Как знаешь. А вечером заглянем в богоугодное заведение, так мы тутошний ресторан зовем. Осчастливим своим посещением. Гарантирую даже коньяк, чебуреки местного производства. Идет?

— Идет.

В комнату ворвались клубы ватно-белого воздуха, в них замаячила чья-то фигура. Сергей даже шею вытянул, привставая. Глаза его приняли знакомое Андрею непрощающее выражение, губы сложились в две тонкие полоски.

— Пришел, родимый!.. А я-то тебя жду, как из печки пирога!

Парень лет тридцати с несвежим, лоснящимся лицом, в донельзя испачканной телогрейке, переминался с ноги на ногу.

— Звали, что ль?

— Голова болит, наверно? Может, индикаторной жидкости поднести?— голос Сергея звенел так, что у Андрея начало даже слегка свербить в ушах.— Андрей, обрати внимание:

перед тобой хамье, разгильдяй в чистом, так сказать, дистиллированном виде.

— Чего, чего? — насторожился вошедший.

— Образец хамства, говорю. Производственный хулиган, кандидатура на пятнадцать суток! Достопримечательность промысла — машинист Степашин.

— Ты меня не сволочи, начальник, — недобро предупредил Степашин.

— Катись в контору свою и вообще к чертям собачьим! И не надейся — нарядов тебе не будет! Мне халтурщиков не надо!

— Не ори на меня! Развелось вас тут... еще попомнишь!

— Вон отсюда!

Степашин сплюнул и, чуть косолапя, вышел. Но вновь просунул голову в дверь:

— А нервы беречь надо, парень. Запчастей на них нету.

— Катись! — И Сергей выругался.

— Ты что, с цепи сорвался? Как ты разговариваешь! Мальчишка! — не выдержал Осташков.

— Брось ты!..

— Что ты унижаешь себя? С ума сошел, Серега!

— Да выслушай ты!.. — вскинулся Сергей. — Ты знаешь, что он наделал? Мои ребята провели манифольд до коллектора, возились в мороз. Один даже обморозился. Надо было спешить, высокодебитная скважина простаивала. А этот идиот поленился объехать скважину и пополз на тракторе прямо через манифольд. Изувечил, искромсал, придется переключать линию на факел. Ладно — напортачил. Бывает. Так он еще и удрал, как наш-

кодивший пес. Признался, когда его уличили — ткнули мордой в порыв и сказали: твоя работа! Судить таких надо. Пьет, как лошадь, вторую неделю уже не просыхает...

Дина молчала. Взявшись одной рукой за поручень автобуса, она другой подняла воротник легкого бежевого пальто, пытаясь прикрыть им лицо от ветра. Под темными бровями теплились ее орехового цвета глаза — в них была растерянность и что-то похожее на пугливую радость. Она шагнула со ступеньки — и, потеряв опору, упала бы, не подхвати ее Андрей вовремя.

— Держи крепче, парень, уведут, — крикнул водитель, закрывая дверцу.

Андрей держал Дину за талию, локти ее упирались ему в руки. Между ними, как шлагбаум, белел рулон бумаги, обернутый на концах газетой.

— Андрей...

Он поцеловал ее прямо в губы на шумной по-воскресному площади. Их то и дело разъединял человеческий поток: нефтяники ехали со второй смены. С криком мчались по отшлифованным ледяным тропинкам на тротуарах мальчишки, дворники деловито сыпали под ноги прохожим песок; кое-где порывисто замерцали огни.

— Андрей... люди же...

Они пошли вдоль белой громады длинного дома, все более розовевшего с каждой минутой: на Япрыктау метался факел. Андрей, идя рядом с девушкой, не обращал внимания на укоризненные взгляды и ворчанье встречаемых, которых он задевал своим массивным

телом. Глядел только на Дину — на выпуклость лба под мягким козырьком модной шапки, на тонкие длинные брови, на ресницы — они казались совсем черными в алом факельном отблеске, на строгий и нежный в то же время подбородок и никак не мог привыкнуть к мысли, что наконец он нашел ее в далеком маленьком городе.

Наверно, это было так и нужно — искать ее потерявшиеся следы в течение двух лет, наконец, отыскать, поскандальить с начальством, плюнуть на великолепную должность в Речице и кинуться, очертя голову, именно сюда, даже не подумав о том, что Дина могла выйти замуж. Кинуться, может быть, затем, чтобы встретить ее опасливый и настороженный взгляд, ее вечное внутреннее отстранение от его, Андрея, дел, мыслей, переживаний.

— Дина, — окликнул он.

— Я, Андрей! — торопливо, с готовностью повернулась Дина. Рулон она держала обеими руками, было видно, что они у нее замерзли в перчатках — она то и дело шевелила пальцами.

— Ты замерзла?

— Нет, что ты.

Андрей взял рулон, девушка с явным облегчением вложила ладони в рукава.

«Встретились, чтобы молчать. Что ж... я привык».

Дина поскользнулась, он взял ее под руку.

— Ты все-таки замерзла.

— Нет, нет.

— Зайдем в ресторан?

— Стоит ли? Хотя... если ты хочешь...

Зал был полупустой. Андрею он понравил-

ся еще в первый день приезда: не слишком широкий, со вкусом оформленный: половина одной стены сплошь зеркало, и от этого помещение кажется просторным и светлым. Роспись под потолком, декоративные висячие цветы. И тихое пение «меломана» — автомата.

Дина поправляла прическу, стоя у зеркала. Облокотясь на барьер гардероба, Андрей наблюдал за ней, как девять лет назад у Алексеевского тракта, когда подвыпившие и кто во что одетые призывники штурмовали автомашину. Ревели гармони, летели смачные лепешки из-под ног плясунов, бабы истошно голосили частушки. А чуть поодаль, держась за руки, торопливо говорили что-то друг другу Динка из 9-го «В» и Виталька Свиридюк, веснушчатый и тонкий, как не успевший упасть поздний тростник. Помнится, выкатилось откуда-то неприкаянное перекаати-поле и с размаху куснуло голые Динкины ноги. Потом они с Виталькой сидели на самой задней скамье газика и орали в общем хоре совершенно бессмысленное и веселое. А в пестрой толпе родни и провожающих щемяще долго серело легкое Динкино платице. Через два года на том же большаке она встретила Андрея. Встретила одного, потому что Витальку убили в Венгрии.

— Андрей!

— А?— он встрепенулся, взял девушку за локоть и провел в узкую дверь. И пока Дина огибала столик, он подумал, что она, в сущности, мало изменилась: та же, по-деревенски статная, не полная талия, четкий рисунок икр, округлые плечи и высокая крепкая грудь.

— Вот и встретились,— сказал он и накрыл своей большой ладонью ее пальцы.

— Здравствуй.— И что-то похожее на нежность мелькнуло в ее глазах.— Здравствуй.

Дина полузакрыла их, несколько раз кивнула. Андрей всегда любил это доброе и милое движение ее головы.

Когда офицантка, приняв заказ, ушла, он снова взял ее за руки. Они долго изучали друг друга, изредка улыбаясь, как будто и не стояла между ними трагедия восьмилетней давности. Будто не было тоненького Динкиного плача за той самой партой, за которой когда-то сидели Андрей и Виталька, не было долгого молчания на письма Андрея, не было страшных слов: «Почему он, а не...»

Они сидели молча, подчиняясь странному закону не слишком радостной, но хорошей встречи.

Андрей поднимал бокал с нежно-зеленым шампанским, они чокались, и он каждый раз успевал заметить ущербинку Динкиного безымянного пальца — еще в школе неосторожно обошлась со шлифовальным станком. Чудачка, она по привычке подгибает палец, стыдась ущербинки.

Тогда, в Венгрии, на госпитальной койке, то впадая в мучительную полудрему, то до крови кусая губы от боли в боку, он часто видел этот палец с ущербинкой, нетерпеливо поглаживающий расписание экзаменов. Он не мог припомнить ее лица, фигуры, глаз. Воспаленное сознание то и дело останавливалось на этом трогательном, маленьком, с изуродованным розовым ноготком пальце...

Дина немного оживилась. Рассказала, как два с лишним года назад после окончания московского губкинского института приехала

сюда, в удивительно тихий город («Слава о нем идет далеко за пределами нашей Родины», — спародировала Дина газетные строки). Уехала потому, что не любит шумных городов: их стремительный ритм сбивает ее с собственного, выработанного годами. Здесь ей очень нравится, ничто не мешает думать и решать по-своему. Закопалась в свои датчики по телединамометрированию, блоки местной автоматики и прочее. Корпит над чертежами, чуть ли не треть зарплаты тратит на книги, хорошие концерты приезжих артистов. Надумала поступать в аспирантуру. Дополнительно ко всему преподает в учебном комбинате на отделении электромонтеров-наладчиков. Мама умерла в прошлом году, брат Рудик работает где-то на «почтовом ящике», связанном, по его словам, с «космическими штуками». Вот тебе и Рудик. Шалопай и лодырь — помнишь его? Инженер-радиофизик, не так себе...

— Так вот и живу...

— Дина... — Андрей посмотрел в окно и начал двигать из стороны в сторону узел галстука. — А у тебя...

— Нет, — сказала она, глядя в пустой бокал. — Нет. Не нравлюсь, наверно. — Что-то очень женское, неумело кокетливое вспыхнуло и тотчас же погасло в ней.

— Я бы здесь тоже совсем остался...

— Да, тут можно жить... работать и вообще... — Она сделала неопределенный жест, ничем не выказав, что отлично поняла смысл его фразы.

Андрею, упираясь подбородком в поставленные друг на друга кулаки, неотрывно смотрел на ее руки, глаза, лицо. К уголкам глаз

начали воровато красться две тоненькие морщинки. Все было до боли близко, желанно ему: и прямоугольный вырез блузки с кулоном из потускневшего серебра, и неудачно завитый локон на лбу, легкомысленно торчавший вперед, и брови, чайкой взлетевшие над блестящими от вина глазами.

Было совсем уже поздно, когда они вышли на улицу. Только западная часть небесного купола полыхала яростным пульсирующим светом — там неистовствовал факел.

— Богато горит.

— Тридцать седьмой район, — отозвалась Дина. — Всего два факела осталось. Недавно, правда, прибыл третий факел. — Она засмеялась и спрятала лицо в воротник.

— Как это — прибыл?

— Ты не заметил на промысле девчужку в пуховой шали? Такая бойкая, славная? Не видел ее волосы? Просто чудо — огненно-огненно-рыжие... костер на голове. Прелесть!

— Ну и что?

— Так вот ее и зовут третьим факелом. Окрестил ее так один оператор, Толя Семин, по всем признакам далеко не равнодушный к «факелу». Мне пора — пришла.

— Так быстро?

— Я же рядом с гостиницей живу. Видишь — синее окно. Забыла выключить свет. До свиданья, Андрей.

Андрей притянул Дину к себе, нашел ее прохладные губы. Они чуть-чуть дрогнули в ответном поцелуе.

Торопливый стук каблуков. Грохот открываемой двери.

Все.

— ...Эй, третий факел! Слезай с площадки! Слышишь? Слезай! Джентльмен снизошел до того, что решил помочь вам! Я наступил на горло собственной индивидуальности и рискнул заняться на четверть часа филантропией! — Анатолий стоял внизу, уперев руки в бока и кричал.

Любка даже не оглянулась. Проклятый скребок! Ну что ты с ним сделаешь! Не хочет опускаться в скважину. Проволока, на которой он подвешен, ужом извивается в руках и не уходит в забой. Полчаса бьется — хоть бы что. Что там заело?

— Товарищ Ромашова! Ведь мне неудобно, я же представитель мужественного пола. Моя тонкая духовная организация не позволяет созерцать страдания ближних, мало того — рыжих ближних. Майнайся! Инициатива идет снизу!

Любка подула на руки. Так заоченели — хоть ревмя реви. Так бы и поступила, не будь внизу Анатолия. От металла веет стужей. Так и есть — оставила кусочки кожи на арматуре. Да что же, в конце концов, приключилось с проволокой? Шла-шла — и вдруг...

— Между прочим, могу дать перчатки. Из крокодильей кожи. Они почему-то греют пальцы. Хочешь, брошу?

Ага, кажется, пошла. Новая беда — не вращается ролик. Нет, просто прихватило. Вот так... Завертелся. Слава богу, натянулась проволока. А как ходит? Ничего, свободно. Надо в будку, к лебедке.

Любка, кубарем скатившись с площадки, пробежала мимо топтавшегося у основания вышки Анатолия в крошечную будку, где стоя-

ла лебедка для спуска и подъема скребка и глухо кряхтел насос. Взялась за рукоятку, откинула тормозную собачку — ура, пошло! Опустим, потом поднимем. За полчаса. Правда, долго, но ничего — согреться зато можно.

Мерно вращается барабан, позванивает на зубьях собачка. Сколько сотен раз уже повернула рукоятку? Небось, скребок на глубине не меньше, чем километр.

Рука немеет. В окошечко глядит белый-белый зимний день. Как чистый холст мольберта, чуть тронутый тенями. Анатолий переступает с ноги на ногу, не решаясь войти в будку. Ничего, постой, голубчик! Померзни. Это тебе за прозвище, что ты мне прилепил — весь промысел зовет третьим факелом, хоть глаз не кажи. Это тебе за вечные шуточки. За грубость. За позавчерашний случай, когда ты так надрался с аванса, что даже «Ромашова» не смог выговорить. Постой, ничего с тобой не случится.

Продолжая без усталости вращать лебедку, Любка краешком глаза с неослабным интересом следила за Семиным. Вначале Анатолий просто стоял. Затем, украдкой поглядывая на окошко, стал приплясывать на месте (не пижонься, носи валенки, а не альпинистские ботинки!). Наконец, закружился вокруг скважины, остановился у опоры и, прижавшись к ней спиной, вытащил папиросу.

Любка метнулась к двери, распахнула ее.

— Э-гей! — звонко крикнула она. — Ты что, забыл, где находишься? Не кури давай!

Анатолий смял папироску и решительно направился к ней. Встал в дверях.

— Хватит тебе выпендриваться. Дай сам подниму.

— Ты лучше дверь закрой... с той стороны,— посоветовала Любка.— И чего зря топчется? Не твоя скважина — и иди, пожалуйста. Скажи, будто меду сюда привезли!

И пусть асы-танется гы-лубокой тайною,
Шы-то и у нас с тобой была любовь! —

вдруг истошно завопил Анатолий и, не оборачиваясь, пошел прямо через снежную целину в ту сторону, где находилась диспетчерская. Шагал он быстро, пинал попадавшие ему под ноги куски льда, ветки.

Любка решила передохнуть. Села прямо на подрагивающий теплый насос и, сложив руки на коленях, нагнулась к окошечку, чтобы не упускать из виду Анатолия. Фигурка его уменьшалась, таяла, и вот уже одинокое черное пятно, чуть колеблясь, движется по бесконечному снегу.

Любка, Любка, самая независимая и острая на язык девчонка в техникуме! Угроздило ж тебя встретиться на одной тропе с таким непутевым. Думала ли, что не будешь спать целую ночь из-за того, что он подозрительно долго болтал с разодетой в пух и прах девицей у «Спортоваров»!

Как же это получилось, что Анатолий сразу, без приглядки и ухаживаний стал ходить за ней по пятам? Любка достаточно наслушалась рассказов Танзили о том, что он никогда не упускает возможности «распустить хвост» перед каждой мало-мальски смазливой девчонкой. А уж насчет языка и говорить нечего. Заговорит кого хочешь. Но только не ее, Люб-

ку. Видали таких. Любка часто задумывалась над тем, почему даже в моменты, когда она с замиранием сердца представляла его объятья, поцелуи, ласковые слова, сознание упорно напоминало о его грубости, неуравновешенности, какой-то расхристанности во всем, за что берется. Ведь так не бывает, наверно. Если любишь... И так внезапно! Бог мой, запуталась совсем!

Недавно она пошла во Дворец нефтяников на вечер. Встала с подругой у колонны и увидела свое отражение в овальном зеркале напротив. И даже понравилась сама себе: синее платье с меховой оторочкой вокруг шеи и запястьев, густо искрящийся пышный кок волос под невидимой сеткой, глаза горят, румянец во всю щеку... И вдруг в зеркале же она заметила Анатолия: с каким-то непривычным, досадным, пожалуй, восхищением он глядел на нее. Все напряглось у Любки внутри, она непроизвольно сделала шаг в его сторону и... ушла в зал.

«А что если просто тронуть его за рукав и сказать: не надо так, Толя! Ты ведь совсем не такой, наверно! Слышишь? Нет не буду. Не хочу. Сам не маленький».

Любка снова взялась за лебедку. А в голове вертелась глупая, как ей казалось назойливая мысль: у него очень красивые пальцы. Длинные, чуткие. И глаза отдают чем-то матовым, если взглянуть на них сбоку.

«О чем ты думаешь!»

...Протяжный сигнал заставил Анатолия обернуться. Из окошка догнавшей его дежурной машины выглянул Сергей.

— Ты куда?

— Туда.— Анатолий показал на далекий домик диспетчерской.

— А чего это ты такой крюк сделал?

— Люблю прогулки на свежем воздухе. Укрепляют нервную систему.

— Ничего себе прогулочка, да еще в рабочее время.

— Мяч беру, Сергей Ильич: через пять минут конец вахты.

— Ладно, лезь в кабину.

— Дойду.

— Залезай, говорю.

Дорога была неважная. Накануне здесь прошел бульдозер, и узкий коридор в снегу петлял, едва ли не пересекая самого себя.

Анатолий мельком взглянул на сосредоточенное лицо начальника участка, оглянулся украдкой: за темным мыском уже исчезла та самая 78-я скважина, широко расставившая свои суставчатые ноги. Там — Люба.

— Разряд с тебя сняли. Видел?

— Еще бы не видеть. А мне как-то до фонаря.

— Кончай паясничать, Толя. Как ты думаешь, из детских штанишек не пора вылезать, а?

— Может, хватит воспитывать, Сергей Ильич? Образцово-показательного из меня не выйдет все равно.

— А никто и не хочет, чтобы ты херувимчиком был. Думать-то не научился, что ли? Вроде неглупый парень, соображаешь, что к чему. Если о себе не беспокоишься, хоть обо мне как о начальнике участка подумай. Как ты считаешь, сколько я могу тебя выгоражи-

вать? Ты в общем-то неплохой парень, но ведь это к делу не пришьешь. Совесть поймей, честное слово.

— А что я?— взъерошился мгновенно Анатолий.— Украл что?

— Не строй из себя ребенка. У нас как в анекдоте: «Ты куда идешь?» «В баню». «А-а,— я-то думал, что ты в баню идешь». Словом, уговаривать больше не буду. Ясно?

— Куда ясней.

— Ну слава богу. Да, не забудь: завтра в три участковое собрание.

— Свободен буду — приду.

— Будешь свободен, ваша вахта с утра. Приехали — диспетчерская.

Любка быстро освоилась на участке. Через несколько дней после появления в Сафинской бригаде она перезнакомилась со всеми. Вскоре они ходили в обнимку со смуглощекой, никогда не унывающей башкирочкой Танзилей, фыркали по углам, задирали невозмутимого Генку, который все так же охотно и часто ел, одновременно косясь на свой любимый журнал «Знание — сила».

Генка Фролов — забавный парень. Год назад, придя на промысел после десятилетки, он заявил тогдашнему старшему инженеру Трояновскому:

— Я решил поработать в нефтяной промышленности.

— Да ну?— будто бы удивился старший инженер.

А Генка, основательно усевшись в кресле, продолжал:

— Решил. Вы знаете, я пришел к такому

выводу давно, еще в пятом классе. Нет, не семейная традиция. Отец у меня — полковник в отставке. Брат — капитан-инженер, на Дальнем Востоке сейчас. Мать — элементарная домохозяйка. Меня привлекает некоторая загадочность профессии нефтяника. Возьмите, к примеру, работу металлиста. Он знает, под каким углом затачивается инструмент. Потому что изучил структуру металла. Летчик прочно усваивает законы аэродинамики, например, тот предел скорости пикирования, перейдя за который самолет может разрушиться. Да что авиация! Космонавтика идет вперед быстрее, чем та же геология, ибо она подчинена более точным и жестким законам. А вот вы не всегда со стопроцентной уверенностью можете сказать, что в каждой пробуренной скважине будет нефть.

— Ну-ну!.. — чрезвычайно заинтересованный, подбодрил его Трояновский.

— Так вот, если все это рассматривать с философской точки зрения, то вполне понятно стремление человеческого интеллекта к непознанному, к езде в неизвестное, как сказал поэт, кажется, Маяковский.

— Товарищ теоретик, — перебил его старший инженер, — а как отразится на вашем... мм... интеллекте очистка территории склада? Ведь тоже в некоторой степени езда в неизвестное.

— Работа, конечно, не творческая, но если брать в целом, то польза обществу несомненна. Раздался хохот.

А Генка, выметая мусор с плитчатого пола материального склада, думал о том, что старший инженер — веселый человек и что с Фате-

евым, завпромыслом, так просто не потреп-лешься.

Так, с легкой руки Трояновского, и приле-пилось к Генке Фролову прозвище «теоретик». Частенько Генка, взяв девчат под руки, по пу-ти домой обстоятельно развивал свои мысли:

— Вот, к примеру, колбаса. Та самая, кото-рую я ем. С утилитарной точки зрения, это пища. Мясо. Необходимый культ. Но, с дру-гой стороны, вкусовые ассоциации, которые обогащают гамму ощущений...

Наверно, намного скучней было бы на вахте, не будь его забавных ахиней, которые он выдавал на-гора каждый день.

— Иди на философский факультет,— со-вершенно серьезно посоветовал ему как-то Сергей.— Абстрактное мышление — это, брат, тоже штука, я тебе доложу.

«Теоретик» покачал головой.

— Не-ет, у меня другая планида. Сине-зе-лено-голубая...

Нет, корреспондент газеты «Заря» нис-колько не сожалеет о том, что задерживается здесь. Ему уже было знакомо подобное сос-тояние, чем-то напоминающее состояние охот-ника, напавшего на след крупного зверя. Тема разговора с Сергеем, к которой он отнесся вначале довольно прохладно, вдруг в один не-ожиданный момент блеснула иной, значитель-ной гранью. Ей-богу, в этом «кость есть». Бог с ним, с отпуском, с путевкой на Арский ка-мень! Чутьем газетчика он оценил значение того, что предлагает Сергей. Но события то-ропить не стоит. Взвесить и еще раз взвесить, ибо скептиков и так будет предостаточно.

Целых десять дней он приглядывался к чернявому начальнику участка, порывистому, резкому на язык и в поступках. Думающий парень. Что особенно ценно — неплохо ориентируется в экономике, не замыкается в кругу чисто инженерных обязанностей. Как бы не помешал только его темперамент, этакие всплески непокладистого характера.

На днях он зашел в приемную начальника нефтепромыслового управления. И за одной из неплотно прикрытых дверей услышал любопытный разговор. Спорили — определил по голосам — Сергей и начальник управления Азаматов.

— Да не размахивай ты руками, Сергей! Неужели нельзя спокойней? Я новую вазу доставать не буду.

— Сам куплю, за ту еще не рассчитался. Ахмет Закирович, какого хрена вы меня назначили начальником участка, если я даже необходимых прав не имею?

— То есть?

— Я получил на три дня пропарочную установку. Начал обработку пятьдесят восьмой скважины. В самый разгар приезжает какая-то группа, старший из них, довольно-таки нахальный ханурик...

— Не ханурик, а кандидат наук Тищенко, — суховаато уточнил Азаматов.

— В общем, забрали установку, а взамен прислали корыто на колесах: давление не держит, сифонит изо всех дыр. А ту угнали для каких-то экспериментов.

— Пойми ты, научные исследования...

— Да неужели во всем управлении не нашлось другой установки? Из тридцати-то

штук? Смешно! А у меня пятьдесят восьмая скважина — гвоздь программы, ею перекрываем недобор нефти на других скважинах. Нельзя так, в конце концов. Раз установка отдана в мое распоряжение, разрешите ее использовать так, как я считаю нужным.

— Ну-ну... Больше не буду, честное пионерское.

Вот эта запальчивость и внушала Станиславу опасения. Все-таки по-разному воспринимаются идеи, высказываемые солидным, уважаемым человеком, и таким, как Сергей, будь он стократ мозговитей первого. Как-никак, по одежке еще часто встречают.

«Все это хорошо, а отпуск подходит к концу. Надо будет смотаться в редакцию и попросить сюда командировку. Шеф, думаю, не откажет».

Станислав, слегка въедливый по натуре, дотошный во всем, не любил неясностей. Поэтому статьи и корреспонденции делал не торопясь, и должность специального корреспондента пришлась как нельзя кстати. Мало того, решив специализироваться на промышленных проблемах, кроме факультета журналистики заочно окончил индустриальный техникум. Станислав втайне гордился тем, что в журналистской среде слыл «цепким». Были в его послужном списке материалы, которые он вспоминал с гордостью: дело о крупном рацпредложении, присвоенном директором фабрики, история с дорогостоящим экранированным кабелем, уплывавшим «налево». И поэтому с редактором, человеком прямым и ершистым, не очень-то заботящимся о своей карьере, они почти всегда находили общий

язык. Станислав был уверен, что начинание Сергея придется редактору по душе.

Слегка удивила Станислава позиция Андрея Осташкова. Даже поверхностный взгляд на взаимоотношения его и Сергея говорил о том, что их связывает крепкая дружба, завуалированная легкой иронией, необходимыми насмешками и подначками. Андрей так и не высказал определенной точки зрения, несмотря на наскоки Сергея. Казалось, он относится к затее друга с изрядной долей скептицизма. Он ограничился замечаниями насчет неизбежных в новом деле неувязок, посоветовал сколотить вокруг себя сторонников.

— Кто за твоей спиной?— спрашивал он.— Может быть, Азаматов? Пусть будет так. А технический отдел сразу закусит удила. О мастерах бригад подземного ремонта говорить вообще не приходится. Такой гвалт поднимут — держись только. Ну, твой старший оператор — как его, Сафин?— скажет «за», поскольку он тебя любит, кажется; по-моему, он в подземном ремонте разбирается так же, как я в хореографии.

— А ты, надо понимать, не сторонник? О постороннем думать не хочешь, бережешь мозговую ткань, Андрюха?

— Ты мне доказал не все. Ты вроде катера, который в общем-то и может мчаться по мелкой реке, но рано или поздно пропорет днище на такой скорости.

— Между прочим, — запальчиво перебил его Сергей, — тот же Сафин двенадцать лет проработал в подземном ремонте, похлеще нас с тобой «рубит». А ты с каких это пор бочком стал ходить?

Андрей пожал плечами.

...Молчанов присел на скамейку в сквере. Только что в кинотеатре окончился сеанс и из квадратных дверей хлынула людская река. Станислав был все еще под впечатлением разговора с Сергеем.

Он чувствовал, что назревают какие-то перемены. Слишком много нелепостей и прямых упущений, порожденных самоуспокоенностью и недалекновидностью не только тех, кто был «наверху», но и тех, кто выполнял их волю, становилось очевидным. Осуществление того, за что ратует Старцев, прозвучало бы как нельзя кстати.

Рядом слышались голоса. Группа молодых людей, собравшись в кружок, шумела на всю улицу. Светловолосый парень в поролоновом пальто, обхватив за плечи стоявшего рядом, что-то рассказывал приятелям, и компания взрывалась гоготом. Их опасно обходили гуляющие.

«Где я видел этого белобрысого? — наморщил лоб Молчанов. — Ага, на промысле. Кажется, у Сергея работает».

Внезапно компания притихла, разом обернулась. Станислав перехватил их взгляды — по направлению к ним шла невысокая ладная девчонка. Из-под платка облачком выбивались волосы, руки в карманах легкого пальтишка. Белобрысый почти подбежал к ней, щелкнул каблуками своих острых ботинок и вытянулся в струнку. Судя по тому, как девушка без всякого удивления спокойно оглядела его с ног до головы, они были знакомы.

— Я готов! — отрапортовал белобрысый, преданно выкатывая глаза.

— Ты что? — заботливо спросила девушка.— Очередной заскок, да?

— Я готов, товарищ Ромашова, перевоспитываться. Полностью осознал свои ошибки. Берите меня под персональный контроль согласно заданию комсомольской организации!

Станислав, вначале было встревожившийся за девушку, с откровенным любопытством начал прислушиваться к диалогу. Постойте... девчонка тоже, кажется, работает на старцевском участке. Конечно!

— Вот что я скажу тебе, Анатолий! — прозвенел девичий голос.— Если ты еще раз подойдешь ко мне хотя бы чуть выпивши, я надам тебе по физиономии. При людях.

Глухой визг снега под каблуками — легкая фигурка удалялась в обратную сторону. Парень несколько секунд выбивал пяткой ямку в слежавшемся сугробе, затем преувеличенно бодро направился к ожидавшей его компании.

— Вот с...— напряженным ломающимся баском выругался долговязый парнишка в белом кашне, очевидно, в знак солидарности с белобрысом.— Ей самой надо...— и снова ругательство, тем более отвратительное, что произносил его совсем юнец. Но случилось неожиданное: белобрысый наотмашь ударил его по шее:

— Ты... обезьяна! Заткнись. И вообще хилый домой, тебе спать пора!

— Вот мы и пришли.

Люба огляделась: маленькая, метров в десять — двенадцать комнатка вначале показалась ей мрачной. Впечатление усиливали темные потеки на стенах, старательно закрашен-

ные белилами, окно с частыми переплетами, крохотная форточка. Ничего не поделаешь — барак. Но постепенно глаза отметили тщательно, без единой складочки, убранную постель, платья, прикрытые марлевыми накидками в приоткрытом шифоньере. До блеска вычищенные туфли на высоких и толстых каблуках-стаканчиках, выстроенные у порога. Фарфоровая и стеклянная посуда в настенном шкафу, расставленная в строгом и каком-то веселом порядке.

— Есть хочешь?

Настя расчесывала волосы на ночь, и неожиданно для себя Любка сделала маленькое открытие: она никогда не подозревала, что под платком у этой немолодой, с тяжеловатыми чертами лица женщины таится такое богатство. Волосы напоминали по цвету свежий липовый мед или крепкого настоя чай. Ни русые, ни желтые. Струистый поток неподвижно обрушивался к самым коленям. Настя мягким и точным движением отправила волосы за плечи.

— Есть, говорю, хочешь?

— Не хочу, спасибо. Какие волосы у вас! — Не удержавшись, Любка взяла в ладонь тяжелую мягкую прядь.

— Остатки былой роскоши. Сейчас уже нете. Две косищи до пят — с руку толщиной — носила в свое время... А теперь — спать. Завтра рано подниматься. Ложись-ка на койку. На мягком, верно, любишь поваляться? Я еще на фронте решила: кончится война — перво-наперво кровать как следует оборудую: наспалась на шинели досыта. На ней спишь, ей укрываешься.

— Ой, нет, я люблю на жестком. Сами ложитесь на кровать.

— Тут, девка, я командую.

Любка лежала с открытыми глазами, следя за тем, как, изламываясь, сжимаясь и вытягиваясь, ползут по стенам яркие прямоугольники — по магистрали неслись машины. Глуховато тикают ходики... Как давно не слышала этой колыбельной песни!

В чужой постели, в чужом доме... К девчонке из ее комнаты приехал из армии на побывку муж, пришлось оставить их на несколько суток наедине. Танзиля ушла к дальней родственнице, Любку пригласила Настя.

Который час? Четверть первого... Анатолий, конечно, шатается с приятелями, он знает, что ее сегодня нет в общежитии. Часто Любка видела его прохаживающимся мимо окон ее комнаты — благо она была на первом этаже и окна выходили на улицу.

— Любаша, ты спишь?

— Нет еще, тетя Настя.

Тишина.

— Крепко любишь его?

Любка вздрогнула не столько от вопроса, сколько от голоса Насти — задушевного, теплого.

— Не слушай ты добрых советчиков, Любаша. Сердце свое слушай. Анатолий — такой уж и вправду экземпляр, как Старцев зовет, что легче вручную пятисоткубовый резервуар заполнить, чем с ним сладить.

Любка затаила дыхание.

— Посмотришь на него — бросовый парень. Стиляга, нахал, начальству — как кость

в горле. Сунь ему под нос белила — скажет — деготь. Прикрикни — матом обложит, как последняя шпана. Растопырил свои иглы — не трожь. Вот и получается: все махнули на него рукой, а он чихает на всех. Его, кажется, Старцев по-настоящему понимает. Захожу однажды в будку 987-й скважины — шерстит его Сергей почем зря. А тот, опять с похмелья, видать, — огрызается. Ругал-ругал Старцев да и говорит вдруг: «Почему легко одет?» Тут же снимает с себя свитер, бросает ему на руки. Потом пишет что-то в блокноте, вырывает листок: «Зайди в материальный склад, получи рукавицы покрепче. Такие, как у тебя, пальцы беречь надо». И крикнул еще вдогонку: загляни, мол, ко мне, есть хорошие конспекты по курсу спецмашин, что ли.

Любка лежала не шевелясь, а перед глазами упорно стояла отвратительная встреча на проспекте вечером.

— Уж как я удивилась, знала бы ты! Заявляется вчера сюда: дай, говорит, трешку, тетя Настя, голова трещит, мозги не на месте. Не дала, усадила за стол, налила стакан. Пришел в себя. Помятый весь, будто два дня жевали и выплюнули. Я и начала: поганец ты и есть поганец! В двадцать лет пьяницей прослыть хочешь? Имя свое пачкать загодя? На кой ляд ты сдался Любке! Помолчал, помолчал он, а потом возьми и скажи: «Я Любку Ромашову люблю, это тебе как?» Не выдержала, каюсь, прыснула: весь промысел, мол, знает! Долго сидел, душу свою изливал. И поняла я: не прочитавши книжку, сразу обложку иногда хулить начинают.

— А дальше?

— Сирота, оказывается, он. Отец погиб в конце войны, мать чуть ли не сразу после этого умерла. Воспитывался у тетки, такая, видать, тетка ласковая была, если при одном имени ее передергивает Анатолия, ровно жабу в руки берет. В семнадцать лет полная свобода, занесло его сюда. Живет у двоюродного дяди, семья у того — шесть душ без него. В общежитие не хочет, да и дядя против: как-никак рублей девяносто-то каждый месяц Толя ему выкладывает и отчета не спрашивает. Институт, оркестр этот, будь он неладен, одни шалапуты собрались... Ты думаешь, он всегда такой дуроломный? Как бы не так! Года два назад задвижку пробило на подземной водяной линии. Апрель, холодина. Так он целый час в ледяной воде возился, наощупь плашки менял. Или другой случай. Ехали они с Диной Михайловной поздно ночью. Сошли с автобуса. Подошли на остановке трое; видать, кошельки хотели у них пощупать. Анатолий на расправу скор: вывернул толстую планку со скамьи, двоих разогнал, третьего чуть не замертво уложил, и когда этот очухался, заставил десять раз повторить «Я обезьяна» или другое что-то. А в прошлом году и вовсе удивил: на Восьмое марта всех участковых баб одарил духами. Денег уйму ухлопал. Я так думаю, Любаша: очень привязчивый он, придется ему кто по душе — себя не пожалеет. А так — парень раскаленный, если все время холодом обдавать... Железо — оно и то: либо крепче станет, либо лопнет. Поняла?..

Сергей включил телевизор, погасил свет. Пододвинул поближе громоздкое кресло. Фосфоресцирующие часы показали четверть одиннадцатого. Сегодня концерт из серии предновогодних передач. Заметались молнии помех, и вот уже в овалообразном прямоугольнике экрана глядит на Сергея своими широко расставленными глазами Римма — ведет уже восьмой раз музыкальную передачу.

Это была тайна Сергея Старцева. Никто, кроме Анатолия, не знал здесь о ней. Тридцатилетний мужчина, нервничающий каждый раз перед включением телевизора, как школьник, которому впервые назначено свидание... Вот она, Римма, чужая жена, его боль, притихшая на время и вспыхнувшая опять.

Зачем она сегодня так взбила волосы? Глупая манера — не отставать от коллег, устраивающих на голове фантастические сооружения. Никак не может понять, что прелесть ее удлинненного лица — в легко отброшенных назад волосах. В их небрежной свободе. И вообще — тяжелые серьги в ушах, сверкающая брошь на груди. На полуопущенных веках — тень. Сегодня она какая-то холодная, под невидимой пленкой отчужденности.

Заученный поворот головы к исполнителю. На губах — стандартная, как пивная этикетка, улыбка. Что с ней сегодня?

Сергей, упираясь локтями в подлокотники и положив подбородок на сцепленные кулаки, смотрел на экран... Две недели назад он был в командировке в областном городе и неожиданно встретил ее у входа в парк. Невысокая, с густо-алым румянцем от мороза на смуглых

щеках, в неизменной черной шубке, она ждала автобус. Рядом с ней — крохотный малыш лет двух, закутанный так, что наружу торчал лишь покрасневший носик.

— Сережа, Сережка! Как давно я тебя не видела! — В это время, заскрежетав на всю улицу тормозами, подкатил автобус. И Римма, стоя в дверях, успела крикнуть:

— У меня днем спектакль. Приходи в театр часа в четыре. Слышишь, Сережа?

Он не пришел, потому что был уже куплен билет на самолет, домой. И прильнув к дрожащему окошечку ЛИ-2, подумал, что было бы в высшей степени забавно посидеть в их семейном кругу, попить кофе и послушать стихи ее мужа, который, как он слышал, успел выпустить две или три книги. Сергей почему-то был убежден, что поэты непременно в компаниях читают свои стихи и пьют кофе с коньяком.

Сергей провел ладонью по шее и нащупал сзади, рядом с позвонком, маленький рубец — память о Римме Тагировой, студентке театрального училища. Помнится ее крик: «Пустите меня, что вы делаете!» Свалка прямо в фойе драматического театра. Здорово дрались они с Андреем, прямо как в корсарской песне: «Мы — спина к спине — у мачты против тысячи вдвоем». Сергей холодно и расчетливо бил прямо в открытые, пахнущие водкой рты, крушил подбородки — все-таки боксер в легком весе! — повиснув на вешалке, ногами таранил белоснежные рубашки с галстуками-шнурками и с удовлетворением успевал замечать, что Андрей стряхивал с себя нападавших, как разъяренный медведь-шатун. Он, собственно,

не дрался — просто брал обеими руками за грудь нападавшего и швырял его в середину зала. Милиция забрала всех — и подвыпившую шпану, и Андрея с Сергеем. Выйдя из комнаты дежурного, он заметил хорошенькую башкирку, ту самую девушку, из-за которой началась драка. Сергей почему-то даже не удивился тому, что она здесь.

— Ты что кричала-то? — неласково спросил он, потирая шею, — хватили-таки ножом слегка, поморщился от боли.

— А что же я должна была делать? — удивилась девушка. — Они же хватать меня начали, тащить куда-то.

— А сюда зачем пришла?

— Просто... сказать, что вы не виноваты. А их не выпустят?

— Не знаю, — пожал плечами Сергей и, охнув, схватился за шею.

— Больно? — Она подалась к нему. — Дайте я поправлю повязку. Я осторожно.

Совсем рядом были ее чуть-чуть раскосые встревоженные глаза, маленький прямой носик. Черные волосы аккуратным валиком выглядывали из-под цветной шапочки домашней вязки. Внезапно захотелось поцеловать эти замерзшие, в блестящих пятнышках глянца, губы. И, словно почувствовав что-то, девушка отпрянула и вдруг с острым любопытством спросила:

— А почему вашей девушки нет с вами? Убежала?

— Это не девушка. Это однокурсница, — ответил он и тут же сообразил, что сказал двусмысленность.

— А вы студент?

— Студент. Из нефтяного.

— А я из театрального училища.

Андрей шел на несколько десятков метров впереди, заложив руки за спину. Его занимала другая мысль: как воспримут в институте тот факт, что в драке принял участие секретарь комсомольского бюро горного факультета? Сергей с девушкой давно отстали. Внезапно повалил снег — беззвучный, сплошной, тягучий, как во сне.

И вот теперь, редкими вечерами, когда удавалось вырваться домой более или менее рано, через сотни километров чувствуя тепло холодных Римминых очертаний, иногда уродовавшихся помехами, Сергей неотступно думал о ней. Что произошло? Ведь были годы, три года отрешенности от всего, что связано с ней. Было все естественно и понятно: она замужем.

Опять начиналось знакомое. Выкручивающая сознание боль в затылке и тревожный зуд в боку.

У локтя недоуменно гудела брошенная прямо на ночной столик телефонная трубка. Андрей лег навзничь, вжимаясь затылком в податливую подушку. Шелковый абажур описывал над ним медленные круги, и углы гостиничного номера сливались в какие-то необычайно прихотливые геометрические нагромождения.

«Дина, может быть...»

«Ты прости меня, Андрей. Никуда не хочется идти».

«Все-таки Новый год».

«Считай это меланхолией, ладно?»

«Дина, мы с тобой...»

«Что за свойство у некоторых считать, что в торжества должно прийти какое-то размягчение души?»

«Если ждешь кого-нибудь, скажи напрямик».

«Глупости. Никого я не жду».

Трубка гудела не переставая, наконец в ней послышался треск и металлический, лишенный всяких эмоций, голос телефонистки. Андрей с внезапной злостью бросил трубку на рычаг. Чувство полного бессилия охватило его и, как следствие, пришли слабость, боль, изматывающие его вот уже восемь лет, после Венгрии. Об этом Дина не знала: Андрей ни на йоту не хотел приближать ее к себе ценой жалости.

Как и два года назад, у развилки зябко вздрагивала полынь.

Как и тогда, только что прошел дождь, и рваные колесные колеи, словно связанные друг с другом, змеясь, уходили к поселку.

Небо на западе было багрово-фиолетовым, и одинокая белая полоса — след реактивного — впивалась прямо в солнечный закатный пожар.

Ветер уныло слонялся по степи.

На обочине стоял рослый парень в погонах сержанта и, припав к его груди, замерла девушка в красной кофточке с небрежно заколотыми волосами.

Дина не плакала. Андрей обнимал ее за плечи. Ему казалось, что к груди прислонилось каменное изваяние — так холодны были ее руки, плечи, лоб. Он не посмел поцеловать ее. Дина оторвалась от него и пошла рядом,

глядя прямо перед собой. У ворот своего дома она тихо проронила:

— Зайди завтра.

А завтра была школа. Класс, где когда-то (каких-то два с половиной года назад!) учились они с Виталькой Свиридюком. Старая парта с откидными крышками, одну из которых заменили недавно. Вырезанные на дереве имена обоих. Был тихий тоненький плач Дины, обнявшей эту парту, плач, от которого не знаешь, куда деться, и только комкаешь в руках пилотку, не замечая боли от врезавшейся в ладонь звезды.

Позднее Андрей благодарил себя за то, что не нацепил в момент встречи боевого ордена — хотя бы из-за оправданного юношеского тщеславия...

Потом — неподвижные глаза Дины, когда он рассказывал о том, что произошло на автостраде близ Будапешта в ноябре пятьдесят шестого. Рассказывал бесстрастно и неторопливо и чувствовал, как горбится спина и трещат в руке папиросы, спичечный коробок и ноет, ноет раненый бок. И снова каменные плечи девушки, упавшей грудью на парту.

Андрей встал, смочил полотенце, прижал его ко лбу. Кажется, стало легче. Крепко же он ударился тогда головой, скатываясь вниз по насыпи. Вот она, память, изводившая тело не раз...

Хватит мучить себя. Новый год так Новый год! Который час? Ого, половина десятого. Надо позвонить Сергею, придумать что-нибудь. Не отвечает. Тоже, друг называется. Лежи, изнывай теперь. Взять вина, распить с

соседями по гостинице? Даже Молчанов, и тот исчез.

В коридоре — говор, топот ног. И частый, нетерпеливый стук в дверь.

— Прошу!

Улыбающаяся рожица какого-то паренька. За его плечом — рыжие волосы и озорной черный глаз. Девчонка в сиреновом сверкающем платье протискивается вперед. Люба! Щеки — что алые паруса, вся в серпантине.

— Драсте!

— Проходите, проходите!

Любка не дает ему сказать и слова.

— Мо-мен-таль-но с нами! Приказ от Сергея Ильича привести вас живого или мертвого. Ваш пиджак? Одевайтесь. Белый галстук не подойдет. Вот этот, серый, лучше. Где щетка? Расческа есть?

— Люба, да я...

Парень, солнечно улыбающийся абажуру — явно навеселе — комментирует:

— Если бы все калории Ромашовой использовать в производстве, то добыча нефти возрастет втрое.

И Андрей, увлекаемый обоими, бежит вниз.

— Мыслимо ли дома сидеть? Вы что — с ума сошли? Там все наши. И корреспондент тоже — весе-елый!

...Молчанов тыкался лбом в плечо Андрея и бубнил одно и то же:

— Ты мне скажи, почему нет Дины? Я ее хочу видеть, потому что она мне нравится. Усек?

— Усек, усек, — добродушно успокаивал его Андрей. — Да нет ее, понимаешь? Нет.

— Пойдем-ка в буфет, пропустим по коньяку.

Едва успели разлить коньяк, как рядом раздался возглас:

— Куда вы все пропали?

Сергей в сером, отливающим голубизной костюме, с тщательно уложенными волосами, улыбаясь, потрясал двумя бутылками шампанского.

— Сели?

— Валяй.

Молчанов сразу же полез обниматься к Сергею:

— Р-реформатор!

— Выпьем! — пропел Сергей. — Как у нас в отряде говорили — за тех, кто в камышах!

— Можно присоединиться?

Сафин. В старомодном пиджаке с широкими лацканами. Вся грудь — в многочисленных наградах.

— Ого, Ибрагимыч. — Сергей с уважением потрогал их. — Крепко ты...

— Досталось, — кратко ответил Сафин.

Молчанов, не обращая ни на кого внимания, начал считать ордена и медали:

— Один, два, три... десять... двенадцать... пятнадцать наград!

— Да ну вас, нашли занятие! Давай, джигиты, по одной, да чтоб только переливов не было.

— Вы поглядите-ка! — Сафин обернулся так живо, что зазвенели награды. — Вот вам и Танзиля!

Танзиля плясала прямо в центре вестибюля дворца. Баянист Рамазан, мрачный парень

с третьего промысла, наяживал что-то совершенно веселое, упав щекой на перламутровый гриф. А Танзиля, плотная, белозубая, с забавными ямочками на щеках, улыбалась, склонив голову на плечо, плела что-то в воздухе округлыми обнаженными руками, а сама шла по полукругу, дробно переступая с каблука на носок, изгибая свой полненький, но послушный стан, то и дело сдувая с губ упавшие на них черные прядки. И в который раз Сергей ловил себя на мысли о том, что своих людей он порой видит в раз и навсегда утвердившейся ипостаси «подчиненных» — не больше. Ну, что особенного — танцует? Но как пленительно-лукавы глазки этой смешливой девчонки из Имангильдина!

— Тетя Даша, с Новым годом! Как празднуете? Ага, слышу, Федор Акимыч свою «Подгорную» поет. Спасибо, зайду, если какая-нибудь подруга не уведет.

— Дина, это я. Звоню из Дворца нефтяников. Что ты делаешь? Слушаешь концерт... Я? Болтаюсь по Дворцу. По буфету. Не скучно тебе одной? А то бы... Что? Прийти с компанией? Я... я мигом! Кого? Любу... Сергея... Какую Таню? Кто она? А, ну да, конечно.

— Может, отойдем, поговорим, Старцев? Вон, хотя бы в курилку? Или трухаешь?

Сергей с трудом узнал в приглашенном, выбритом и даже слегка надушенном человеке Степашина, того самого машиниста, которого выгнал с участка. Руки в карманах. Пьян.

— Пойдем, — сузил глаза Сергей.

Они зашли в курилку, встали в уголке.

— Ну? — Сергей улыбался. — Говори.

Степашин вдруг взмахнул рукой, и Сергей, за какое-то мгновение успев увернуться, нанес ему хлесткий удар в солнечное сплетение. Степашин тяжело грохнулся на паркет.

— Зараза... — брезгливо сказал Сергей. Курившие рядом парни обомлели.

— Заберите пьяного в курилке, — тронул Сергей за рукав дежурного.

К Старцеву подошел знакомый мастер.

— Серега, ты бы поостерегся. Тут их целый кагал. Подловят еще.

Сергей махнул рукой.

— Э-э, у тебя ссадины на пальцах? Где это ты умудрился? — Андрей взял его за ладонь.

— Поцарапал, пройдет.

Они уже пошли одеваться, как вдруг раздался дрожащий серебристый звук. Все присутствующие повернули головы к возвышению, где находился эстрадный оркестр.

Анатолий стоял, широко расставив ноги. Оркестр молчал, лишь только под огромными лепными сводами зала метался восторженный и зовущий клич трубы.

Труба выговаривала каждый звук, то рассыпаясь немыслимым каскадом drobных переходов, то забираясь на недостижимую чистейшую высоту. Снова поток трелей и протяжный, торжествующий звук радости.

— Что выделяет, мерзавец! — У Сергея даже захватило дыхание.

А Анатолий не замечал. Глаза его были закрыты, лоб покрылся крупными каплями пота. Он не видел, как подступила к возвышению толпа, как валил народ из буфета. Круглое горло трубы пело, смеялось, плакало...

Вначале было тихо. Затем тишина взорвалась невообразимым гвалтом. Ударил барабан, дико взвизгнул саксофон — и вот уже Семин устало окидывает взглядом собравшихся.

Анатолий искал взглядом Любу, но она стояла в самом дальнем углу зала, спрятавшись за колонну.

«Не пойду! И не подумаю!»

«Да ты что, дура! Подойди!»

Она вдруг опять вспомнила глаза Анатолия — пьяные, липкие, его взгляд, каким он уставился на нее тогда, на проспекте.

— Любка, с Новым годом! Да, я. Звоню с третьего этажа. Увидел, что ты в холле, рядом с телефоном. Может быть, прогуляемся по чудным улицам зимнего города? Ах, у вас другая, более приличная компания? Что? Предпочитаешь прогуляться с белым медведем? Ладно, еще поглядим! Что? Я еще ни перед кем не извинялся. Да и не за что. Как хочешь, так и считай. Ладно, пусть хамство в высшей степени. Запомни только: через два дня ты сама меня будешь целовать. Адью!

Станислав, подхватив под руки Танзилю и Любку, ушел вперед, оживленно рассказывая что-то девушкам. Сергей и Осташков неторопливо побрели по скверу.

Андрей испытывающе и чуть исподлобья взглянул на друга.

— Серега, ты помнишь, в первую встречу ты как-то говорил о женщине... ну, современном варианте царевны Несмеяны? Это — Дина?

Сергей остановился.

— А что? Почему ты спрашиваешь?

— Видишь ли... Словом, я люблю ее. Такая, понимаешь, штука...

— Ты и Дина... — Сергей изумленно оглядел его с ног до головы.

— Такой уж я... скрытный. Да, Дину. Считай, со школьных лет.

— И все пять лет в институте молчал!

— А чего трепаться попусту.

— Мне-то мог сказать!.. Ну и фрукт ты, Андрюха!.. Только, клянусь чем хочешь, — ничего между нами...

— Да верю я тебе, чего ты в самом деле. Просто скрывать больше от тебя не хочу...

Что же было?

Обычный новогодний сдержанный «балдеж», как выразился Молчанов.

Песни, тосты, анекдоты. И даже «барыня», которую лихо «оторвала» Любка. Было очевидным и то, что Молчанов влюбился в Дину и не пытался скрывать этого... Запомнилось напряжение на лице Дины, ее глаза, упорно глядевшие на магнитофон, певший о девчонке, которая мечтает летать.

Все веселье оборвал бодрый голос Сергея.

— По домам не пора, братцы?

— Что вы, еще рано! — Дина растерянно оглядела всех. Почему они все так посерьезнели? Или показалось?

Но все заторопились. Молчанов очень церемонно поцеловал Дине руку, с огромной неохотой натянул пальто. Сергей ткнул его в бок и выразительно кивнул на дверь. Недоумевающий корреспондент вышел. Юркнула в дверь и Танзиля. Ничего не понимающая Любка вскочила с места и пошла к вешалке. Андрей молча курил у окна.

— Любушка, — остановила девушку Дина. — Переночуй у меня, а? Тебе же все равно?

— Я... я... — растерялась Люба.

— Вот тебе альбом с репродукциями Дрезденской галереи, — торопливо, будто боясь, что ее остановят, сказала Дина. — Ты же просила — помнишь?

— Хорошо... — пролепетала та, опасливо оглядывая Дину и Андрея. — Я... пожалуйста. Я на кухню... не мешать... и вообще... — Зажав под мышкой объемистый альбом, она ушла на кухню, плотно притворив за собой дверь.

— Зачем ты остался? Что теперь подумают?

— А ты для страховки решила оставить и Любу? Не надеешься на мое, так сказать, самообладание? Спасибо.

— Да дело не в этом. Я... не будем, словом, обсуждать.

— Хорошо. Дина!

— Что Андрей?

— Чем пахнут у тебя волосы... Не могу вспомнить.

— Не надо...

— Да люблю же я тебя, черт возьми! Скажи, ну когда кончится эта волынка? Когда-нибудь мы объяснимся до конца или нет?

— Я ничего не знаю, Андрей, милый. Сама себя не пойму. Ненавижу себя за то, что приходится идти в разлад со здравым смыслом. Ведь знаю, что лучше тебя нет человека на свете...

— Ведь можно же, по-русски говоря, послать меня ко всем чертям собачьим и сказать откровенно, что в твоей жизни я нуль. Что мы, дети? Знаем друг друга не первый год. Если я не забыл тебя за столько лет, бросил все, приехал — значит, все это слишком серьезно. Я прошу одного — правды. Ты ничем мне не обязана, свободна в своих решениях и поступках.

— Ненавижу себя! — тихо, но с силой повторила Дина. Пальцы ее затеребили яркую нить, отставшую от скатерти. — Мне уже двадцать семь. Было все, как у нормальных женщин: и увлечения, и что-то похожее на любовь, близость. — Она коротко взглянула на него. — И где-то далеко-далеко... — она схватилась за горло, будто хотела сорвать ореховое, под цвет глаз, кольцо — там, внутри... оставался Виталька. Очищающая от житейской скверны реликвия... — Она слабо улыбнулась. — Это нетрудно, Андрейка, найти человека, повстречаться с ним положенный срок и чинно-благородно выйти замуж. А я никого не искала. Кое-кто посмеивался: знаем, мол, такие штучки — без мужа надежней, право свободного выбора. Противно было... А разубеждать дураков не в моем характере. Я просто хотела, чтобы меня все оставили в покое. Иногда сама себе казалась непорочной. Думала: случись невероятное, окажись он живой, вопреки всему, я... Он был бы

мне нужен любой: злой, искалеченный, порубленный жизнью, но — живой! — по кусочкам отдала бы себя, чтобы вернуть его таким, каким он остался в памяти. Я же очень любила его, Андрей. Даже высказать не могу, как любила... — Она задохнулась...

— Дина...

— Постой... И в любви-то объяснился по-своему. Увидел меня на улице, остановил машину, вылез; взял за руки и сказал: «Ты не делай страшных глаз, ладно? Но вот, понимаешь, какое дело — влип я. Влюбился в тебя. Жить не могу». И поцеловал. Сел в машину и уехал. Чудаки вы, чудаки! Гоняли на своих газиках по поселку. Помнишь, как остановились ночью у моего дома и стали сигналить, всех соседей переполошили?.. Когда пришла похоронная, я даже не испугалась. У меня не было слез. Не было, и все. Держу извещение и говорю себе: вернется. А вернулся ты один. А ночью заплакала. Нет, завывала. Оказывается, можно быть по-звериному, без слез. Жестоко, но в голове билась мысль: почему он?

— Ты легко допускала, что мог погибнуть я. Ну, погоревала бы, хранила фотографию...

— Не смей так!..

— Нет, смею! Слышишь, ты, распустившая нюни... институтка! Хоть ты убей на месте, я не поверю, чтобы зрелая женщина могла впасть в такой... инфантилизм! В детство, если на то пошло! Жизнь не обманешь. Что ты без конца ковыряешься в своей душе, как... как в сумочке? Играешь в какую-то выдуманную тобой гордость! Это эгоизм по отношению и к себе, и к другим. А мне не безразлич-

но это! Думаешь, я не помню Витьку? Ты можешь понять, что это была самая настоящая война? Мы были солдатами, а пуля не выбирает. Мы выполняли приказ долга — высшего долга. У меня отец погиб под Будапештом. Нам не было наплевать на то, что на уличных каштанах вешали коммунистов. Ты настолько ослеплена своей детской любовью, что потеряла всякое чувство реальности, возвела ее в какой-то абсолют. А тогда, в Венгрии, нам было не до любви. Даже до твоей. Это только в легендах лебеди остаются верны своим подругам. Да еще в разных... романах. Я понимаю, что глупо предъявлять к тебе какие-то права. Ну, а то, что я, как мальчишка, забыть тебя не могу? Ты — живой человек, как и мы, грешные. И вообще, мне больше ничего не надо: ни любви твоей, ни благосклонности. Хватит с меня этого спектакля. Жизнь-то продолжается, на то она и жизнь. А ты — как в тумане. Да чтоб я еще пришел к тебе!..

Дину не испугал ни взрыв отчаянья, ни голос Андрея, от которого звенели стоявшие на столе бокалы. Она с ужасом увидела, как он, закусив нижнюю губу, начал медленно сползать по стене, стирая спиной известку. Бросилась на помощь. Но он встал, как слепой, нащупал пальто и неверными шагами пошел к двери. Обернулся, взглянул на нее мутными от боли глазами.

— Извини... — И вышел.

Глаза Дины были полны слез. С грохотом распахнулась дверь, ведущая на кухню, на шею ей бросилась зареванная Любка.

— Дина! Диночка! Вы не имеете права!.. Он хороший! Он очень хороший! Я все слы-

шала... Я не хотела! Только две репродукции успела посмотреть. Ревела, как дурочка. Хотите, я с вами лягу? Или около койки?.. Как собака, охранять вас? Ой, только не плачьте, пожалуйста, а то я тоже в голос зареву!

На улице — снежная феерия. Площадь забита людьми. Из пасти ледяного витязя по скользкому языку съезжают хохочущие группы. И вертится огромная елка, как невеста на смотринах, поворачиваясь во все стороны ярко переливающимися боками: а посмотрите, какова я? Разве не хороша? И песни — от них никуда не денешься, хоть задрапируй окно двойными шторами.

Сергей взял старую «Неделю». К приятелям идти расхотелось. Из головы не выходил шепот Андрея: «Будь счастлива, родная моя!» Динка-Динка, замкнутая и мягкая, привычная настолько, что он только изредка замечал в ней женщину! — И на тебе!

Теперь он мучительно завидовал Андрею, ничего, в сущности, не зная об их взаимоотношениях. Правда, он старался утешить себя старой, как мамонтовы остатки, мыслью, что он свободен, никаких обязательств по отношению к кому-либо. Словом, как поет Райкин:

Зато могу свободно
Пойти куда угодно...

Мысли о Римме в сутолоке дневных забот не мучили его. Но зато когда он оставался один на один с этими четырьмя стенами, с телевизором, у которого порой хотелось вдребезги расколотить голубой хрупкий лик, с без-

делушками вроде стреляющей сигаретницы, образ черноглазой девушки вспыхивал ярко, тревожаще. Сергей пытался приучить себя никогда не жалеть о прошлом, но бесполезно: воспоминания доставляли ему немало горьких минут.

...Шагая рядом с ней, прижимающейся к его руке в темных переулках, Сергей усмехался. Романтические обстоятельства знакомства, что и говорить! Благородный рыцарь вступился за честь оскорбленной дамы. Андрей куда-то исчез.

Когда вошли в круг света уличного фонаря, Сергей остановился и повернул девушку к себе.

— Дай хоть посмотрю на тебя. А то ввязался в драку, а стоило ли — не знаю, — грубовато сказал он, беря ее за плечи.

Она шарахнулась в сторону, наверно, подумав, что от одного приставапы попала к другому.

— Да не бойся ты.

Девушка замерла, положив ладони на сгиб его локтей, готовая в любую секунду вырваться. Да она прехорошенькая! Там, возле милиции и в театре, он не успел ее по-настоящему разглядеть. Какие симпатичные брови — тонкие, будто выписанные мягкой кистью. Лицо удлиненное, острый, но все равно милый, трогательный подбородок. На какой-то бесконечно малый миг родилась и погасла мысль о том, что она, должно быть, капризна и упряма. Откуда взялось это ощущение, он не мог понять и позднее.

— Как твои позывные?

— Римма Тагирова.

— А я — Сергей Старцев.

Они долго стояли так и, к удивлению своему, Сергей почувствовал, что начинает теряться под прицелом черных блестящих зрачков.

— Можно, я поцелую тебя, Римма?

— Можно, — неожиданно серьезно и по-прежнему не отрывая от него глаз, сказала девушка. Худенькие плечи ее напряглись. — Нет, лучше я сама. — Она приподнялась на цыпочки и быстро поцеловала его. Скорее, это было дуновение горячего ветра. А затем также быстро отступила.

— Забавная ты... — Сергей смущенно потер подбородок. — Странная, ей-богу.

В дешевом зеленом пальто с поднятым воротником, до смешного серьезная, она вызывала в нем чувство, похожее на снисходительность с нежностью пополам.

— Вот ты какая! — пробормотал Сергей, все еще не отпуская ее плеч.

— Обыкновенная... Мы пришли. Спасибо.

— Да? — удивился он. — Так быстро?

Почему она так смотрит? Что с ней?

— Римма, где я тебя увижу?

— Зачем?

— Затем... — Сергей запнулся и почему-то рассердился. — Затем, что ты мне, может, нравишься. Первый раз такую чудачку вижу. — Он с усилием рассмеялся.

Девушка опустила голову, затем исподлобья, как обиженный малыш, бросила взгляд.

— Где хотите. Можно в парке.

— Хорошо! — обрадовался он и мысленно выругал себя: связался с пигалицей. — Завтра в семь. Идет?

— Идет. До свиданья.

— До свиданья. — Он удержал ее ладошки в своих пальцах и вдруг с неожиданно прорвавшейся нежностью провел по холодной щеке девушки своей ладонью. Она не успела отстраниться. Выдернув руку, убежала.

Прошло столько лет, а до сих пор помнится свежесть этой упругой, смуглой щеки. Потом было все — и бессонные ночи, и объятья, когда весь мир заслоняло ее лицо, черные жестковатые волосы, переполненные нежностью глаза. Но того, первого прикосновения, после которого Сергей долго глядел на свою ладонь, будто она коснулась необыкновенно чистого, — не забыть.

Три года прошли они, держась за руки, и девочка-смуглянка открывалась ему новой стороной. Он, ни в грош не ставивший чужие авторитеты, упрямец и насмешник, доставивший немало хлопот преподавателям, считавший главным своим достоинством полнейшую самостоятельность, оказался прирученным ею. Римма всегда поражала его изменчивостью нрава. Задумчивая и ласковая — и вспыхивающая по любому поводу, грубящая всем и вся. Суровая, замкнутая — и легкомысленная до крайности. Кто научил ее, недавнюю десятиклассницу, тонкой механике управления чувствами? Не могли же дать все это только в училище, за каких-то три года? Врожденный, «без примеси», талант? Еще в студентках ее привлекли к телевизионным передачам — режиссеров, наверно, подкупала естественная, ненавязчивая артистичность, способность быть доверчивой со зрителем. И все же Сергей не мог нащупать в Римме ту золотую спаситель-

ную серединку, что порой разрешает сложность человеческих отношений. И еще — хоть Римма и откровенно вышучивала его — он не ходил на спектакли с ее участием. И дело даже заключалось не в том, что они шли на национальном языке... Очень точно заметила сама Римма: «Ты ребенок и... дремучий собственник. Подумаешь, Отелло в свитере!..»

Подруги прозвали Римму человеком, состоящим из прихотей. Взбрело в голову поехать на отдых в верховья Юрюзани — уговорила очень занятого Сергея. Потом влюбилась в самолеты — наверно, потому, что они постоянно бывали в аэропорту, подолгу сидели в уютном тихом кафе, глядя на волнующую аэродромную жизнь. Но дальше прыжков с вышки дело не пошло — Римма внезапно утратила интерес к «пятому океану». Зато появилось новое занятие — крутить голову тишайшему аспиранту Роману Горбачеву, который обалдел настолько, что через две недели сделал ей предложение, хотя их отношения ограничивались случайными встречами. А разъяренному Сергею отвечала: «Да пусть его! Я же тебя люблю, чудак!» И добавила: «Посмотри на Лариску Корепанову. Видная же девчонка! Парни от нее без ума. Нет, вбила себе в голову: пойду в аспирантуру, наука для нее — все. И чахнет ночами. В одном платье круглый год, с хлеба на воду перебивается. В кино уж сколько не была. За собой не следит. Какие косы носила — прелесть. А глазщи? Тонешь в них. Да пропади она, наука, в таком случае. Хотя, может, и есть в ней струнка научная, а все же живем один раз. Я деда одного вспоминаю. У него любимая поговорка

была: «Умру, а ногой дрыгну!!» Понимаешь?»

Как-то они пошли на фильм о рыбаках. Зрителей в зале почти не было. Сергей смотрел на ее маленькие пальцы, покойно обхватившие поллокотник, покатые плечи, на прядь, изогнувшуюся веселым вопросительным знаком, и вздрогнул от ее близости и какой-то беззащитности. «Ты так дорог иногда мне, Сережа, что мне страшно вато ночью одной...» В фильме пели песню, необыкновенно волнующую своей простотой:

Не надейся, рыбак, на погоду,
А надейся на парус тугой.
Крепкий парус тебя не обманет,
А обманет туман голубой.

Не сразу понял он, почему так неистово нежна была в тот вечер Римма. Она сказала ему впервые, бесстрашно приложив его ладони к тугой своей груди: «Я останусь у тебя до утра, Сережа». Не понял ее решимости переступить грань того, о чем до этого и слышать не хотела. Не понял слез, потом душивших ее.

Весть о ее замужестве он воспринял как неудачную шутку. Но когда слухи подтвердились — он узнал правду, вернувшись с преддипломной практики, — окаменел. И несколько дней не появлялся на улицах. Постепенно всплывали в памяти мелкие штрихи в их взаимоотношениях, которым он раньше не придавал особого значения. «Сережа, не надо делать все в лобовую! Всю жизнь тебе суждено получать шишки. Ну, скажи на милость, зачем ты попросил снизить тебе оценку по курсу спецмашин? Глупая принципиальность.

Тебе же хуже — повышенной стипендии лишился». «Господи, не завидую твоей будущей жене: все должно быть так, как хочешь ты». «Неужели ты не сможешь остаться после окончания? А обо мне подумал? Что я буду делать там, в твоём городе, со специальным образованием? Участвовать в драмкружках? Вести кукольный театр? Ну и уезжай. Целуйся со своими скважинами». «Нам нет никакого дела, что он развратник. Он талантливый артист. Ну, знаешь, святых сейчас не сыщешь». «Ох, Сереженька, с такими характерами, как у нас, нам вместе не быть».

Мог ли он подумать, что подобные «мелочи» выльются в такой удар? Нет, какой идиот придумал, что «милые бранятся — только тешатся?»

Насчет того, кто ее муж, сомнений не было. Конечно, тот самый молодой поэт, с которым она познакомила его однажды — общительный, свойский парень, о стихах которого ходили разговоры. Римма несколько раз говорила о нем, о его явной симпатии к ней, телефонных звонках. «Я с ним в кино два раза ходила. И в ресторане обедала. Домой звал — не пошла: ты же бешеный. Знаешь, кто у него отчим?» — Она назвала фамилию директора крупного нефтехимического комплекса. Сергей, никогда не надоедавший ей чрезмерными посягательствами на ее свободу, воспринял ее флирт как очередное чудачество.

Перед отъездом Сергея на практику они поссорились. Но трудно было предположить, что ссора окажется действительно последней.

Прошлое всегда оттеняет настоящее, как бы высвечивает его. Сергей думал, что это все-таки, наверно, похоже на мужество — встретить ее через два года на улице, фамильярно положить руку на плечо, посмеиваясь, расспрашивать, как жизнь молодая, ощущая ладонью нежное тепло тела, близко заглядывать в черные глаза и в то же время запоздало отмечать, что крошечный пацаненок в синих штанишках мог быть твоим.

— Как все получилось, Римма?— спросил он, хотя вопрос вряд ли имел смысл.

— Сережа, договоримся на том, что я нашла более выгодную... удобную партию. Так обоим будет легче.

— У тебя есть время?

— Вообще-то...

— Ясно.

— Ничего тебе не ясно!— знакомо вспыхнула она.— Просто Алика нужно отвести к бабушке и самой на работу бежать.

Они сели в сквере под тем самым дубом, где любили сидеть когда-то.

— Римма, и все-таки...

— Я уже сказала.

— Не то.

— Довольствуйся сказанным.

— Я все же настаиваю, потому что обалдение не проходит до сих пор.

— Хорошо. Я боялась тебя.

— Боялась?

— Я не шучу. Если поглядеть со стороны, вроде бы все делалось по-моему. Но я поняла, что ты потакал мне как взбалмошной дев-

чоне. Но до определенного срока. Стоило бы мне стать твоей женой — все. Ты очень властен и упрям. Я тоже с характером. Потом, ты уехал бы отсюда все равно, что и сделал. Сам говорил, что никогда не будешь кабинетной крысой и прочие такие штучки. А я не собираюсь менять специальность. Ты понимаешь, что я не могу без театра? Знала, что уговаривать тебя бесполезно. Вот ты, нефтяник, не пошел бы куда-нибудь в быткомбинат кастрюли чинить?

— А почему так внезапно? И та ночь?..

— Я же всегда была очень строгая — помнишь? Решила — как в омут. Чтобы ты был первый. Я же очень любила тебя, Сережа... Сколько глупостей, оказывается, можно натворить.

— Ты считаешь свое замужество глупостью?

— Я говорю вообще.

— А сейчас ты меня любишь? — шутливо спросил он и волновался, ожидая ответа.

— Не надо об этом, Сереженька.

— Как муж?

— Муж как муж. Пишет. Уехал в деревню, подальше от соблазнов.

— Он в самом деле талантлив?

— Кажется, в самом деле. В Москве обратили внимание. А вообще-то, не знаю.

— Лихо ты о нем... А как человек?

— Плохого не скажу. Только выпивать стал. Раньше особенно не увлекался.

Сергей встал.

— Прощай, мне пора. Я частенько вижу тебя на экране. Сделай как-нибудь дяде ручкой.

— Договорились.— Римма улыбнулась.— Скоро телевидение «Машеньку» транслировать будет, я в заглавной роли. Следи за рекламой. В первом акте заметь — я потерябрю косичку. Для тебя.

— Спасибо.

И, уходя, неожиданно спросила — то ли всерьез, то ли шутя:

— Соберусь вот и приеду совсем. С сыном. Примешь?

— Нет,— отрезал Сергей.

— Знаю,— грустно сказала Римма. И, взяв ребенка на руки, ушла.

Сергей сидел в сквере до полудня. Просто так, подставив лицо солнечным брызгам.

Сафин проснулся рано. И тут же вскочил — надо было идти на вахту. Он даже был рад тому, что его бригаде выпало работать именно в первое утро нового года. Сафин надел выдавшую виды меховую жилетку, на нее — рубашку из плотной мягкой ткани и поверх всего — куртку защитного цвета. Обул валенки, по особому заказу сшитые в мастерской. Положил в сетку немудрящий обед оператора — хлеб, кусок холодного мяса, неизменный лук, бутылку с молоком. Прочнейшая кожаная шапка плотно обнимает голову, теплые варежки вдеты в рабочие брезентовые рукавицы. И опять до мелочей знакомая дорога к автовокзалу — вахтовой, как его звали, потому что отсюда отъезжали на вахту и добытчики, и буровики, и ремонтники. Восемнадцать лет звучит по радио все так же молодо и озорно голос диспетчера Клавы Тихоновой: «А-ав-

тобус сто двадцать пятый — база турбобуров, автобус пятьдесят третий — скважины шестого промысла, а-автобус тридцать первый — Имангильдинский нефтепарк», хоть и постарела, погрузнела сама. Сафин забирается на свое обычное место — в кресло с правой стороны автобуса «Шкода». Утренняя вахта начинается с семи, а в небе еще не успели растаять самые упрямые звезды. Где-то слева трогается машина, и в боковом стекле сафинского автобуса двойится туманный желтый набор квадратов — освещенные окна той, соседней, машины. И, кажется, плывет в синюю мглу неведомый корабль, плывет беззвучно, плавно и прощально покачиваясь.

Вот трогается и их машина. Десять минут пути — остановка «Восьмая котельная». Протоптанная еще много лет назад тропинка к домику участка. Покуривают оперторы, прогревается трактор-подъемник, горячо обсуждают что-то пожилые замерщицы.

Для Сафина скважины не были просто «объектами», качающими столько-то тонн. Он относился к ним как к людям, сердясь на них порой и радуясь их хорошей работе. Вот эту, сороковую, он прозвал «ослицей» за непокорный нрав: то дает девяносто тонн, то вдруг сбросит суточный дебит до двадцати. Двести вторая — «умница». С сорок девятого года, как забурили ее, не доставляет хлопот операторам, фонтанирует безотказно; четыреста десятая — «балованная»: то скребок оборвет, то запаарафинивается — «аллах всемилостивый» не успеешь сказать.

Наверно, так бывает, когда привычные вещи наделяешь живыми чертами. К примеру,

на фронте. Каждый из трех танков Галима обладал своим характером. И командир, вышедшему из очередного госпиталя, приходилось привыкать к новой машине.

Заканчивая вахту, Сафин докладывал Старцеву примерно так:

— Ну, Сергей Ильич, мы нынче работнули. «Баловница» не капризничала, «умница» — как всегда, «ослица» пропарки требует.

Он знал каждую ссадину на голенастых ногах скважин, по гудению манифольдов мог определить, здорова ли скважина, не надо ли вызвать «докторов» — бригады подземного ремонта или капитальников. И когда ему вручали орден «Знак Почета» на пятнадцатилетнем юбилее города, он широким плавным движением как бы обнял лесистые склоны Япрык-тау, на которых словно в стремительном беге застыли скважины.

— Жаль, им награда не полагается...

Отдано восемнадцать лет натвердо укатанным дорогам, зимним стужам, прохладным рассветным часам. И до того въелся в тело нефтяной дух, что не вытравишь его ничем. Кажется, до самых костей выпарился в бане, но все равно неистребим он, как клеймо. Лицо стало таким, что, наверно, не почувствует жара расплавленного металла — настолько выдубили его, как кислотой, «солнце, воздух и вода». На араба похож, блестят лишь зубы да еще в молодости побелевшие волосы. Так вот и дотопаешь к тому дню, когда услышишь: «Мы провожаем на заслуженный отдых...» А ведь сначала не верилось, что выдержит, врачи упорно советовали подыскать работу полег-

че: весь искалечен, на одном упрямстве ходил в последние годы. Не повезло в последние дни перед самой победой на одной из площадей остывающего от ярости Берлина. Как вилы через копну, прошла по предместьям Берлина лава «тридцатичетверок», давя, рассеивая среди дымящихся развалин группы фаустников. Влетели на площадь, залитую режущим светом солнца, отбросили люки, поразились горькой душной тишине. Встал на броню старший лейтенант Сафин, прошелся по пуговицам комбинезона, подставляя чужому ветру грязную грудь, и сказал вставшему рядом водителю:

— Кажись, выжили, Степан...— И ударило сбоку что-то огромное, горячее, пламенем охватило небо. Так остался лежать на выщербленной снарядами мостовой белобрысый двадцатитрехлетний Степан Овчаренко, не выпускавший рычагов «тридцатичетверки» с самой Прохоровки. А Сафин очнулся через несколько дней. Посмотрел на себя, трудно сглатывая вниз глаза, и они увидели только белое: белые руки, ноги, грудь. Много суток спеленатый, как кокон шелкопряда, лежал Сафин и решил уже, что отходил свое по земле. Вырвали врачи из бессрочного отпуска, который казалось, был рядышком... А вот сейчас приходится купаться в сторонке, брать отдельную кабину в бане — до того изувечен, что не верится порой самому. Одно неудобство — в лютую жару растелешиться нельзя. Пробовал было как-то в майке ходить, больно уж припекал июль — и увидел глаза Дины Михайловны, полные ужаса. Плюнул, решил терпеть. Не барышня, в самом деле.

Восемнадцать лет рядом с ним Настюша Пастухова. Вот уже и у нее ноги сдавать начали. Шутка ли сказать, столько точек надо обойти за день. Иной раз километров по двадцать оттопаешь. Скорей бы диспетчеризировали, что ли, промысел полностью, чтобы не бегать опрোметью в свой район: не случилось ли чего? Превратилась Настюша из молодой полнотелой сильной девушки в чуть осевшую к земле от нелегкой судьбы своей женщину. В восемнадцать лет, не научившись-то и целоваться как следует, краснеющая от многозначительного мужского взгляда, по самую макушку, как говорится, окунулась в войну. И прошла бок о бок с ним в одной танковой дивизии до самых Бранденбургских ворот. Но сберегла свою застенчивую гордость, никто не смог назвать ее полевой походной женой. Видели ее глаза только одного — Галима Сафина, да и здесь судьба оказалась неласковой. По горячности, махнув на все рукой, вышла в сорок шестом за фартового демобилизованного морячка, но промахнулась крепко: сволочью оказался, бил смертным боем, по девушкам и вдовам шлялся. И уехал совсем к черту на рога, куда-то на Север. Не смогли сойтись она и Сафин: стояли незримо между ними Райса и Айхылу, жена и дочь Галима, погибшие в дикое весеннее половодье сорок третьего. Узнав об этом, Сафин как бы оцепенел. И с тех пор глядел в смотровую щель мимо искаженных вражьих лиц, мелькающих рук тех, кого подминал под себя гремящими траками танк.

Может, и пришел бы тогда Сафин к Насе со своими пожитками насовсем, да радости

от этого не было бы: страшным оказалось последнее ранение, таким, что и людям-то говорить нельзя. Так и живут в одном городе, каждый сам по себе. Сойдутся в праздники, в день Победы, выпьют по маленькой, как бы слушая невеселые свои мысли и отлично понимая друг друга...

...Раздумья его прервал голос Танзили:

— Галим-ага, у нас происшествие!

Обычно лучащиеся смехом глаза Танзили испуганно круглились.

— Что такое?— встревожился Сафин.

— Только сорвался в Птичий овраг и ногу себе... не то вывихнул, не то еще хуже!

— Где он?— отрывисто спросил бригадир, прибавляя шаг.

— В диспетчерской. На лошадке привезли.

Анатолий полулежал на составленных табуретках и пускал кольца дыма в потолок. Глаза его были закрыты, рука осторожно потирала левую ногу. На лбу — испарина, лицо бледно. «Больно же паршивцу,— подумал Сафин,— а лежит, будто ничего не случилось».

У пульта Люба лихорадочно набирала телефонный номер. Шаль сползла на плечи, волосы взлохмачены. Дина участливо поглядывала на Анатолия.

— Что тут произошло?— не здороваясь, громко спросил Сафин. Любка обернулась, тревогой полыхнули ее быстрые глаза.

— В овраг...— начала она, но в это время ответили по телефону.

— Скорая? Ой, приезжайте быстрее, пожалуйста. Первый промысел, второй участок, он рядом с дорогой. Знаете? Оператор... ногу сломал, кажется!

— Как это случилось?— Сафин встал у изголовья Анатолия. Тот, бодрясь, небрежно ответил:

— Как-как... На Птичьем. Кромка снега нависла, я и провалился.

Бригадир повесил сетку на оконный шпингалет, присел на корточки.

— Левая?

— Ну.

— Больно?

— Терпеть можно.

— И что тебя понесло на край оврага? Тропинка-то на отлогом участке.

Анатолий пожал плечами.

— Может, новогодний хмелек еще гуляет?

— Капли во рту вчера не было,— начал раздражаться Анатолий.

Мокрые светлые волосы его прилипли ко лбу, глаза злые, брови насуплены. Веселые и упрямые одновременно брови. Да, характер у парня не сахар. «Зря брякнул насчет новогоднего хмелька,— упрекнул себя Сафин.— А все ж таки, как он умудрился?»

Сафин повернулся к Любке.

— Обещали приехать?

— Выехали.— Любка застыла, прислонившись спиной к пульту, в упор взглянула на Анатолия. Тот, быстро обведя всех взглядом, приложил палец к губам.

Но от Сафина не ускользнул его предостерегающий жест. Дело нечистое, темнит Анатолий. Ах ты, разбойник, неужто опять номер выкинул? Он кивнул Любке и, покопавшись для виду в ящике с болтами, вышел. Следом появилась Любка.

Сафин положил ей руку на плечо, поднял опущенную голову. В глазах девушки искорками вспыхнули слезы, она размашисто вытерла глаза варежкой.

— Выкладывай. Только не врать.

— Господи, какой же он дурак, Галим-ага! Миленький, никому только не говорите, ладно? У него уже два талона по технике безопасности вырезаны. Ведь с работы выгонят!..

...Еще прятались в березняке остатки ночной темноты, а Любка уже шла на скважину, благо, она была рядом, в полукилометре. Она приходила на вахту обычно раньше всех. Ей нравился теплый уют диспетчерской, кислый и душноватый запах самодельных батарей отопления, рассеянное мигание лампочек на пульте, нравилось наблюдать, как вычерчивает прихотливые узоры картограммы осциллограф. И пока приезжала вахта, она или читала книгу, или писала письма брату или техникумовским подругам. Больше писать было некому — мать умерла при ее рождении, отец пережил ее на два года.

Сегодня Любка шла на работу с особым удовольствием, потому что у пульта дежурила с утра Дина.

Новый год они так и встретили вдвоем. Дина, как-то внезапно осунувшаяся после разговора с Андреем, вдруг усадила Любку на диван и начала рассказывать ей о себе, Виталии, Осташкове. Любка сидела не шелохнувшись, никогда еще ей не приходилось слушать такое. Она, привыкшая видеть Малышеву строгой, немногословной, даже немного отчужденной от всего, что ее окружало, поразилась этой задумчивой и страстной исповеди.

Дина вела рассказ, положив подбородок на сплетенные пальцы и время от времени взглядывая на фотографию улыбающегося солдата на капоте вездехода.

Любке страшно нравилось в комнате Дины. Это был небольшой мир, напоенный задумчивой неспешной музыкой блюза, шелестом книжных страниц, по-особому уютный и влекущий к себе вот этой отъединенностью от повседневной суеты. Книжки, журналы, какие-то редкостные проспекты — вплоть до рекламных книжечек с островов Зеленого Мыса, магнитофон с записями знаменитостей. И как бы внося рациональный беспорядок в этот элегантный уют, в дальний угол втесался громоздкий чертежный кульман. Многочисленными орудиями уставились в дверь сложенные на шифоньере трубки чертежей.

Но было что-то пугливое, настороженное в той жизни, которой жили комната и ее хозяйка. Каждая вещь будто внутренне сжалась от ожидания чьего-либо прикосновения... И даже сама Дина ходила по квартире тихой, плавной, чуть скользящей походкой. Ее замкнутая, небогатая внешними проявлениями жизнь наложила своеобразный отпечаток на вещи. Сергей как-то заметил, что Малышева даже в музыке предпочитает минорное звучание, а Дина в ответ пожала плечами.

Дине казалось, что конец этой размеренной жизни придет еще не скоро...

...Когда Любка вбежала в диспетчерскую, Дина разговаривала с кем-то по телефону. Любка обняла ее сзади, та ласково провела по ее раздуряившейся щеке. Они поболтали немного, и Любка со страхом вспомнила, что

забыла долить масла в редуктор станка-качалки на сорок шестой скважине. Дина попыталась успокоить ее: ничего с качалкой не случится, часом раньше или позже — какая разница? Но Любка уже вышла наружу и заторопилась к скважине, срезая дорожные повороты, по колено в снегу. Когда уже показалась за деревьями стройная громада вышки, она в испуге остановилась: ей померещилась чья-то фигура. Кого это принесло в такую рань? Кто-нибудь из школьников-радиолюбителей «раскулачивает» блок местной автоматики? Но эта скважина не подключена к диспетчерскому пульту.

И каково же было ее облегчение, когда слышался знакомый окаянный голос:

— Не дрейфь, третий факел. Я, Анатолий. — Человек двинулся ей навстречу.

Сумрачный. В глазах — ни тени насмешки. Телогрейка нараспашку. Рукавиц нет. Руки в карманах, и видны красные от мороза голые участки запястьев.

— Я залил масло, можешь возвращаться! — безразличным тоном сказал Анатолий. Вот тут-то и надо было ей что-то сделать. Может, застегнуть ватник. Взять за озябшие руки. Или близко-близко посмотреть в глаза.

— Долго спите, мадонна. Так и царствие небесное проспять можно.

Замерло на губах теплое слово. Любка резко повернулась и зашагала прочь. Шаг, десять... пятьдесят...

— Люба!

Она обернулась разом, почти одновременно с окликом. Где же он? На вышке? Что он

собирается делать на лестнице, на такой высоте?

— Люба-а! — Анатолий махал своей шапкой-развалюхой. — Люба, слышишь? — Голос его звенел знакомо, издевательски. — Помяни меня в своих молитвах, нимфа! Ороси слезами мой молодой красивый труп! Але!..

Господи, что он еще надумал? Любка бросилась к скважине. У нее внезапно пропал голос.

— То...ля! — вырвалось что-то, похожее на крик.

На белом, удивительно белом снегу что-то чернело.

— Толя! — Она кричала что-то еще — бесвязное и отчаянное — и, спотыкаясь на ровном месте, бежала к черному пятну у подножия вышки.

Анатолий перевернулся на спину, лицо перекрашено гримасой.

— У, порнография... — простонал он. — Вот так фокус... Я ж пошутить... Тут же яма была, помню... Засыпали, под снегом не видно...

— Что с тобой, что?! — Любка упала рядом, взяла в ладони его мгновенно взмокшее лицо, затем, совершенно не понимая, что делает, стала лихорадочно ощупывать ему руки и ноги. Анатолий сдавленно вскрикнул.

— Толенька... Зачем ты?! — И неудержимо, обильно хлынули из глаз слезы — слезы любви, отчаяния, прощения... Любка начала покрывать поцелуями его губы, глаза, волосы.

— А ты все-таки первая... поцеловала... — Анатолий попытался улыбнуться, но вместо этого охнул сквозь стиснутые зубы. — Левая стойка подломилась, точно...

— Дурень... Сумасшедший.. И все я!..— Любка, окончательно потеряв голову, попыталась расстегнуть ему рубашку, руки ее растерянно метались от лица Семина к своим карманам, ища что-нибудь такое, что могло бы облечить боль.— Горе ты мое!

— Помоги добраться до Птичьего оврага,— прошептал Анатолий.

— Это зачем?

— Чтобы подумали, будто я в овраг... упал. Не поздоровится, выгонят.

— Я никому не скажу, Толенька!

— Могут все равно узнать... В такую рань у скважины. Нарушил технику безопасности, сама ж понимаешь. И так один талон остался...

— Да ты ж не можешь идти! — она в отчаянье огляделась и вскрикнула от радости: у поворота показались розвальни — пожилой дядька вез копешку сена. Он помог уложить Анатолия, согласился подтвердить, что несчастие случилось именно на Птичьем овраге. А для вящей убедительности даже попросил Любку скатиться по склону — Любка покорно выполнила его просьбу, она с трудом соображала, что вообще происходит кругом.

Пока флегматичная лошадка везла их к диспетчерской, Анатолий так и не выпустил горячей Любкиной ладони. «Какой же скот! Ребята бы сдохли со смеху, узнай причину «выступления». Не мог по-человечески!» — казался он.

—...бить некому вас,— рассвирепел Сафин и выругался, но Любка пропустила ругань мимо ушей.— Что я начальству скажу?! Что? С меня спрос!

— Скажите — Птичий... Галим-ага! — Любка умоляюще погладила руку бригадира.

— Я бы этого щенка!.. Только ради тебя грех на душу беру, неспособный я как-то... это самое... врать.

Привычное совещание: нефтепромысловое управление подводит итоги прошлого года. Знакомая публика — «аппаратные» работники, заведующие промыслами, парторги, начальники участков, мастера — бюро горкома едва ли не все. Огромный зал с развесистой люстрой под потолком, бархатные портьеры на окнах, стулья из мореного дуба. Дворец был построен в пятидесятых годах, и холодноватое дыхание модерна не коснулось его.

Уже выступил с докладом начальник управления Ахмет Закирович Азаматов, низенький, круглый, как катышек, нечетко выговаривающий «р». Говорил сухо, деловито, с многочисленными выкладками. Доклады, доклады... Привычные до оскомины: «Успехи налицо, но есть еще, товарищи...» В каждой после изрядной порции скромных самопохвал усердная самокритичность, а в финале жалобы: нет того, нет этого, обещали то-то, не выполнили, просим вышестоящие...

Сергей нервничал и с досадой поглядывал на секретаря горкома Силантьева: что же ты, противник гладких выступлений! Сам ратуешь за живость, хорошую деловую злость. Встряхни зал, отпусти жесткие вожжи трафарета!

Сам он перед выступлением не волновался. За этой массивной трибуной он почувствует себя так же уверенно, как и в красном уголке промысла.

Молчанов сидел прямо у входа в зал, нахохлившись,— заскучал. Рядом — Андрей. Бросил сцепленные пальцы на колени, слушает внимательно.

— Слово начальнику второго участка первого промысла товарищу Старцеву.

Сергей ощутил нервную дрожь... Неторопливо поднялся на сцену, обвел глазами зал.

— Я бы просил собрание дать мне дополнительное время. Боюсь не уложиться.

— Как, товарищи? Дадим пять-семь минут?

— Дадим! — выдохнул зал.

Сергей начал выступление так, как будто бросился в атаку — безоглядно, напористо.

— Совещание идет к концу, а нет ни одного выступления, которое могло бы расшевелить хотя бы вон тех товарищей во втором ряду. Кажется, они уже похрапывают.

Зал колыхнуло от сдержанного смеха.

— Многообещающее начало! — бросил реплику Силантьев.

— Проценты, заверения. Ни одного анализа, конкретных, ясных предложений, исключая разве доклад Азаматова. Ни одного делового мордобоя. Тишь да гладь, божья благодать. Может быть, поэтому бездействуют у нас сто десять скважин? Горят памятники нашему великолепному головотяпству — факелы! Летят в воздух легкие фракции нефти! Ржавеют под открытым небом высокопроизводительные насосы, которых добывались два года! Тянем, как кота за хвост, сдачу в эксплуатацию насосных кустовых станций, хотя пластовое давление катастрофически падает. Я говорю общеизвестные вещи, они попросту

обрыдли нам. Но мы народ невозмутимый — привыкли. План есть — и привет Шишкину. План, который стал фиговым листочком, прикрывающим наши огромные упущения. Хорошо, что он есть на белом свете.

Сергей перевел дыхание, и снова голос его ворвался в выжидающее молчание зала.

— Рискую прослыть неоригинальным, позволю себе напомнить, что проценты делают люди. Хорошие, бесчестные, энтузиасты. А кто определит качество человеческой души, которое неподвластно самому совершенному техническому контролю? Нас, начальников участков и мастеров, зовут конягами. С скромная оценка, но мы люди не гордые. Нам приходится стоять у истоков того, что потом оборачивается победной реляцией или застенчивой сводкой о выполнении плана. Но очень часто бывает так, что премиальные, которые мы получаем, жгут нам руки. И мы готовы заявить: не нужны премии, заработанные спекуляцией на профессиональной чести и порядочности вообще...

Зал глухо заволновался. Силантьев поднял голову.

— Пора поговорить по крупному счету, не прячась за спину так называемых объективных условий и демагогических формулировок типа «люди хотят заработать».

Давно и пристально присматриваюсь я к работе бригад подземного ремонта скважин. И, честное слово, на душе становится все тревожнее. Вы знаете, чем рискует врач, плохо лечивший больного? Не только утратой своего профессионального реноме, но и, бывает, свободой. Есть что-то общее в работе врача и

подземных бригад. Отремонтировали скважину — и с плеч долой. Покряхтела она месяц — и снова в ней копайся. А почему бы подземникам с ней еще не повозиться? Ведь вознаграждение они получают с количества ремонтов! Неслыханная вещь, которой мы не удивляемся, мало того, практикуем годами: чем чаще выходят из строя скважины, тем выше у ремонтников заработок! И мы спокойно спим, зная, что хромающих скважин на наш век хватит. Абы вот это! — он потер большой палец об указательный и залпом осушил стакан воды.

— Да и сама система оплаты труда прямо-таки стимулирует рвачество. Посудите сами. Скважина простояла по чьей-то (не подземников в данном случае) вине. Логически рассуждая, виновные должны нести ответственность. А оказывается, что виноваты... подземники — плохо отремонтировали. А вдруг падение добычи объясняется причинами чисто геологического порядка? Мастеру подземной бригады ничего не остается, как скрывать простой, иначе срежут премию. Вот вам и борьба за увеличение безремонтного периода работы скважин!

Как бы ни были надежны трубы, оборудование, инструмент, главное — это мы с вами. Вывод один: сдавать отремонтированные скважины с гарантиями. Предвижу возражения: нет хорошего инструмента, поджимает время спуско-подъемных операций, плохо подготавливаются к ремонту сами скважины. Но это излюбленные наши приемы, ибо работаем по принципу: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Нужна строжайшая организа-

ция труда, премирование за долгу работу скважин, а не за количество и скорость ремонтов. На кой, простите, ляд нужно мне рекордное время ремонта, если скважина завтра же остановится? Вполне безболезненно можно увеличить время спуска и подъема, зато ремонт будет качественнее. Конечно, нужно, чтобы сами насосы ремонтировались в соответствующих цехах хорошо, иначе подземники так и будут выступать в роли козлов отпущения.

Прошу понять меня верно. Я знаю, многие сейчас думают — выискался борец против косности. Ничего нового, по сути дела, в моем предложении нет. Но обманывать государство никому не позволено. А мы его обманываем форменным образом. Понимаю, что традиции — вещь живучая. Понимаю, что вопрос о гарантии ремонта нужно решать в комплексе с рядом других проблем. Но настала пора вплотную заняться ликвидацией «узких» мест. В добычу упорно пробивается автоматика. Месторождение, его мощность, точнее, истощается. Все больше начинает преобладать механизированный способ добычи, земля уже не может давать нефть сплошным фонтаном, как раньше, — приходится выдирать с боем, с огромными затратами нефть. И надежная работа скважин в этих условиях... в общем, вы понимаете.

Не за горами повсеместное внедрение группового сбора. Рано или поздно придем мы к однотрубной системе добычи. Жизнь прямо-таки тычет нас носом в проблемы не сегодняшнего, а уже завтрашнего дня. Ясно, что техническое переоснащение добычи обязатель-

но повлечет за собой изменения организационного порядка. И к этому надо готовиться.

Кончаю. Расскажу только об одном случае. Недавно я чуть не набил физиономию мастеру подземной бригады из моего участка: принес мне липовые наряды. Было отмечено в них, что скважина отремонтирована в кратчайший срок, перечислялись виды произведенных работ. А к этой скважине вот уже два месяца не подходил ни один ремонтник! Как это называется? А мастер-то опытный, собаку съел на подземных ремонтах, коммунист, мне в отцы годится. Дальше идти некуда. Всем нужны деньги. Но лучше получать немного меньше, чем вот так. К сожалению, в горкоме меня называли прожектором, интеллигентно высекли, так сказать. Разве это прожектерство — нежелание халтурить? Разве это непартийно — требовать честной работы и чистых рук? Не понимаю начальника управления товарища Азаматова, чутье к новому и горячая заинтересованность в полезных начинаниях которого общеизвестны.

Я говорил, наверно, не очень связно. Но от души. Иначе я не могу, поверьте.

— Слишком запальчиво, Сережа.— Молчанов, глубоко утопив руки в карманах пиджака, прохаживался по коридору.— Эмоций многовато.

— А в общем?

— Кажется, довольно убедительно, хотя общеизвестных фактов привел больше, чем надо.

К ним подошел дочерна загорелый, средних лет человек. Обнажил в улыбке сверкающие металлом зубы.

— Без заработка решил оставить нас, Сергей Ильич? — пошутил он, но глаза смотрели остро, прощупываяюще. — Всю жизнь благодарили за быстрый ремонт, а я, по-твоему, выходит... И насчет рвачества загнул. Скважину, как мясорубку, по частям не раскидаешь. Бес ее знает, что у нее там, внутри.

— Брось, — посоветовал Сергей. — Не смеши, Сбитяков. А что касается рвачества, могу припомнить двадцать шестую, тысяча двухсотую, пятьдесят третью. Еще?

— Ну, понес! — на лице собеседника появилось что-то вроде смущения. — Я о том хочу сказать, что круто больно забираешь. Народ не поддержит.

— Твоя бригада — еще не народ, — отрезал Сергей. Сбитяков, посмеиваясь, отошел.

Кто-то тронул Сергея за локоть. Обернулся — Андрей.

— Ну, и?..

— Остаюсь при своем мнении, — пожал плечами Осташков.

Крылья тонкого с горбинкой носа Сергея затрепетали от обиды.

— Почему?

Андрей сел на низкий подоконник. Сергей и Молчанов стали рядом, как бы замыкая круг.

— Все очень эффектно. — Осташков размышлял вслух. — Даже смело. Называй, как хочешь. Ломка окостеневших правил, повышение ответственности — сейчас это модно. — Он встретил требовательный взгляд Сергея. — Вот мое мнение: ничего, по крайней мере в ближайшее время, не выйдет. Ты шутишь — такая перестройка? Наверно, умные головы над этим уже не раз думали до нас с тобой.

— Нужен эксперимент,— перебил Сергей.

— Скважина есть скважина, Серега. Стул можно починить и дать гарантию, что он не развалится под тобой. Допустим, ты отремонтировал скважину: заменил секцию труб, пропарил, опустил новые штанги. Вроде, все сделал, что надо. И вдруг — авария. Ты, конечно, виновник. А на самом деле виноват какой-нибудь растяпа-оператор, задвижку забыл открыть. Вот и давай гарантию.

— А ты перестраховщик, Андрюха.

— Просто более трезво смотрю на вещи. Займись-ка лучше чисто инженерной проблемой. Их сейчас — считать не пересчитать.

— Ну и черт с тобой... рационально мыслящий.

— По-моему, все-таки ты прав, Сергей.— Молчанов поправил галстук Старцеву и обернулся к Осташкову.— А ты хоть не мешай, если не согласен.

— Интересно, как бы я смог помешать, если я вообще здесь не работаю?— пожал плечами Андрей.

В прениях выступило человек десять. И все — против Сергея.

После совещания что-то надломилось в отношениях Сергея и промыслового начальства. Заведующий промыслом Фатеев старательно замалчивал успехи участка, неохотно давал руку при встрече и вообще стал смотреть на него как на человека, окончательно утратившего в глазах оружающих авторитет. Мастера бригад подъемников стали больше советоваться со старшим инженером промысла Троянов-

ским, более покладистым. Сергей сразу же ощутил вокруг себя нечто вроде пустоты. Сочувственные взгляды коллег старался не замечать. Лишь сутулый простоватый Тимофеев, его мастер, безоговорочно поддержал его: подземный ремонт он знал хорошо. Мало того, на одной из оперативок он, никогда почти не выступавший и обычно прятавшийся за железным сейфом, вдруг разомкнул рот и пробурчал: «Больно много подземников по головке гладим. Глазу нет, оттого, стало быть, и халтурят. А ударить рублем — поймут». «Медведь в лесу сдох, — бросил кто-то реплику. — Тимофеев голос подал».

Молчанов был занят по горло: пропадал на скважинах, дотошно вникал в ремонт, обстоятельно говорил с подземниками, когда они, сняв пластмассовые каски, садились на перекур поодаль. Возился с цифровыми данными, часами торчал у экономистов, терроризировал, по его собственному выражению, Азаматова. Практически получалось так, что вопросами ремонта он занимался несравненно больше, чем Сергей, который с головой залез в повседневные заботы: конец января, и некстати захромали три скважины.

Андрей окончательно обосновался в техническом отделе управления, занявшись групповым сбором нефти. «На кандидатскую, что ли, целишь?» — не без ехидства осведомился как-то Сергей. Тот отшутился.

...Алексей Петрович Фатеев долго расхаживал по широкому кабинету, заложив руки за спину. Высокий, полный, с сединой в негустых волосах, с властными складками уже изрядно постаревшего лица, в полувоенном

кителе, бывшем в ходу в послевоенные годы, он напоминал то ли ответственного районного работника, то ли председателя колхоза. Товарищи не раз говорили ему: «Да сбрось ты свой хитон, Алексей! Ходишь... как уполномоченный по заготовке копыт. Иностранцы чуть ли не каждый месяц бывают...» Фатеев отмахивался: «Так удобнее. Не на балу нахожусь, на работе». До сих пор осталось в нем что-то от деревенского парня, пришедшего в сороковом в эти края в косоворотке и смазанных сапогах. Нетороплива речь. Осмотрителен.

Фатеев подошел к столу, взял листок бумаги, разграфленный вдоль и поперек. «Образец гарантийного паспорта». Вздохнул. За окном оглушительно рывкнул газик-вездеход: шофер торопил. Фатеев поморщился: надо сказать, чтобы сменил сигнал, стыдно ехать по городу, орет, как стадо ослов. Пора ехать к заведующему соседним промыслом: обещал взаимобразно дать два километра труб. Надоел подшефный колхоз со своими просьбами.

Рассеянно поглядывая на скважины, обступившие автостраду, с внезапным раздражением вспомнил Старцева. Полчаса назад, яростно хлопнув дверью, тот вылетел из его кабинета, предварительно съязвив: «Вы превращаетесь в натурального фельетонного бюрократ. Шатуновского на вас нет!» Алексей Петрович перед этим даже не взглянул на бумагу, а сказал Сергею: «Упрям же ты, хлопче! От души советую, Сергей Ильич: брось ерундой заниматься. Не до того. Занимайся своим прямым делом — добычей. Скорее вводи в строй высокодебитную скважину — триста тонн теряем каждый день. Конец семилет-

ки на носу, а ты...» И дал понять, что разговор окончен. Сергей был не один. На стуле у окна примостился худенький парень в огромных поблескивающих очках, оказавшийся корреспондентом областной газеты. И тем более неприятным был резкий разговор со Старцевым. «Знай с самого пачала, кто это такой, можно было бы наседать на Сергея не так круто. А, леший с ним! Но до чего въедлив, настырен оказался этот очкарик! Крепкие доводы, логичные рассуждения. И не нажимал на внедрение гарантийного паспорта, а доказывал необходимость эксперимента. Фатееву не оставалось ничего, как прикинуться занятым по горло и пообещать «подумать».

Какая муха укусила Старцева? Впрочем, удивляться нечему. Этот цыганистый парень был всегда упрям — вцепится, как клещ, в загодов, не переубедишь ни за что. Другие начальники участков не лезут в поваторы. Несут общественные нагрузки, с ними по-толковому всегда можно договориться. А Сергей раздражающе подвижен, что ли, резок до грубости. То потребует перевести нормально функционирующую фонтанную скважину на эксплуатацию глубинным штанговым насосом, то ратует за отмену пропарки скважин и доказывает выгоду промывки ее горячей нефтью. Но надо признаться, что его выступлений на собраниях всегда ждут с охотой, потому что он не щадит ни других, ни себя.

В последнее время при встречах с Сергеем Фатеев внутренне ошетикивался, готовясь к тому, что настроение будет испорчено обязательно. По глубокому убеждению заведующего, Сергей являлся досадным возмутителем

спокойствия, привычного ритма, в котором руководимый им, Фатеевым, промысел работал многие годы. Вот предшественник Старцева: и с людьми поговорить мог, и пройдоха в смысле снабжения, и изворотливый в случае срыва плана — знал ходы-выходы. Правда, слабоват как специалист, но этот недостаток отлично компенсировался административными началами, заложенными в нем. И — на тебе! Не хватало бабе забот, купила порося. Назначили Старцева. И все — Азаматов. Будто сердце чуяло, что хлебнет с ним забот. Мало того, по настоянию Азаматова же Старцева поставили старшим группы по освоению новой техники. И закрутилась карусель! Тщательный подбор оптимальных режимов работы скважин, испытания гидропоршневых насосов, скребков новой конструкции. А сейчас разрабатывают разобщающее устройство для эксплуатации девонского и угленосного горизонтов. Никакой плановости, все делается лихорадочно, на пожар спешит как будто.

Алексей Петрович отгонял от себя навязчивую мысль о том, что он начинает побаиваться его свойства быть неудовлетворенным собой, делами. И чего колготится парень? Участок — один из лучших в стране, постоянно занимает призовые места в смотрах-конкурсах на лучшую организацию труда. Таких людей башкиры зовут «арбалы», человек с телегой, которая вечно цепляется за что-то и мешает окружающим.

Постепенно крепло в заведующем решение спихнуть Старцева в аппарат управления, в отдел, там найдутся люди, готовые слушать его. С людьми ладить не может (вообще-то,

не совсем так). На участке черт-те что творится: Семин ногу сломал (на других участках были ЧП похлеще), вечные переливы на скважинах (всего четыре случая за два года), ходят слухи, что сам Сергей избил тракториста Степашина (за такое безобразие судить надо, по правде говоря).

Фатеев с удивлением поймал себя на том, что свои обвинения отменяет сам же. «Оказывается, чувство справедливости все же живет в человеке», — как-то невесело подумал он.

Как ни обвиняй парня, а молодежь он к себе привлек. Пришла на днях рыженькая девчонка из Сафинской бригады и от имени комсомольской организации предложила включиться в борьбу за бесфакельную эксплуатацию скважин, добавив, что мысль эту подал Старцев. Тараторила целый час. Дались им факелы! Видели бы, что здесь творилось лет семь назад. Сотни факелов обступали город, будто стекались сюда толпы с пылающими светильниками. Сейчас — что? Пять-семь штук. Тем более, что мощь компрессорных станций недостаточна, газ не добирают. Вот и приходится сжигать, куда денешься!

Порой в Алексее Петровиче просыпалось смутное сознание собственной неправоты, но груз лет — и каких лет! — высокий пост и ежедневное «давай-давай» сделали свое дело. И если вспоминались непостижимо тяжкие сороковые годы, дерзость планов, осуществление почти фантастических задач, то вспоминались с добродушным вздохом, с налетом легкой сентиментальности: да, была молодость! Все вынесли на плечах своих, сделали невозможное.

Фатеев, однако, чувствовал, что постепенно утрачивает когда-то бывшую в нем веселую ярость, напористость. Азаматов, давний товарищ, заметил недавно: «Без перспективы живешь, друг Алексей. Мыслить завтрашними задачами почти разучился». Фатееву стало понятно, почему начальник управления поддержал Старцева на одном из постоянно действующих производственных совещаний, когда тот заявил: «Создается впечатление, что Алексей Петрович плотной ширмой отгородился от дел, мыслей, которыми живет наше управление. Ведь слепому ясно, что фонтанирование отходит в прошлое. Надо вплотную браться за максимальное внедрение механизированных способов добычи нефти. Это ж аксиома, товарищи, мне неловко делать упреки такого рода заведующему. С каким трудом и раздражением, Алексей Петрович, вы даете «добро» свое на новый вид эксплуатации!»

«Старею я, что ли?» — вдруг спросил себя Фатеев и сам испугался этой мысли.

Для Любы весь мир сузился до размеров белоснежной палаты. Больные знали — ровно в пять в коридоре хирургического корпуса появится рыжая девчонка с чинно поджатыми губами и, бойко постукивая ботинками, пойдет в палату № 19. Там лежал со сломанной ногой парень лет двадцати, неутомимый анекдотчик и остролов, мастер по переделке песен. Порой он так перелицовывал популярную мелодию синкопированными эстрадными ритмами, что больные, хватаясь за животы, ржа-

ли в подушки. Его знали почти все: третий год он играл в оркестре Дворца культуры.

Ровно в пять парень замолкал, как иссякающий ручей и, натянув до подбородка одеяло, смотрел на дверь. Появлялась она, садилась рядом с койкой. Трое соседей Анатолия были «ходячими» — они деликатно уходили в курилку.

Пожалуй, за время Любкиных посещений они толком так ничего и не сказали друг другу. Говорить было не о чем, говорили тесно сплетенные пальцы, взгляды, вспыхивающий румянец на девичьем лице. Даже массивные лепные карнизы видневшегося в окне здания, нотные значки нахохлившихся воробьев на проводах откладывались в них радостью. Любка вставала, робко проводила ладонью по щеке Анатолия и уходила, светло улыбнувшись напоследок.

Анатолий несколько минут после ее ухода лежал с закрытыми глазами. И который уж раз думал, что если бы не этот перелом ноги — кто знает, держал ли бы он ее крепкие, готовые выскользнуть в любую секунду пальцы... В одно из своих посещений Любка бросила вскользь: «Думаю волосы обрезать, прямо грива львиная». Анатолий необычайно разволновался и сказал самую длинную за последнее время фразу: «Только попробуй. Они же... ну, не только твои. Я тогда вторую ногу поломаю...» Любка счастливо рассмеялась и часто-часто закивала головой.

Лежа с сомкнутыми веками, он восстанавливал Любку в своем воображении снова и снова, как бы составляя ее мозаичный портрет и удивлялся, чувствуя себя стесненно,

необычно. Опутало его что-то ласковое, властное, обуздало не признающий никаких увещеваний нрав. Он даже не огрызался на двусмысленные намеки соседей, не реагировал на многозначительные взгляды сестры, а просто улыбался широко и бессмысленно, как грудной ребенок.

Часто приходили Генка и Танзиля, он скармливал им шоколад и яблоки. О своей ноге, положенной в гипс, Анатолий отзывался так пренебрежительно, словно на ней была пустяковая царапина. Несколько раз были ребята из оркестра. За два вечера он написал им партитуру для сюиты, уточнил репертуар ближайшего концертного выступления, с веселой улыбкой пригрозил отвернуть кое-кому башку, если не найдется потерявшаяся труба.

Однажды, едва Любка ушла, пришел Старцев.

Он постоял в дверях, насмешливо прищурившись, покачался с носка на пятку.

— Здоров... мастер беспарашютного спорта.

— Привет, Сергей Ильич, — ухмыльнулся Анатолий. — Это что, специальный... как его... демократизм начальства?

— Помалкивай, — ткнул его Сергей кулаком в бок. — Тоже мне, темпераментная личность. Оригинал-неудачник. Если б все твоему примеру следовали, хромых женихов развелось бы... Уж прыгать — так прыгать в сугроб. С дерева. Брать на испуг.

— Так ты... вы знаете? — опешил Анатолий.

— Скажи спасибо Сафину, что Фатееву рапорт не написал. А стоило бы... за красивые

слова, что ты ему в лицо швырнул. Да и мне бы влетело.

Анатолий вздохнул:

— Так уж получилось.

— Детективы любишь?

— А как же!

— Везуч ты, парень. Держи.

— Вот спасибо!

Анатолий что-то не узнавал сегодня начальника участка. Усталость, какая-то напряженность в лице. Поперечная складка на переносице. Улыбается через силу.

— У вас неприятности, Сергей Ильич?

Сергей неопределенно пожал плечами.

— Как нога-то?

— Заживает. — Анатолий искоса взглянул на толстую бесформенную глыбу, круглившуюся под простыней.

— Ладно, я еще зайду.

— Спасибо.

— Вот что, Толя. Надо бы тебе извиниться перед Сафиным. Лично я такого оскорбления не простил бы. А похуже слов ты не мог выбрать? Ты лучше посмотри, что с ним война сделала. Выбери момент и посмотри. Может, поймешь.

В коридоре замерли его четкие, быстрые шаги.

Ночная вахта. Сочный скрип снега под валенками. Кажется, что кто-то неторопливо жует сухари. Смутно-беспокойное небо исполосовано голыми ветвями деревьев, словно сквозь кожу проступила сетка артерий. Легкая беспричинная тревога в душе. Рука не-

произвольно сжимает суковатую палку с набалдашником-корневищем. Берешь ее просто так, на всякий случай, с ней все-таки веселее. И когда натыкаешься на трубу, идущую от скважины на сборный пункт, радуешься, словно знакомого встретила. Фосфоресцирующая стрелка часов карабкается от цифры к цифре. Между скважинами, которые надо обойти, расстояния, полные шорохов, мягких шлепающих звуков снега, падающего с веток. Зуммерит нефть в манифольдах. Никогда, наверно, не привыкнуть к этой затаенной тишине — ночная вахта, этим все сказано.

Мороз определенно начал крепчать. Любка почти бежала по лесу, еле успевая вытаскивать ноги, то и дело проваливающиеся в хрупкий наст. Откуда такой морозище в марте? Только вчера у Ильчимбетовского распада видела тоненький и звонкий, как пластинка ксилофона, ручей. А сейчас даже через теплую варежку прохватывает руку. Тетя Настя не решилась пойти, осталась у меня в теплой будке. Сидит, наверно, слушает последние известия и греет ноги на электрической печке. Бедная тетя Настя, совсем у нее плохо с ногами. Молодец Сергей Ильич, что перевел ее в легкий район.

Никогда еще Любка не мечтала так, как мечтает сейчас, чтобы рядом был Анатолий. Так и шли бы они, думая о том, что эта лесная тропа — начало долгой-долгой дороги, которую надо пройти вдвоем. Толя, Толька, Толенька. Удивительно — и все. Толя, Анатолий... Как он похудел! Плохо кормят, что ли? Если так, можно носить ему еду из ресторана, там знакомая девчонка работает.

Впереди — алые всплески. Черно-красные сполохи испуганно мечутся по лесу — это бьется недалеко факел. Бр-р, как холодно! Скорее к факелу, отогреться.

Он ослепил ее. Огромное пламя ревело над ее головой, вырываясь из пятиметровой трубы. Оглушительно, будто тысячекратно усиленный звук пастушьего кнута, огненные хлопья рвали воздух. Огромный парус то выпячивал пылающую грудь, то сгибался в истовом поклоне. Любка перебралась через земляной вал, ограждавший факел, и даже вскрикнула от неожиданности: на оттаявшей земле явственно виднелись темно-зеленые стрелки ранней травы. Здорово! Земля задышала, и зелень, перепутав факел с солнцем, поспешила выбраться наружу.

Руки и ноги стало покалывать: факельный жар сделал свое дело. Любка задумалась. При свете этого огнедышащего дракона глаза ее стали отливать жгучим черным цветом.

...Когда Любку избрали в комитет комсомола, она загорелась пока еще абстрактной идеей сделать что-либо из ряда вон выходящее, масштабное, по выражению Дины. Комсомольский прожектор, руководителем которого она оказалась, постоянно напоминал об этом. Конечно, борьба с любителями выпить — дело немаловажное, но все-таки хотелось большего.

Как-то по дороге домой она разговорилась с Надей, девчонкой из соседней бригады — разбитной, не лезущей за словом в карман, с мальчишескими хватками.

— Ты когда свои скважины в порядок приведешь, Надька?

— А что? — удивилась та.

— А то... Инструмент грязный, на емкостях — потеки, мостки вкривь-вкось.

— Да и не мое это дело — мостки сколачивать. Да и вообще.., что ты в меня вцепилась? — возмутилась Надя.

— А сама? Ходишь по городу в брезентовке, в ватных штанах. У тебя фигурка такая, а ты ее уродуешь...

Девушка вспыхнула, но промолчала.

Реплика, брошенная недавно Сергеем, не давала ей покоя. Придя на одну из скважин, расположенную недалеко от факела — нужно было ликвидировать последствия газового выброса, — Сергей промолвил, глядя на бушующее пламя:

— Подуй ветер в сторону скважины во время выброса — был бы фейерверк. И вообще пора давно заткнуть факелу глотку. — И добавил как бы в шутку:

— Кишка тонка у комсомола, Люба?

И в тот же день, как снег на голову, свалилась иностранная делегация — немцы. В сопровождении Азаматова, Фатеева, Старцева и группы операторов, среди которых была и Любка, они посетили первую девонскую скважину, «бабушку» месторождения. Вдали неистовствовали два факела. Пожилой очкастый немец в бобровой шапке с козырьком, показывая на них длинным сухим пальцем, сказал по-русски: «Плохо. Надо ферзаммельн... это... собирать газ. Газ — рубль, нельзя пропадать». Фатеев хмыкнул что-то неопределенное, Азаматов сосредоточенно читал до мелочи знакомую мемориальную доску на скважине.

Конечно, смешно рядовому оператору давать советы тому же Фатееву. Но слова иностранца не выходили из головы. Да и осталось-то их, факелов, всего несколько штук. Десятки погасили, как рассказывают, в последние годы. Она как бы между прочим поинтересовалась у мастера Тимофеева, сколько газа сгорает за сутки. Услышав, сказала тихонько: «Мама!.. Сто пятьдесят тысяч кубометров».

Было в ее мыслях и поступках что-то детское, стихийное. Генка — тот попросту поднял ее на смех: «Хохмачка! Если брать в общем масштабе производства и соотнести все это с имеющимися факелами, то получится бесконечно малая дробь». Любка отмахнулась от него и подалась к Сергею. Тот внимательно выслушал ее и улыбнулся.

— Реплика немца покою не дает? — и продолжал, уже серьезно:

— Во-первых, надо подумать, куда газ девать будем. Не выпускать же его живьем в атмосферу. Газокомпрессорный цех не берет, и так, мол, перегружены. Да если бы и согласились качать, где мы возьмем трубы? Линию же тянуть надо. У них зимой снега не выпросишь. Гвоздарев — это, брат ты мой, такой еще гусь...

...Никогда бы не подумала Любка, что способна твердить одно и то же в течение двух часов. Начальник газокомпрессорного цеха Гвоздарев, моложавый брюнет в кожаном реглане, вначале приятно улыбался, сочувственно поддакивал, сокрушался и... отказал.

(Ох и противная, оказывается, у него улыбка! Как чечевица!)

— Милая девушка, несмотря на весь трагизм положения, в котором очутился прославленный и глубоко чтимый мной первый промысел, ничем помочь не могу. Ничем!

— У вас есть старый компрессор, — выпалила Любка.

Аккуратная скобочка брови начальника полезла вверх.

— Ин-те-рес-но! А я ничего не знаю!

— Он стоит у вас в пристрое гаража, — нанесла Любка еще один удар.

— Впервые слышу! — Губы собеседника приняли форму сердечка.

(Господи, чего он кривляется!)

— Наплавить два подшипника, сменить шестерню в редукторе, опрессовать систему смазки — и можно пускать в эксплуатацию, — не моргнув, доложила девушка.

Это был полный нокаут.

— Милая девушка, считать чужие деньги — признак невоспитанности.

— Ваша прямая обязанность — собирать газ, — официально произнесла Любка. — А что касается денег, то в карманах ваших рыться не собираюсь.

— До свиданья, очаровательная, мне некогда, — протянул Гвоздарев. — Дерзайте... У себя на промысле. Мы уж как-нибудь сами.

Любка покинула кабинет.

Говоря правду, она сама не надеялась, что ее предложение вызовет взрыв энтузиазма. Любка отлично сознавала, что с утилизацией газа дело в общем и так обстоит неплохо, но именно поэтому следовало погасить «незаконнорожденные» факелы. Насовсем, чтобы не бросались так резко в глаза. Добытки же

рассуждали примерно так: где три, там и четыре факела, невелика беда. Вопреки опасениям, комсомитет поддержал и вынес этот вопрос на собрание. Было решено поручить всю работу Сафинской бригаде, помочь достать в первую очередь трубы.

После собрания очень удивила Любку Танзиля.

— Дались тебе эти факелы, Любаша, — пожалала плечами. — Никто спасибо даже не скажет.

Никогда не терявшая отличного расположения духа Танзиля относилась ко всему с легким благодушием, как бывает у слишком уравновешенных людей.

— Да что ты, Танзиля? Серьезно? Не знаю, смогу ли объяснить. Для кого как, но для меня мой промысел — мой дом. Скважины. Участок. Бригада. Ты, Генка, Дина Михайловна, Старцев. Понимаешь, я живу этим. Ведь когда в доме беспорядок, у хорошей хозяйки руки чешутся заняться уборкой. Странно ты рассуждаешь!

Мысль о дополнительном компрессоре, сама того не ведая, подала соседка по комнате, та самая, к которой приезжал из армии муж. Она работала помощником машиниста компрессора как раз у Гвоздарева и однажды обмолвилась о старом агрегате, который демонтировали и заменили более мощным. Любка хорошо запомнила услышанное, а при случае выведала у нее те подробности, которыми впоследствии ошеломила манерного начальника газоконпрессорщиков.

Но дело так и застопорилось. Не помогла и представительная делегация в составе ее,

Генки, Танзили и даже Сергея. Снова Гвоздарев приятно улыбался, разводя руками, и отбил все атаки. Сергей, терпеливо слушавший утомительный разговор, вдруг взорвался:

— Ты что мозги крутишь, Евгений! Тебе дело говорят, а ты!..

Гвоздарев осекся.

— Пошли отсюда. — Сергей решительно запахнул плащ. — С тобой, Гвоздарев, толковать — что телеграфному столбу проповедь читать.

И уже во дворе предложил:

— Айда в горком, к самому Силантьеву. А я Гвоздареву еще припомню при случае. Этот из таких, что сто лет сопли на кулак мотать будет. Знаю.

Силантьев начал рабочий день с ощущением того, что в чем-то допустил ошибку. Ощущение было неясным, расплывчатым, он никак не мог привязать его к определенному событию. Но что-то беспокоило. И хоть долгие годы он отдал партийной работе, никак не мог приучить себя к тому, чтобы не упрекать себя же за решения, верность которых представляется сомнительной. От ошибок никто не застрахован. И поэтому заходившие в кабинет работники аппарата, поглядывая на его непроницаемо-спокойное лицо, слушая его негромкий, юношески высокий голос, решили: что-то случилось.

Вошла секретарь.

— Виктор Павлович, к вам тут целая делегация.

— Откуда?

— Молодежь. С первого промысла. С ними этот... начальник участка Старцев.

Старцев! Силантьев кивнул — пусть входят — и в памяти резко очертилось лицо молодого инженера, когда он на бюро доказывал важность своего предложения о гарантийном ремонте. А он, Силантьев, послушавшись доводов руководителей управления, довольно-таки бесцеремонно назвал инициативу Старцева прожектерством. Неприятный осадок остался в душе после совещания. Однажды, во время перерыва, он встретил взгляд Старцева — в нем читался упрек с легкой, как показалось, иронией.

Жестом пригласив вошедших сесть, Силантьев внимательно оглядел каждого. Удивительно рыжая, чуть возбужденная девушка мнет в руках пушистые белые вареники. Другая, круглолицая, очень, наверно, смешливая, смотрит в потолок. Старцев, смуглый, с вечно беспокойными глазами, как всегда безукоризненно одетый, изучает кабинет. «Что их привело? Может быть, то же самое, о чем говорилось на бюро? Ну и упрям же Старцев, если это так!»

Силантьеву всегда нравилось работать с молодежью — сказывалась, очевидно, военная привычка давних лет: его постоянно избирали комсоргом, сначала — роты, потом — полка. Вот и сейчас по возможности он старался принимать участие в комсомольских мероприятиях. Однажды даже его третий секретарь полусерьезно-полушутливо упрекнул: «Ты что же это мой хлеб отбиваешь, Виктор Павлыч?»

— Молчать будем? — Силантьев улыбнулся.

И тут рыжеволосую будто толкнули в спину — она стремительно бросилась рассказывать. Из ее страстного монолога секретарь уловил лишь одно: без толку горят высокодебитные факелы, трубы они уже нашли, нужен компрессор, тоже нашли, да Гвоздарев жилится. Она так и сказала — «жилится», а Силантьев усмехнулся.

— Погоди-ка, Люба. — Сергей остановил разгоряченную девушку и лаконично объяснил, в чем дело.

— А Фатеев? — спросил Силантьев.

— Ой, что вы! — Опять не выдержала Любка. — Не разрешит!

— Почему?

— Да... чувствую. Знаю.

— Определенно не разрешит. Опять скажет — пустяками занимаетесь.

— Пожалуй... — Силантьев помолчал и спросил:

— А затраты оправдаются?

— Да мы не в рабочее время. Что-то вроде длительного субботника.

Силантьев долго смотрел на молодых людей, и что-то доброе, чуть задумчивое мелькнуло в его глазах. «Ведь Старцеву это ни к чему, — размышлял он. — Он не комсомолец. А нашел нужным принять участие».

— Хорошо. Я поговорю с кем надо. Решили бить тяжелой артиллерией? Минуя горком комсомола? Это ж больше по его линии, ребята, как вы считаете?

Девчата потупились. Затем встали и, попрощавшись, выпорхнули за дверь. Поднялся и Сергей.

— Сергей...

— Ильич.

— Сергей Ильич, вы, наверно, до сих пор считаете меня неправым? Я имею в виду то бюро и то, что на совещании я не высказал определенного мнения о вашем выступлении?

— Да.

— Хм... Ваше право, конечно. Давайте договоримся: если сумеете доказать жизненность вашего предложения, я — за, обеими руками.

— Чем, интересно, Виктор Павлович? Словами?

— Убедите того же Азаматова. Техсовет. Найдите средства для доказательства своей правоты.

— Легко сказать...

— Труднее доказать — так? Конечно. Так тем ценнее будет ваша победа. Я не нефтяник...

— Но повлиять на руководство вы можете?

— Главное зависит от вас. За поддержкой дело не станет. Настоятельно рекомендую привлечь прессу, того же, скажем, Молчанова.

— Понимаю. До свидания.

— Всего хорошего.

Считайте это партийным поручением, товарищ Гвоздарев. Ну, поплакать вы любите. Все.— Силантьев вдруг вспомнил рыжую девушку и улыбнулся.

...Фатеев долго смотрел на Любку. Потом спросил:

— Ты ведь геолог, Ромашова?

— Геолог, а что?

— Так вот, мне в отдел нужен геолог. В зарплате не проигрываешь. Идет?

— Нет, не идет. — Любка протянула ему цифровые выкладки по объему работ, связанных с ликвидацией факелов. — Ознакомьтесь, пожалуйста.

Лицо Фатеева стало жестким — этого на промысле побаивались.

— Ромашова, когда у вас на участке перестанут заниматься чепухой?

— Че... чепухой? — Любка возмутилась и даже привстала со стула. — Сто пятьдесят тысяч кубометров в сутки — чепуха?

— Да! — легонько хлопнул по столу заведующий. — Где я тебе трубы возьму? Это одно. Надо отрывать сварщиков, а они и так на расхват. Семь километров до ближайшего газового коллектора — шутишь? Рыть траншеи...

— Да мы в нерабочее время!

— Все!.. Кончили. Я ценю твой энтузиазм, но вся ваша затея — выстрел из пушки по воробьям. Как руководитель «Прожектора» контролировала бы лучше ход смотра по технике безопасности. Да и факты пьянки в ночное время... Вот так, Люба Ромашова. А насчет отдела подумай.

— Я там ничего не потеряла, — холодно сказала Любка.

— У тебя диплом геолога. Мне бы, конечно, не хотелось писать приказ, но...

— Значит, насчет факелов — «нет», Алексей Петрович?

— Значит — «нет».

— Ладно. На «нет» и суда нет, — вдруг беспечно проговорила Любка. — До свиданья!

Фатеев проводил ее удивленным взглядом.

Через неделю Любка опять зашла к нему в кабинет. На этот раз взяла с собой подкреп-

ление. Танзиля с Генкой чинно уселись около двери.

— Опять? — удивился Фатеев. — Ну, знаешь...

— Мы нашли девять километров труб, — сразу же перешла в наступление Любка.

— Где? — Фатеев рывком снял очки.

— В районе Семеновского. Старая линия, она никому не нужна, мы уже выяснили. Откопаем — вот вам и газопровод. Что скажете?

— Молодцы! — развел руками Фатеев. — Просто молодцы! А я-то голову ломаю, где бы трубы достать. Давно обещал подшефному колхозу водовод провести на ферму и не можем обещания выполнить: нет труб. Ну, молодцы!

— Как же так?! — у Любки дрогнул голос.

— А вот так. Есть такое выражение: более важная производственная необходимость. Ясно?

— Нечестно это! Все равно вы неправы! А если считаете, что в геологическом отделе я буду, как мышь, сидеть и ни во что не вмешиваться — то зря так рассчитываете!

В коридоре Любка разревелась.

— Вот ты где! Весь район обошел, думал, замерзла. Кожушок вот прихватил. Настя где?

Сафин стоял на земляном валу и качал головой. Голос его был едва слышен сквозь рев огня.

— У себя в будке. Я ее скважины проверила, все в порядке. Пошли, Галим-ага.

— Айда.

Сафин протянул Любке руку, помог взобраться на насыпь. Они вышли на тропку.

Вдруг Сафина качнуло, и он невнятно чертыхнулся, по-своему, по-башкирски.

— Галим-ага, вы что... Вы пьяный?

Сафин шагал, заложив руки за спину, переваливаясь с ноги на ногу, то и дело сходя с дороги в сугроб.

— Зачем вы так... Да еще ночью, один...

— Выпил-то зачем? А потому, что захотелось. А потому, что сегодня моей дочке Айхылу стукнуло бы 27 лет — понятно?.. Эх... Я был, понимаешь ли, на фронте, а они с матерью утонули. Ездили в Байгузино, подкормиться, к сестре моей. Через реку на лодке. Перевернулись. С ними и хозяин лодки был, пьяный. Все потонули. А жили мы в Янган-ауле, Горелое село называется по-русски. За десять лет три раза горело, оттого так и называется... С тех пор, с сорок третьего, там не был. Братья зовут — не могу. Красавица была бы моя Айхылу. Мать ее тоже красивой была. Сколько меня парни из ее деревни колотили — не сосчитать. А почему бы мне, к примеру, не выпить? Я никому не мешаю. Аварий нет, Анатолий в больнице, переливы некому делать. А-а, забыл. Ты ведь его... А Настя говорит: «Зря ты, Коля, семейную жизнь не наладил». А как ее наладишь, если... Ну, ладно. Опоздал. Опоздал! Скоро за мной самим смотреть надо будет. А вот она, дуреха, жизнь себе испортила. Эка беда — обманул в молодости паршивец какой-то. Видать, хоть и говорят, что когда бабе сорок пять — баба ягодка опять, да не про нее это писано. Ты не знаешь, что меня Силантьев вызывал? Да. Говорит, помоги Ромашовой с

факелами разделаться. И помогу — а что? Подождут подшефные.

Любку вдруг начало слегка знобить. Лицо, руки, ноги хранили еще тепло гостеприимного огня, но нервная дрожь время от времени пробегала по телу.

— ...у нас, мусульман, такая пословица есть: когда коровы воду пьют, телята лед лижут. Не мешало бы кое-кому из вас об этом помнить. Это я об уважении толкую. Заслушали мы его или нет, дочка? Думаешь, не обидно, когда такие, как... Анатолий тычут в глаза четырехклассным образованием? А когда мне было учиться? До самой войны кормил еще семью старшего брата, забрали его в известное место. А в войну измяло так, что раздеться на людях нельзя. Какая там учеба! Телевизор посмотрю — и голову ломит, мочи моей нет. А мне обидно, Любаша! Давеча на вечере в день армии пошел в ресторан с фронтовым дружком, Васькой Некрытовым — он в моем экипаже водителем-механиком был, а сейчас мастер на пятом промысле, не знаешь? Ну, как водится, нацепил свои награды, не планки, а живьем. Был там и этот... как уж... Осташков. Так какой-то сопля в клоунских штанах с конями на заднице сказал мне вслед, когда уходили: «Повесил дядя побрякушки...» В глазах потемнело, кинулся к нему. Да Осташков опередил — как щенка выбросил из зала, чуть дверь не слетела с петель. Силен, бугай! Да... А вот Старцев, к примеру, другой. Как-то зашел к нему по делу домой. Усадил, позвал соседа — Федора Акимыча, я его знаю, кочегаром на первой котельной работал — угостил каким-то чудным вином и

все расспрашивал про Германию, про свалку у Прохоровки. Слышала про бой у Прохоровки? Вот... Заварил он кашу с подземным ремонтом. Правильно, нечего очки людям втирать. Я же этого Сбитякова как облупленного знаю. Прикурить за так не даст. Эх, Любаша, топаешь вот так, топаешь, а когда до конца дотопаешь — одному аллаху ведомо...

Мастер подземников Сбитяков, тот самый, что подошел к Сергею после его выступления на совещании, улыбался широко, торжествующе. Морщины пробежали по загорелому лицу, победно блестели металлические зубы. Все это было так неуместно и бестактно, что даже членам бригады стало не по себе. А дело обстояло из рук вон плохо. Снова оборвалась штанга, на которой в стволе скважины подвешивается глубинный насос.

Лоснящиеся от нефти дюймовые металлические прутья были беспорядочно свалены друг на друга рядом со скважиной. Сиротливо болтались в переплетах вышки крюки для подъема труб.

— Вот тебе и гарантия, — с откровенным удовлетворением прервал затянувшееся молчание Сбитяков. — На все сто процентов. Недели не поработала — и привет семье.

Сергей, сидя на корточках, рассматривал место обрыва. Оно было залеплено нефтью, и пока было трудно сделать определенные выводы. Бригада покуривала в сторонке. Сбитяков нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Как ход полированного штока? — сухо спросил Сергей.

- Нормальный ход.
- Число качаний?
- Соответственно.
- Штанговращатель работает?
- Как часы.
- Штанги новые?

— Да какие там новые, — протянул Сбитяков, незаметно переглядываясь с рабочими. — Привезли с другого участка. Видать, заменяли качалку электроцентробежным насосом, а штанги за ненадобностью — к нам. Вот и результат. Усталость металла, ясное дело.

— Ладно, приступайте. А с тобой у меня будет разговор особый, — жестко, отчеканивая каждое слово, сказал Сергей. — Я смотрю, Павел, ты меня за дурачка принимаешь. А зря. Мне кое-что уже ясно. Вот тут в блокаде у меня все данные по режиму, регулированию станка. Еще поговорим попозже.

— Поговорим, — машинально повторил Сбитяков. Улыбку с его лица словно ветром сдуло. — Только зря ребят подозреваешь. По совести делали.

— Цена твоей совести — стертый пятак. Я ведь отлично понимаю твою игру, Павел. Знаю, какие ты разговорчики ведешь. Только смотри, как бы я твои козырные карты не вытянул.

— Ну, будет! — вскинулся мастер. — Ты мне рот-то не затыкай!

Сергей зашагал к машине, но обернулся и еще раз спросил:

— Значит — штанги старые?

— Я уже сказал! — Лицо мастера внезапно отяжелело.

Весна. Четвертая весна забот. Он в последние годы по-настоящему и не ощущал ее — настолько засасывала работа. И стал рассматривать это время как неизбежное зло... Беспомощно вязли богатыри — С-100, могущие черта выволочь из преисподней, обиженно ревели передвижные пропарочные установки, сапоги перетаскивали на себе целые центнеры грязи. В грязи тонули скважины, обслуживающий персонал сбивался с ног, очищая вокруг них территорию. И больше всего бюллетеней подписывали начальники участков в весенние дни.

По ночам звучали неслышные залпы древесных почек, в лесу утрами стлался сизовато-золотой туман, на дымящейся пашне истошно орали грачи. Все реже появлялись в будках молодые операторы — с них весна снимала усталость. Девчата утыкали все углы участка и диспетчерской нежными и хрупкими, как выздоравливающий ребенок, подснежниками. Частенько добытчики шли с работы пешком по зеркальной ленте асфальта, вплетающегося в ажур городских автострад. Весна, весна... Щедрая, как человек, которому ответили взаимной добротой.

Апрель выжал из Сергея намстившуюся было зимой легкую полноту. Давно забыт телевизор. Работа отнимала все, не удалось посмотреть даже «Гамлета», монологи которого целыми днями рычал Генка. С Андреем не виделись давно. Не то, чтобы холодок появился в отношениях — оба были предельно заняты. Андрей, судя по его односложным рассказам, успешно продвигал свои групповые установки. Как всегда упорен: возьмется за что-

нибудь, так уж доведет до конца. Сергей однажды пытался намекнуть ему о его взаимоотношениях с Диной, но прикусил язык: на лице Осташкова появилось болезненное выражение. Махнул рукой — своих забот по горло.

«Эпопея» с гарантией подземного ремонта скважин принесла скорее терновый венок, нежели лавры победителя. Отбили «дробь» везде. Пока, конечно, — Сергей все еще верил в собственную правоту. Несвоевременно, непродуманно, не подкреплено убедительными доказательствами... А где взять конкретнейшие доказательства, если даже экспериментировать не разрешают? Правда, одно не очень убедительное есть: на днях Сбитякову объявлен выговор по партийной линии. Штанги, как и думал Сергей, оказались самыми что ни на есть новыми, это подтверждено нарядами. Сбитяков попросту схалтурил еще раз, надеясь скомпрометировать новшество.

Осталась надежда на начальника управления — Ахмета Закировича Азаматова. И хорошо, что есть еще на свете Стас Молчанов, маленький, терпеливый Станислав. Уехал недавно домой со всеми выкладками, подсчетами, анализами. Обещал написать статью за двумя подписями. Сказал напоследок: «Подводных камней до чертовой матери. Тормозящих моментов, так сказать. Но идея верна, я чувую это своим длинным носом, назревают какие-то перемены, Сережа. Качество, темпы, стимул — три кита. Ты только не пори горячку, прибивайся к Азаматову. Понравился он мне сильно. Мудрейшие глазки у этого башкирца — замечал?»

Азаматов ожесточенно тер ладонями залысины на большой, с выпуклым лбом голове, время от времени оглядывая свой кабинет узкими, с припухшими веками, глазами. Полное лицо с маленьким ртом, с набрякшими мешками почечника, с густейшими бровями хранило сердитое выражение. Смуглые пальцы его то начинали выбивать дробь на настольном стекле, то перебирали разноцветные карандаши, разложенные в идеальном порядке. С раздражением потянул к себе областную газету, взглянул на нее и откинулся назад, словно не веря прочитанному. Но огромный заголовок так и лез в глаза, требуя внимания.

И поймал же его Молчанов! Впрочем, и он, Азаматов, тоже хорош. Неделю назад они допоздна засиделись с корреспондентом, и понесло его на откровения. Вот и любуйся теперь собой. А фотография-то: складки под подбородком, измятый костюм. Услышав категорическое «нет» на просьбу попозировать, разыскал фотографию в архиве управления. Вот он, очерк — «Маленький хозяин большой нефти».

Азаматов снова зашуршал газетой, она неудержимо притягивала взгляд.

«Когда встречаешься с людьми, причастными к событию сорок четвертого года, начинаешь испытывать волнение, будто «дела давно минувших дней» воскресают в твоей собственной памяти. В тот день в Шайтан-долине снова, будто сорвавшись с привязи, загулял черный сухой вихрь.

99-я скважина угрюмо вжалась в ложбину между двух невысоких холмов, а люди — их было не меньше тридцати — тихо переговари-

вались, как в час ожидания внезапной атаки, и поглядывали на высокого сутулого мастера Николая Польских, который, натянув на голову капюшон, бродил по настилу буровой, заложив за спину огромные мохлястые руки. Сейчас для Ахмета Азаматова он был просто Колей, которому выпала судьба, вернее, счастье окунуться в первый фонтан волнующе-прекрасной нефти, долгожданной, необходимой. Так, наверно, ждут первого ребенка молодые и стосковавшиеся по нему супруги».

«У Николая и Ахмета все было потом — звезды Героев, лауреатские значки, приветствие Сталина. Все это было потом. А пока все смотрели на него и ждали чуда, хотя подготовлено оно было не им одним, а тяжелейшими годами поисков, сомнений, удач и разочарований. Шла война, и нефть была нужна так, как никогда — это понимал даже мальчишка-фэзэошник... Но дело так и не ладилось — что-то случилось с лебедкой, пропал пар. Ежились на ветру замнаркомы, инженеры, парторг ЦК, в тысячный раз протирали объективы киношники. И когда все уже начали потихоньку расходиться, направляясь к поселку, вдруг послышался необыкновенный, ни на что не похожий свистящий шум — и все кинулись к буровой, над которой победно колыхался, раздувая черно-туманный зонт, огромный фонтан.

Люди, казалось, сошли с ума... С ног до головы были в нефти и генерал-директор в щегольском мундире, и солидные замнаркомы. Польских качался на людских руках, а обезумевшие киношники все снимали, снимали...

Азаматов покрутил головой. «А ведь так и было...»

«...Ветер стих внезапно, и как-то сразу пали сумерки. Азаматов, упаковав в обыкновенную брезентовую сумку две пол-литровые бутылки с маслянистой черно-золотистой жидкостью, вскочил на каурого жеребца с конного двора и умчался в тусклую беззвездную степь... А наутро председательствующий на заседании пленума обкома партии торжественно поднял над головой две бутылки. И зал долго аплодировал невысокому круглолицему парню, стоявшему у рампы и растерянно теребившему пуговицу на гимнастерке».

Азаматов прервал чтение — в кабинет вошел главный инженер. За ним следом Осташков. Начальник управления кивнул ему — садись, мол, — и углубился с главным в какие-то расчеты. Осташков рассеянно огляделся, на глаза ему попалась сложенная второпях газета. Он вопросительно взглянул на Азаматова, но тот был занят. Осташков осторожно потянул к себе газету и сразу же насторожился, наткнувшись на имя начальника управления. Да это же Стас! И начал читать откуда-то с середины.

«Существует ли мера, определяющая безоговорочную приязнь людей к своему руководителю? Наверно, все-таки да. Мне рассказывали, как Азаматов ездил лично в Москву доказать невинность заведующего нефтеперекачивающей станцией, когда его арестовали по обвинению во вредительстве: в Уразметово случился порыв линии, несколько тысяч тонн нефти хлынуло в реку. И сумел доказать: стальная задвижка была с заводским браком.

Я не собираюсь делать из него икону, но в нем как бы олицетворилось неповторимое время, о котором вспоминают здесь с суровой нежностью. И я понимаю теперь добытчиков первого промысла, когда они снаряжали целую делегацию в объединение, чтобы упротить начальство оставить Азаматова их заведующим, когда того выдвинули на вышестоящую должность.

Мне довелось слышать о таком случае.

...Было уже поздно. Азаматов стоял у машины — собрался ехать на железнодорожную станцию повидать старого фронтового друга, когда-то спасшего ему жизнь: тот был проездом, погостить у него не мог. И увидел, как бежит к нему незнакомый паренек, электрик перекачки Володя Осинцев. У парня дрожали губы.

— Ахмет Закирович...

— Что стряслось?

— Жена... Прободение язвы... У тетки она... в Гусарово. Врача там нет, а пока с райцентра... Машину... Гады! — истерически выкрикнул он.

— А ну, тихо! — Азаматов понимал, что человека впавшего в прострацию, можно привести в себя вот таким хлестким, как удар кнута, окриком. — Садись, поехали.

Шейн — лучший хирург города, его гордость. Шофер гнал машину на бешеной скорости. Дома врача не оказалось — был в гостях. И через четверть часа ошеломленный хирург, буквально вытащенный из-за стола, торпливо одевшись и забрав в больнице инструменты, уже мчался за добрые сто километров в неведомое Гусарово».

Андрей настолько увлекся, что не сразу услышал покашливания Азаматова. И торопливо сложил газету. Азаматов пробормотал что-то вроде «Уж эта пресса...», хотел сказать что-то еще, как вдруг тон его стал непривычно смущенным:

— Вы извините — я прибавлю громкости немного.

И повернул регулятор приемника. И поплыл по кабинету одышливый, с хрипотцой голос курая, подхваченный высоким тоскующим тенором певца.

— «Сибай», — с каким-то замиранием в голосе произнес Азаматов. И добавил, будто извиняясь:

— Люблю очень...

На улице стригли деревья. Весь тротуар был усыпан ветками. Мальчишки уже схватились в ожесточенных поединках — сабельные бои разгорелись не на шутку. Дина медленно шагала по темному сырому асфальту. Солнце било в глаза, она надела темные очки.

— Девушка, отойди-ка, а то зашибу нена роком, — раздался с дерева бас. — Отойди, слышь?

Рядом рухнула тополиная ветвь с уже набухшими почками. И до того разительно напоминала она человеческую руку, что Дина непроизвольно прибавила шаг.

Улица была полна народу. Не зная, куда деть себя, Дина зашла в «Детский мир» и купила потешную обезьянку с вытаращенными глазами и лихо закрученным хвостом. Полюбовалась, положила в сумочку.

«Пойду в ресторан», — решила она, и ей

стало весело, когда представила себе повышенное внимание со стороны посетителей. Здесь издавна было заведено, что местные женщины, как правило, одни в ресторан не ходят. Даже поесть. Тут властвовали мужчины, и официантки знали «запатентованные» места своих клиентов.

— Салат, рыбу. И какого-нибудь сухого вина, пожалуйста. — Вертялая официантка побежала на кухню.

Скоро зал будет полон, в воскресенье всегда так. Хорошо, что села в уголке, за широкой колонной. Хочется побыть одной. Не вежливо не поддерживать разговор, не улыбаться через силу, а просто смотреть через выходящее во двор окно на этих двух чудаков, молоденькую девушку и парня, целующихся среди бела дня в подъезде в полной уверенности, что их никто не видит. Наблюдать, как отплясывает на цементном подоконнике чистая и радостная капель.

Вино слегка ударило в голову.

За колонной гневный девичий шепот:

— Зачем мы сюда зашли? Ведь есть же кафе!

— Там вина не подают.

— Да ты что, пить собрался?

— Отметить же надо. А зачем же в кабак... пардон, в ресторан тогда ходить? Только и погудеть.

— Как-как?

— Гудеть, говорю. — И сердито: — Пить, словом.

— Я сейчас же уйду! — Девичий голос наливается решительностью. — Тебе после больницы нельзя!

— Кто это сказал? Да и не уйдешь никуда. Номерок-то у меня.

— Подумаешь! Зайду к Дине. Она рядом живет.

«Да это же Люба и Анатолий! Значит, выписался». — Первым желанием Дины было встать и подойти к ним. — «Впрочем, не стоит. Пусть наговорятся наедине».

— Любушка, перестань... Чего там — рюмка какая-то!

— Не хочу я!

Анатолий явно начинал злиться.

— Да не кефир же хлебать, в самом деле! Молчание. И потом:

— Ну, хорошо. Только немного, ладно?

Заказ вполголоса, шепот:

— Толя, а почему у тебя борода рыжая?

— В прошлом году газосепаратор чистил и отравился остаточным газом. С тех пор и пошло.

— Вре-ешь?

— Клянусь я первым днем творенья...

Дине вдруг стало тоскливо. Она уже пожалела, что зашла сюда. «Сидеть и подслушивать чужую радость? Скажи, пожалуйста, что тебе мешает позвонить Андрею? Что? А, сама не знаю. Не хочу думать ни о чем».

— ...в школе однажды номер выкинул: забросил на спину аккордеон и сыграл «Испанское болеро». Поступил в музыкалку, тетка, собственно, заставила, не хотела от моды отставать — по классу фортепьяно...

— Так ты и пианист к тому же?

— Я же частенько заменяю пианиста, разве не видела? Вот. А потом блажь в голову пришла — освоить трубу, до того заигрался,

чуть губу не сорвал. Стало, вроде, получаться. У нас, в Прибалтике, музыкантов — через одного. Удивить трудно.

— Ой, Толя, как ты играл на Новый год! Показалось, что труба сама извивается. Я не любила раньше трубу. У нас был духовой оркестр, играл на танцах да на похоронах. И самый противный из них — трубач. Приставала, вечно пьяный. Толя!..

— А?

— Не пей после концертов, а? Слышишь, не надо. Может, это и заведено у вас, но не надо! Все эти твои лабухи...

— Чудачка! Так я ж их руководитель. И не такие уж они фраера, как ты думаешь. Музыканты приличные. А то, что уж нахалюги иногда — так это не нами заведено.

— Наверно, я какая-то старомодная, Толя. Но не выношу пьяных, хоть ты меня режь.

— Странная ты, Любушка. Иногда погляжу на тебя попристальней, так и кажется, что ты с луны свалилась... Воспринимаешь все так серьезно — смех разбирает. Бегаешь, шумишь. Хотя бы со своим дурацким КП. Кому это нужно? Что ты сможешь сделать? Ты кто — министр? Секретарь горкома? Сергей Ильич вон бьется, хочет доказать, что он не верблюд, ночами с промысла не вылазит. А толку? Его же копытом в шею. А ты, извини, как институтка: глаза вытаращишь — ах, как это плохо! Ах, участок на 97 процентов план выполнил! Ах, травка появилась, солнышко светит! По мне надо жить, как Дина: копается в своей автоматике, дело стоящее делает, никому не мешает, ни с кем не ссорится. На все остальное — начхать. Потому —

умвая. Знает, что бог — не фраер, а негры у нас давно перевелись...

Дина едва не вскочила с места. Щеки будто лизнуло пламя. Опомнилась. «Собственно, почему тебя взволновала болтовня этого мальчишки? Сиди, пожалуйста, ты отдыхаешь. На все остальное — начхать» — и внутренне поежилась, поняв, что повторила Толькину фразу... Но горячий Любкин полупшепот начал тоже вызывать в ней царапающее раздражение.

...— даже не знаю, что тебя за сердце трогает. Твои тру-ля-ля в оркестре? Институт? Да ты его скоро бросишь, это я точно тебе говорю. Ведь в кино был, наверно, год назад. На промысле ты как ясное солнышко, «от и до» — и вся любовь, как ты говоришь. Все издеваешься, похохатываешь, умничаешь...

Нервно заскрипел стул.

— Глядеть иногда тошно. Пыжится, как.. холмогорский гусак, и перед кем? Перед Сафимым! Ты знаешь, сколько у него наград? А ты не задумывался, почему он никогда рукавов не засучивает? А поинтересуйся, погляди. Я серьезно говорю...

— Удивительная способность портить настроение. Давай-ка о чем-нибудь другом. А то ты как ходячий моральный кодекс...

— ...Девчонки смеются. Связалась, говорят, с «керосинщиком».

Свирепое шипенье Анатолия:

— Да катитесь вы все! Преснятина... Видал я вас... в белых тапочках!

— Что!?

— Что слышала.

Визг скользящего по паркету кресла. Дробный перестук каблуков. Мрачное резюме Анатолия:

— Зал рыдает от восторга... Требуют автора...

Дина, оставив деньги на столе, вышла из-за колонны. Анатолий, уныло просматривавший меню, перевел рассеянный взгляд на ее ноги в тончайших чулках и медленно поднял голову.

— Тысяча извинений! — Он как будто даже обрадовался. — Дина Михайловна, присаживайтесь.

— Здравствуй, Толя. — Она внимательно взглянула в его светлые глаза и заметила в них что-то похожее на растерянность. — Спасибо, мне некогда. А Люба где?

Анатолию вопрос пришелся явно не по душе.

Он возвел руки к потолку (отвратительная привычка, которую ненавидела Дина):

— «Она была, но след ее растаял, как тает легкий дым, как в памяти бывшее тает...»

— Ну и Толя! — Дина покачала головой.

— Дина Михайловна! — Анатолий умоляюще сложил руки перед грудью. — Посидите со мной. Войдите в положение человека, вырвавшегося из рук эскулапов.

— Как нога?

— Хоть сейчас в сборную мира центрфорвардом. Дина, сядьте, правда?

— Нет. — Дина блеснула глазами. — Я ж говорю — некогда. Работы много. Пойду лучше покопаюсь в своей автоматике.

Анатолий напряженно заулыбался, но было видно, что он обескуражен основательно.

— До встречи.

— Угу.

Одеваясь, Дина наблюдала за ним сквозь застекленную дверь. Вот он встал — тонкий, в отлично выглаженном черном костюме, аккуратнейший, в ниточку, пробор в белобрых волосах. Пошел к столику, за которым сидел какой-то парень — знакомый, наверно. Походка чуть враскачку, носки выбрасывает вперед — ах, как ему хочется походить на Юла Бриннера! Манжеты белее июньского облака, далеко выходят из рукавов на американский манер. Есть что-то общее между ним и Сергеем — тот тоже ужасный щеголь. Дина поймала себя на том, что невольно любит Анатолием. Она неожиданно позавидовала ему и Любке, трудной ясности их любви.

А на улице все еще стригли деревья, и они плакали обломками веток.

Азаматов слушал Сергея очень внимательно. Строй разноцветных карандашей под его пальцами превращался то в сруб, то разваливался до очертаний замысловатого чертежа, то приобретал контуры фантастического самолета. Лицо — бесстрастно, как у скифского идола, которого как-то видел Сергей в крымской степи.

Начальник управления снова принял излюбленную позу — выбросил сжатые кулаки на стол и устремил на них взгляд.

— Нового ты мне ничего не сказал, Сергей. Конспективное изложение этого я уже слышал на совещании... Сбитякова наказали? Только по партийной? Мало. Еще такой слу-

чай — под суд отдам. Предвижу вопрос: чем я могу тебе помочь? Могу сказать, что в принципе я «за». Но такое не решается с кондачка. В ближайшее время соберем технический совет и поговорим конкретно. Придется пока чуточку погодить. Что бы там ни было, ход делу дадим. В приказном порядке я не буду внедрять гарантийный паспорт, сам понимаешь, что в нефтедобыче почти невозможно внедрить жесткий заводской распорядок. Не та специфика. Теперь о Фатееве. Он прекрасный, блестящий инженер. Он, брат, всю Бавлинскую свиту чуть ли не руками перещупал. Про таких говорят: «дай ему стаканчик добытой жидкости — определит: из какой скважины». На Фатеевых мы месторождение подняли на ноги. Но... как тебе сказать... Алексей стареет, что ли. Как руководитель. Мы бьемся за каждую тонну нефти, со слезами ее выдираем, а он живет, как десять лет назад, когда девон мешками таскали. Фонтанные скважины доводит до того, что дебит падает до 50 килограммов. Позор! Воду даете. Сколько раз вдабливали ему: осваивай загодя мощные погружные насосы. Отмахивается: у меня, мол, 60 процентов всего фонда скважин — фонтанные. А что будет делать через год — два? Локти кусать? Приказал ему несколько скважин перевести на нагнетание — ухом не ведет. Электрогруппа работает спустя рукава, тут и твоя вина, Сергей, ты старший группы по новой технике. Скажу больше — метили его на должность главного инженера ко мне. А теперь сомневаемся. Крепко сомневаемся. Ладно. Не хотел раньше времени... — Азаматов полез в тумбу стола и достал отту-

да папку.— Тут кое-какие соображения по ремонту с гарантией. Посмотри.

У Сергея благодарно вспыхнули глаза.

— И не горячись никогда, — ворчливо посоветовал Азаматов. И, как бы утверждая совет, легонько ударил попеременно кулаками по столу. — Ты начальник крупнейшего участка, к тому же, самый молодой, кажется. — Он улыбнулся. — Время эмоций уходит. Наступила эпоха цыганского, что ли, недоверия к фразе. Трезвый, обоснованный расчет во всем. Доказательность во всем. Только не такие, какими ты пользуешься. Мордобой — не всегда убедительный аргумент.

— Свинье — по-свински...

— Брось ты крепкие формулировки! И усвой-ка ты, брат, вот еще что: не разбрасывайся! Что же получается? И раздельной эксплуатацией пластов занимаешься, и в автоматику влезаешь, и в механическую службу свой нос суешь. Всеядным хочешь быть? — Он внезапно рассмеялся, дробно, вкусно, будто шарикоподшипник рассыпал.

— В общем — молодец. Ершист. Так и надо. Дохленькие у нас не выдержат. — Он подмигнул.

— Чаю?

— Чего?

— Чаю, говорю, хочешь?

— Цейлонского или краснодарского — можно, — ухмыльнулся Сергей.

— Аристократ! — Чаю, крепкого, два, — как бы между прочим обронил Азаматов, и Сергей удивился, когда через минуту увидел перед собой две беленькие точеные ручки, на одной из которых вызывающе поблескивал брас-

лет. Тоненькая, грациозная девушка, выразительно изогнув длинную нервную спину, поставила стаканы с янтарным чаем и колесиками лимона в них. Сергей проводил ее взглядом и хмыкнул.

— Эй, парень, — погрозил пальцем Азаматов. — Ты мне эти штучки брось. Гляди, да не заглядывайся. И так не успеваем секретарей находить. Поработают с годик — и замуж. Тут ребята весь коврик вокруг нее оттоптали.

— Секретарь — витрина начальства...

— Эта — расторопная девчушка. Пей чай, остынет. — Он пододвинул стакан.

— ...Ты не спешишь? Хочется по городу пройтись. Вечер — благодать божья.

— Весна, — коротко отозвался Сергей, вложив в слово скорей досаду, чем удовлетворение.

— Не радуется? — прищурился Азаматов.

— Просто не до нее.

Они свернули в боковую улочку, примыкающую к зданию управления. Сумерки надвинулись как-то сразу — вот уже расплываются округлый силуэт лица Азаматова, пирамиды далеких вышек. Густеющая синева неба исхлестана гладкими остовами тополей.

Азаматов курил длинную сигарету с золотым обрезом, и пряный запах отличного табака странным образом успокаивающе действовал на Сергея. Ни с того, ни с сего вспомнились белые, хрупкие, будто фаянсовые, руки секретарши, ее гибкая спина с рядом перламутровых пуговиц и ее непростой взгляд, как бы говоривший: «Ты, конечно, можешь смотреть сколько тебе угодно, я действительно заслуживаю внимания. Но неудобно — на-

чальство...» И волосы, чем-то напоминающие Риммины — с теплым отблеском. Маленькие и, наверно, злые губы. Заняться, что ли?

— Трудно тебе, Сергей?

Азаматов шел глядя себе под ноги и заложив руки за спину — этакий задумчивый гном.

Сергея вдруг прорвало. Все накипевшее в душе неудержимо вырвалось наружу. Все: и косые взгляды подземников, и властная снисходительность Фатеева, и ночные свидания с Риммой через голубой барьер телевизора — все обернулось взволнованной исповедью.

— Иногда, Ахмет Закирович, приходит в голову мысль бросить все к чертям и податься в НИИ. В общем, куда-нибудь. Работать, вроде, могу, голову бог не обидел. Хочется... как бы выразиться точнее... микрореволюции в сознании. Только вы не смейтесь. Мы, инженеры, громко говоря, теоретически люди высокого интеллекта и кругозора. Но слишком уж залезаем в текучку будней. И бежит мимо нас что-то нерешенное, сложное, привлекательное, масштабное. Одно время я решил, что надо довольствоваться упрощенным и понятным всем взглядом на окружающее, принимать все таким, какое оно есть. А не могу. Хоть и есть своя логика в поговорке «Где нефть — там льют», принять ее не могу. Морду готов набить, когда вижу, как хлещет из мерника газ, как люди льют на землю нефть, валяется на улице кабель, ржавеют абсолютно пригодные задвижки. И чувствую себя бесильным — человека душеспасительными беседами не переделаешь. Ударить рублем — Фатеев на дыбы. Добренький он, особенно к

старичкам. Здорово, конечно, что кругом ветераны, есть у кого поучиться, но многие работают по принципу: мы с тобой, Ваня, двадцать лет дружбу водим, нечего друг на друга бочки катить, отношения портить...

— Кое в чем ты прав.

— Как бы точнее сказать... Нет прочного, стабильного взаимопонимания с людьми. Нет, особенно-то на меня не обижаются, но чувствую, что не нащупал ту струну, на которой можно уверенно играть все время. А ведь есть она, струна взаимопонимания. И вот — требовательность расслаивается, как слюда...

— Краем уха слышал, что ты хочешь с факелами расправиться. Несерьезно, Сергей. Не то. У нас самая высокая в стране утилизация газа. Что там три несчастных факела, пропади они пропадом. Получается, что стратегической ракетой по какому-то там грузовику стреляем.

— Вот тебе раз! Это ж мой долг, черт возьми! Действительно, может, не ахти какую прибыль они принесут. А посмотрите, как загорелись ребята — главное для них — сознание того, что сами нашли себе полезное занятие. Неужели вам самим нравится эта факельная иллюминация? Разве что зимой операторы погреются. Да, может, волк подбежит оттаивать — шучу, конечно. А в вашем замечании, Ахмет Закирович, знакомый голосок слышится, фатеевский... Поймите вы, что главное — у государства ребята ни копейки не требуют. Трубы мы нашли, сварку будем вести сэкономленными электродами. Нужен экскаваторишко — вот помогли бы нам, товарищ начальник управления!

— Хм... не совсем ты меня убедил, конечно, но экскаваторишку, как ты выражаешься, подбросим, хотя сами стонем --- не хватает. — Азаматов --- какой он все-таки маленький --- посмотрел на Сергея снизу вверх.

— Вот мой дом. Дошли. — И вновь неожиданно рассмеялся.

— Что вы смеетесь?

Глаза Азаматова блеснули в темноте.

— Ничего. Просто вспомнил, как ты на Надю посмотрел.

— Какую Надю?

— Да секретарь мой. — И, протянув руку, заключил:

— Двигай. Но все-таки отрегулируй свою тормозную систему. В разумных, конечно, пределах. Не несись сломя голову.

«Что-что, а тормозить мы умеем, — размышлял Сергей. — Даже на хорошей дороге».

На душе было беспокойно, словно за спиной, у фиолетово-синей черты горизонта, вставала сизая наволочь — предвестница грозы.

...Сергей попытался привстать, но что-то холодное, прямо-таки леденящее, навалилось на него, не давая дышать. Что за чертовщина? Неистово работая локтями, он высвободил голову и свалился с кровати на пол.

Перед ним стоял Станислав. В реглане, кирзовых сапогах. Из кармана свисал ремешок фотоаппарата. Загорелый, небритый. Как мартышка. Беспомощное, потешное выражение на лице — в пылу возни слетели очки.

— Найди бинокль, черный! — занял он. И, привычным тычком отправив их на переносицу, бухнулся в кресле.

— Здорово!

Сергей обрадовался появлению журналиста. Он буквально вытряхнул его из реглана, содрал с плеч пиджак, бросил пижаму с пушистыми кистями, заставил снять сапоги (сам полы мыл!), полез под диван, и оттуда вылетела пара стоптанных домашних туфель. На столе появилась «Старка», соседка дала удивительно ароматные маринованные огурцы, ощерилась рваными краями банка с тушенкой.

— Хорошо! — Станислав, только что умывшийся, потряс головой, разбрызгивая капли. — М-да. Старцев пьет «Старку», — скаламбурил он.

Сергей был прямо-таки счастлив. Все тревожные мысли последних дней, словно материализуясь в тяжелый груз, навалились на него. И хрупкие молчановские плечи казались ему теперь надежней и сильнее, чем собственные, на которые он привык надеяться во всех случаях жизни. Нет, здорово, что он наконец здесь!

— Ну?

— Ага.

— А что небритый?

— Некогда было. Да и нечем.

— Как так?

— Сутки сидел в лесу.

— Почему?

— Ты знаешь, что такое авторотация?

— В самых общих чертах. В общем... когда у вертолета или самолета отказывает мотор, лопасти винта ставятся под определенным углом к набегающему потоку воздуха и создается как бы тормозящий момент. А что?

— Благодаря этой авторотации я с тобой тут «Старку» пью. Думал — каюк.

— Что случилось-то?

— Летел я сюда на вертолете, понимаешь? На МИ-1, что к вашему буровому тресту приписан. И при посадке сдох мотор. Как приземлились — чудо. Треснулся башкой об что-то — пощупай-ка шишку. Плюхнули прямо на поляну. Пока связались, то да се... А теперь — сорок соболей, сорок нитей жемчуга, сорок бочонков браги! Вот! — Он выхватил откуда-то из-под себя газету. — Читай, Сергей Ильич Старцев. Взял прямо из экспедиции.

Вот это да! На третьей странице. «Пугаясь собственной тени». И подписи: «С. Старцев, начальник нефтедобывающего участка, С. Молчанов, наш спец. корр.»

Сергей мельком взглянул на Молчанова — тот, улыбаясь, смотрел на него.

«Самое интересное в том, что руководство управления в принципе не отрицает необходимость повышения качества ремонта скважин. Но подозрительно платоническое это «за». Еще бы, истина не требует доказательств. Но в то же время с завидной последовательностью, достойной лучшего применения, в частных беседах, на собраниях бригад подземного ремонта доказывается преждевременность и даже... вредность гарантийного документа.

Нефтепромысловое хозяйство — вещь очень хлопотливая, здесь еще велик элемент случайности, зависимости от природных условий. Как говорят сами добытчики, скважина — это тебе не кастрюля, внутрь не заглянешь. Но ведь есть свои закономерности, на которых бази-

руется гарантия и без которых немислимо любое производство!»

Сергей начал тщательно и придирчиво вычитывать каждую строчку, охватывая каждую фразу целиком, даже шептал что-то про себя, как бы кристаллизуя смысл и направленность выводов.

«Дело даже не в самом гарантийном паспорте как в документе именно такого толка, как предлагает его один из авторов этих строк. Мы делаем упор на ответственность, роль которой неизменно велика вообще, а в последнее время — в частности. Об ответственности моральной и материальной. Известные высказывания В. И. Ленина не оставляют сомнений на этот счет. Промысел — не цех (в буквальном смысле слова), но он — административно-производственная часть предприятия. Так почему же в цехе рабочий несет полную ответственность за свой участок работы — за качество, объем сменного задания и т. д., а в добыче нефти этот закон разжижен до предельного либерализма? Атрофируется чувство рабочей гордости, хорошего самолюбия. Скажи мастеру-подземнику, что отремонтированная им скважина встала через неделю после ремонта — он и ухом не поведет: ведь платят-то за количество ремонтов. Это ли не нелепость?»

Сергей завозился на стуле, по спине прошел захватывающий дыхание холодок. Так, так, Стас...

«Стоящие у руля технической политики нефтепромыслового управления, очевидно, не поняли, что разговор идет об ответственности не только подземных бригад, но и других

служб, от которых зависит нормальная работа скважин. Подземный ремонт — важнейшее звено одной цепи. Гарантировать хорошее качество должны и электромонтажный цех, ремонтирующий погружные установки, и группа, опускающая насосы в забой, и даже... шофер автомобиля, перевозящего насосную установку. Цель одна — наращивать добычу нефти теперь, когда месторождение вступило в наиболее трудную фазу своего развития...»

Сергей тыльной стороной ладони отбросил назад черные крылья волос, поднес сигарету ко рту, дернулся и выругался: вставил горящим концом. Строчки танцевали перед глазами.

— И?..— подал голос Станислав.

— Дуэт получился, по-моему.

— Ну, что теперь — меч во длань?

Молчанов, поблаженствовав в кресле полчаса, ушел в гостиницу отсыпаться. Сергей долго еще сидел за неубранным столом, взволнованный встречей. Странное чувство начал вызывать в нем Стас. По-мальчишески непосредливому и удивительно искреннему корреспонденту он мог, как ему казалось, доверить такое, чего ни при каких обстоятельствах не рассказал бы никому.

— Сергей Ильич, к твоим курбетам, наверно, никогда не привыкнешь, убей меня бог. Ты что, свихнулся, что ли, со своим гарантийным ремонтом? Ты соображаешь, за кого ты просишь?

— Я своим словам отчет отдаю.

— По этому вопросу ты у меня уже второй раз. Послушай совета, не унижай себя так-

ми просьбами, на тебя ж люди смотрят, твой подчиненные. Кому ты покровительствуешь?

— Своему рабочему.

— Рабочий рабочему рознь. Если такие, как Сафин, Пастухова — рубашку последнюю сыму, отдам. А о Семине и слышать не хочу. И с чего бы это такая нежная любовь к нему, а?

— С вами на эту тему трудно говорить, Алексей Петрович.

— Другие могут, Сергей.

— Ну, ладно. Моя мать погибла во время войны на лесозаготовках, отца убили бандеровцы. Остался я, двенадцатилетний щенок, один. Очень легко произносить такие слова, как «общество не даст пропасть человеку». Охотно в это верю. Но я ходил голодный, воровал. И ни одна, извините, сволочь не догадалась взять меня за шиворот и повернуть мордой в нужную сторону. И так в жизни бывает. Из детдома сбежал. А подобрал меня инвалид-фронтовик, отставной капитан — лейтенант Федор Елизарович Близнюк. Подошел на базаре, когда я промышлял в районе барахолки, и сказал, будто вчера расстались: «Помоги-ка сумку донести, видишь, тяжело». И я пошел. Он один жил: сбежала жена от калеки. Елизарыч накормил меня овсянкой на постном масле. Подыхать буду, а овсянку эту вспомню...

— Все это трогательно, конечно, Сергей, но какое отношение...

— Вы знаете Семина как прогульщика, бракодела и прочее. А дома у него были хоть раз? Ну да, вы, конечно, человек занятой. Что вам какой-то оператор третьего разряда?

Живет он опять у какого-то дальнего родственника. Ну и фрукт, я вам доложу. Такая зануда, что приезжает на промысел узнавать, всю ли зарплату Анатолий приносит.

— Пусть в общежитии живет.

— У нефтяников забито все — хоть на потолке спи. Молодым специалистам не хватает.

— Видишь? А он что за герой такой, чтобы отдельную...

— Так не сию же минуту! Строится дом для молодых специалистов и молодоженов. Когда его сдают — в июле? И потом, если уж на то пошло — вы очень любите, когда вокально-инструментальный ансамбль под управлением того же Семина берет призовые места на смотрах. Способный же парень. В институте тоже хорошего мнения, говорят, толковый инженер из него выйдет, если лениться не будет. Вообще, стоящий парень. И, потом, у него невеста есть, определенно поженятся в скором будущем. Тоже у нас трудится, вариант, как говорится, беспроегрышный. Кстати, совершенно зря дали квартиру Гаевской — толку от нее нет, ни мычит, ни телится. Тоже мне, горный инженер. Ну, это ваше дело... Мы очень любим шпынять людей по малейшему поводу. Вы хоть раз говорили с Семиным без «предупреждаю», «выгоню», «разгильдяй». С другими, верно, вы общий язык можете находить. Вас уважают. А тут парня затуркали, ходит, как волчонок, вечно на загривке шерсть дыбом. Самый мирный щенок окрысится, если дразнить без конца. Парень-то особенный, требованиям ГОСТа не соответствует. Так ведь люди — не канцелярские кнопки.

— Никто его не дразнит, не говори лишнего. Слушай, ведь ему двадцать или двадцать один? За свои поступки в таком возрасте...

— Все верно. Он уже не тот, что был раньше. Просто нашелся человек, который его понял. Это ж главное, чтоб тебя понимали.

— Тормозить в получении жилплощади я не буду. Пусть решает профсоюз, тем более, что в жилбыте твой Тимофеев. А Семин еще должен реабилитироваться за свои штучки. У тебя все?

— Верб! Верб, девочки.

Любка держала в ладонях веточку с весело взбсгавшими по ней пушистыми комочками. «Будто свернулись гусеницы калачиком... или махонькие белки,— радостно думала она, отламывая ветку. — Скажите, пожалуйста — верба. Будто сто лет не видела. На что она еще похожа?» Она побежала по вязкой, еще не утопанной тропинке на взгорье, туда, где слышались голоса. И, размахивая веткой, распевала на весь перелесок:

...и вплетаешь ночью в волосы
телевышку до рассвета,
словно ветку гладиолуса.

Приблизилась к группе людей и даже остановилась: у всех в руках, в отворотах рабочих курток, у Генки даже за ухом — нанизанные на ветки, отливающие бобровым мехом комочки. Анатолий сосредоточенно обнюхивал свою ветку. И думал о том, что если бы не просьба Старцева — ни за что бы не ввязался в эту детскую затею с газопроводом. И если бы тут не было Любки. И если бы все

же не чувствовал себя виноватым перед Сафиным.

— А вечер-то, ребята! — воскликнула Танзиля. — Поглядите!

В лесу, неподвижном и затаившемся, будто готовым вот-вот взорваться зеленым огнем, бесновался закат. Деревья разорвали на куски оранжево-красное блюдо солнца, и части его блуждали по вершинам и влажным основаниям стволов. Стоило чуть отклониться в сторону — и раскаленные пятна словно начинали играть в пятнашки.

— Будто сыр треснул, — заключил Анатолий, взглянув на Любку. Та повела плечом.

Подножие Япрыктау было обнято полуводьем. Вода охватила гору полукольцом, и сейчас оправа из жидкого закатного золота резала глаза. Несколько скважин было залито, но продолжали работать: Сергей заблаговременно позаботился поставить защитные средства. Две вышки уходили лапами прямо в горящее золото и будто размышляли, склонив головы: за что, братцы? Крохотная лодка двигалась по обжигающей глади реки от скважины к скважине: вторая смена вышла на работу. А воздух — чем он только не пах. И душноватым илом; и терпкой сыростью, и чуть-чуть — серой от стоявших неподалеку угленосных скважин. Воздух весеннего нефтепромысла.

— Где же Сергей Ильич? — забеспокоилась Танзиля. — Обещал к восьми, а сам...

В ту же минуту показался газик. Спустившись в ложбину, он вскоре вынырнул, скрылся опять за прошлогодней скирдой и, наконец, затормозил возле них.

За рулем сидел сам Сергей. Соскочил на землю, очистил ботинки от грязи, решительно надвинул на глаза берет.

— Приветствую.

Все почему-то дружно рассмеялись.

— Что такое? — удивился начальник участка. — Ах, вот что.

В пуговичной петле куртки торчала ветка вербы.

— Слушай сюда!

Все сгрудились вокруг Сергея. «Достается ему, — подумала Любка. — День и ночь на участке. Паводок...»

— Во-первых, меня отчитали, как школьника. Сказали, занимаюсь не своим делом. — Мрачноватые глаза Сергея блеснули. — Во-вторых, с завтрашнего дня нам дают на две недели экскаватор. На три часа ежедневно. В-третьих, все делается на общественных началах. — Он посмотрел на Анатолия и усмехнулся. — Так что, «ни тебе авансов, ни пивной — трезвость». Главнокомандующий — Сафин. Дополнение — Фатеев в командировке. Нам на руку.

— Трасса намечена? — осведомился Генка.

Ответом был общий смех.

— Галим-ага чуть ли не шагами вымерял. Сегодня он занят, завтра в пять будет здесь. В общем, он полностью в курсе дела. Всех вас я перевел в первую смену. Эта машина, — он ткнул пальцем в сторону газика, — тоже на три часа вам придается. Ежедневно. Будете после выкопки возить сюда трубы. — Он широко улыбнулся. — А уж проводы факела отметим. Идет?

— Добро!

— И вообще, братцы, надо все сделать побыстрее. Иначе в глаза тыкать будут: шумели, мол, шумели, а толку... На себя я беру газовиков, с живых не слезу, пока не смонтируют компрессор. Ваш сварщик — Коля Калинин. Ну, пока!

Поежившись — вечерний воздух становился островатым, — Сергей вскочил на крыло машины, приветственно поднял руку в перчатке. К нему подбежала Любка.

— Сергей Ильич, погодите!

— Что? — Он нагнулся к ней, не выпуская баранки.

— Сергей Ильич... и..., — она поманила его пальцем, он нагнулся еще ниже. — Знаете что? — И шепотом: — У вас очень хорошая улыбка. Улыбайтесь почаще, честное слово!

Сергей смешался от неожиданности.

— Ну, Любка... — смущенно пробормотал он и тронул машину.

— Оттаял Старцев, — сказал Генка. — Весна, что ли...

— Знать надо человека, — тоном надоедливой классной дамы отозвался Анатолий, несмотря на вспыхнувшее на миг ревнивое чувство. — Оттаял...

У него были все основания вспылать особой симпатией к Сергею, хотя он и раньше чувствовал, что начальник участка в отношениях с ним за грубоватостью прячет необъяснимую приязнь. Только вчера Анатолий на занятиях в институте получил от приятеля записку странного содержания:

«Чувак, что за паника заваривается вокруг тебя? Я слышал от Витьки Смагина, что

по ходатайству грека профсоюз изыскивает для тебя хату. Объясни».

Анатолий знал, что Сергей по его просьбе уже бывал у Фатеева, но безуспешно. Неужели все-таки пробил? Когда же? При упоминании о комнате сердце забилось частыми толчками. (Подумать только — отдельная комната!) Со свойственной ему привычкой выяснять все сразу сегодня утром он отправился розыскивать Сергея. Он оказался на скважине. Стоял на мостках как всегда, аккуратно одетый, и сумрачно глядел на рабочих, возившихся у устья скважины. Вокруг — море грязи вперемешку с нефтью. Ясно — выброс. На вопросы Анатолия Старцев ответил неохотно:

— А что, не хочешь? Тебя-то вообще нужно три раза подбросить и один раз поймать. За «выкидоны» твои. А комната... Сколько, говоришь, у твоего дяди домочадцев? Ты шестой? Значит, вся подготовка к занятиям — псу под хвост? Не говоря уже о музыкальных твоих упражнениях? Еще не знаю, выйдет ли. Сперва приведи в порядок свои штуртросы — а то все галсами ходишь.

Что такое штуртросы, Анатолий не знал. Но несказанно удивил народ на участке, пройдя на руках до автобусной остановки.

...Сафин невольно втянулся в эту стремительную, полную молодой неумности работу. Порой она напоминала ему бой. Пламя скальпель газового резака — огнеметная струя, вспышки сварки — дальние взрывы, вздыбленные, с земляными бородами трубы — дальнотбойная артиллерия, траншеи под линию — оборонительный рубеж. Сумасшедшие дни! Выбрасывался из газика десант с лопатами

наперевес — и в бой за семь километров труб, которые цепко держала земля. Вот Генка поволол трос, перехватил им горло трубы, подложил под трос чурбачки, чтобы не скользнул, зацепил другой конец за экскаватор — вира! И ползет из своего многолетнего логова черная анаконда, оставляя за собой густо поблескивающую ложбину. Зеленый Любкин платок виден всюду: и возле невозмутимого сварщика Калининкова, который, отрезав часть линии, повторяет единственную фразу: «Конец дохлому котенку!», и на подножке экскаватора, и у Сафина, который отбивал молотком запекшийся металл на конец труб. Один лишь Анатолий не удостаивался ее внимания. Голый по пояс, он зло долбил кайлом каменный грунт, бешено вгоняя острие в землю. Любка однажды не выдержала и набросила на его лоснящуюся спину куртку: «Опять геройство? Не надоело еще?»

Пылали вечера, пылали разгоряченные люди.... Словно какой-то вихрь подхватил и Генку, и Любку, и Танзилю — всех — и они, сломя голову, бросались после вахты к нетерпеливо подрагивающему газу, переваливались через борт и — пошел. И до самого утра шушукались в одной постели Люба и Танзиля, вспоминая, как Генка пытался отодрать от трубы молоток, который слегка «прихватил» сваркой Анатолий, как Коля Калининков растянулся в луже на дне траншеи, как беззвучно ругался экскаваторщик: жена второпях сунула в узелок сырые яйца.

Эта прекрасная суматоха оттеснила на задний план ссору Любки и Анатолия. Но Любка с удовлетворением начала замечать, что он

Беспрекословно выполняет все задания Сафина. Бригадир разговаривал с ним, правда, сухо, официально — обида еще не прошла. Больше того, Анатолий таскал для костра валежник, помогал заправлять экскаватор.

В один из вечеров Коля Калининков, помявшись возле ребят, не стал залезать в машину и, виновато отводя глаза, ковырял ботинком землю.

— Ты чего? — взглянул на него Сафин. — Поехали.

— Ребята... — сварщик нахохлился. — Ребята, отпустите. Брат проездом будет, один вечер всего. Я его пять лет не видел...

Все растерянно переглянулись.

— Значит, перекур сегодня, — полуутвердительно сказал Сафин. — Причина, конечно, уважительная.

— Нас и так сроки... Каждый час на счету. Анатолий толкнул в бок Генку:

— Помоги баллон погрузить.

— Ты что — глухой? Не едет же Колька.

— Помоги, говорю. Я порежу линию.

У Калининкова даже губа отвисла.

— А можешь? Не взорвешься?

— Чего ж тут мудрого? Много раз резал, хотел даже на разряд сдавать. Поехали, нечего трепаться попусту.

— Ой, Толенька, какой ты нынче... энтузиаст! — выпалила Танзпля.

— Слушай, Толька. Давление в редукторе дашь четыре с половиной, труба тонкая, хватит. Разрежь по старому шву. Подведи сопло, погрей хорошо и продувной вентиль...

— Знаю, — нетерпеливо прервал Анатолий. — Не маленький.

Великолепный вечер! Через несколько часов, когда они собрались у костра отдохнуть и перекусить, Любка смотрела на Анатолия через трескучие язычки пламени. И встретилась с его взглядом. Он улыбался по-особенному, как никогда еще — хорошо, ясно и... виновато.

— Что ж ты наделал, фасеточные твои глаза! — Генка по-бабьи всплеснул руками. — Нарушил целесообразность строения ландшафта! Эх ты, инородное тело в человечестве! — В добрых Генкиных глазах было едва ли не отчаяние.

Экскаваторщик сплюнул и вытер рукавом испарину со лба:

— Мне б ваши заботы...

Березка была сломана безнадежно. Та самая тоненькая березка, над которой буквально тряслась бригада Сафина. Она стояла точно посередине небольшой полянки, трепетная, пылающая бирюзовым чистым пламенем листвы. И хотя кругом волновалось березовое море, именно это деревце полюбили добытчики. Наверно, за одинокость, трогательную беззащитность.

И теперь, изувеченная, сломленная, она лежала на земле, начинавшие набухать почки были испачканы глиной.

Особенно сокрушалась Любка, отчитывала и без этого расстроенного экскаваторщика. Настроение у всех было испорчено. Окончили работу в одиннадцать. В автобусе, по пути домой, Любка вполголоса декламировала:

Остановитесь, железные дряни!
Стойте, бездушные, грязные, грозные!
Все на собрание!

Все на собрание
По персональному делу березы.

— Чьи это? — поинтересовалась Танзиля.

— Не помню. Читала где-то... Ой, я прямо по-настоящему расстроилась...

— Любушка, хватит, наверно! Чудим — чудим... Видишь — я совсем ручной. Хоть на руки бери...

— Ручной, как же!..

— Любушка... да не вырывайся, послушай! Не буду больше. Исправлюсь. Хорошим стану. В срок платить взносы. Коллективно ходить в кино. Собирать металлолом. Что хочешь...

— Ох, и беда с тобой!.. Откуда ты на мою голову взялся! Толя, не надо, люди же, дурной!.. Не распускай волосы. Так и есть — закладки потерял...

— Я вам что сказал? — тень от крупной, осанистой фигуры Фатеева метнулась к косяку. Он стоял в кругу костра, широко расставив ноги и засунув руки в широченные карманы плаща. — Я вам что сказал? Сложить трубы, погрузить на машину и везти на базу. А вы что делаете, Сафин? С каких это пор на моем промысле появилась вторая администрация?

«На крик срывается», — отметил Сафин. — Дело плохо». Любка стояла с вызывающе поднятой головой, волосы тяжело круглились под платком. Генка, спрятав за спину недоеденную колбасу, переводил испуганные глаза с Фатеева на ребят. Анатолий, сложив руки на груди, в упор рассматривал заведующего. Коля Калининков же всем своим видом говорил: мое дело маленькое, приказали — я делаю, а дальше разбирайтесь сами.

— Немедленно начинайте разрезать новую линию! Ну!

— Не будем! — пискнула Танзиля и спряталась за Любку. Фатеев по-медвежьи и неуклюже повернулся к ней.

— Вы не имеете права! — срывающимся голосом крикнула Любка.— Решение комсомольской организации!

— Ах, я еще и права не имею! — загремел Фатеев.— Спасибо! — он поклонился всем.— Дожил заведующий промыслом: уже и указания его побоку.— Металл в его хорошо поставленном голосе зазвенел глуше, и он уже спокойнее заключил:

— Будет спорить. Ты, Калининков, завтра же начинай резать. Вот-вот подъедут подшефные. Ты, Галим, займись тридцатой групповой установкой, оботри, покрась, в общем, наведи порядок. Опять иностранцы, нефтяники из Румынии приезжают. Семин на две недели пойдет в бригаду подземников, заболел Фаткуллин.

— Не выйдет,— процедил Анатолий.— У меня лабораторные занятия в институте.

— А-а, занятия вспомнил! А на забаву это время есть?— Фатеев пнул приготовленную к спуску в траншею трубу.

— Не выйдет,— повторил Анатолий.— Платите сверхурочные — выйду на вахту,— сдержал он, не обращая внимания на отчаянные подмаргивания Любки.

— Да ты еще и рвач! — с удовлетворением протянул заведующий.— Я помню, у тебя всего один талон по технике безопасности. Чуешь, чем пахнет?

— Сероводородом,— не унимался Анатолий. Он уже закусил удила,— прощай, комната!

— Негоже так. Неправ ты, Петрович! — покачал седой головой Сафин.

...Дина, задержавшаяся на заседании группы по новой технике, решила пройтись. Помахала рукой товарищам, набившимся в «уазик» и начала подниматься на гору. И с вершины заметила мечущийся огонек. «Любкина гвардия»,— решила она и прибавила шаг.

Фатеев опередил ее всего на несколько минут. Подойдя к костру, Дина услышала его распоряжения. И вдруг, к собственному удивлению, решила вмешаться в спор. Что ее, в общем-то спокойно отнесшуюся к Любкиной затее, толкнуло на это, она сама бы не смогла объяснить. Может быть, недавние слова Тольки, подслушанные в ресторане? Чушь!

— Здравствуйте! — Все обернулись, не удивившись ее появлению: здесь происходили важные события.

— Я дважды повторять не буду!— отрубил Фатеев.— Точка.

— Нельзя же так, Алексей Петрович,— сразу же подала голос Дина, мгновенно оценив происходящее.— Ребята старались, времени не жалели.

— Я вас не спрашиваю! — вскинулся заведующий.— Не вмешивайтесь не в свое дело!

— Я член комсомольской организации,— спокойно прервала его Дина.

— Вот именно... и поддерживаете... идете на поводу у...— Фатеев запнулся, подыскивая слово.

— Попрошу вас не кричать ни на меня, ни на ребят,— так же ровно и холодно продолжала Дина.— А орать на себя, простите, я никому не позволяю, даже близким людям. Я думаю,— она обратилась к Сафину,— надо просто пойти в горком, к Силантьеву.

Фатеев, круто повернувшись, пошел к машине. Резкий хлопок двери, злорадное подмигивание фар, неодобрительное фырчание мотора...

Силантьев. Петрович, здравствуй. Как жизнь? Качаешь в фонд последнего года семилетки? Слушай, что ты страху нагнал на свою молодежную бригаду? Жалуются.

Фатеев. Разболтались совсем.

Силантьев. Точнее?

Фатеев. Не выполняют моего распоряжения. Подшефные телеграммами закидали, трубы просят. А эти надумали с паршивыми факелами воевать.

Силантьев. Не замечашь за собой, что толстеть начал?

Фатеев (обиженно). Это к чему? Хотя бы и толстеть. На свиданки не бегать.

Силантьев. Я в другом смысле. Вспомни-ка сорок шестой, субхангуловскую магистраль. Не замечаешь аналогию?

Фатеев. Что было — быльем поросло. Мне трубы нужны, понимаешь? А тут — буря в лоханке. Шум на весь белый свет — факелы. Нерезьезно все это...

Силантьев. Ты ребят не зажимай. Молодцы они у тебя. Дело не столько в факеле, сколько в таких, как эта рыженькая — Ромашова, что ли? Я тебя не первый год знаю и

никогда не поверю, что такой оборотистый мужик труб не может найти. Чушь! Сознайся уж, что ударился в амбицию: как же, твоего приказа не выполнили. И правильно сделали.

Фатеев. Вот тебе и раз!

Силантьев. Да! На своем, значит, могут стоять. А насчет Ромашовой у меня мысль. В сентябре отчетно-перевыборная конференция комсомола. Чуешь, к чему веду речь?

Фатеев. Все это хорошо, рад, так сказать, за Ромашову. Но ты-то в какое положение меня ставишь? Я должен, значит, уступить молокососам? Да что я, в самом деле, пешка, что ли?

Силантьев. Снова да ладом. Не выносить же этот вопрос на бюро. Не ребячясь, Алексей. Тебе достаточно, что советует секретарь горкома? Советует... пока. Понял?

Фатеев. По-онял, как не понять.

Силантьев. Видишь, какой ты догадливый. Ну, будь.

Автобус полупуст и поэтому кажется просторным. Лишь впереди, рядом с шофером, сидит хмельной паренек в ковбойской, с приплюснутыми полями шляпе. В руках сонно позванивает гитара.

Ночь. Транссируют в темноте гирлянды огней на скважинах. Сегодня уложили последний, шестой километр, завтра остается соединиться с компрессорной. Сергей заверил, что все будет в порядке.

Хочется спать и спать. Танзиля посапывает, прижавшись к Любке. Сафин дремлет, уронив белую голову на спинку переднего сиденья. Генка с жаром объясняет что-то невоз-

мутимому Калининкову. Анатолий поворачивается к Любке. Глаза у нее усталые, ласковые. Рыжая прядка застряла в ресницах.

— Парень, одолжи гитару.

— Давай, поливай. Держи.

И льют дожди, и клен пылает кроной,
Мой милый клен, мой самый лучший друг.
Горим, горим... Пора остепениться
Согласно срокам наступивших лет...

«Нет, сегодня родилось маленькое чудо. Автобус качает в ночи невидимыми волнами, веселые прямоугольные отпечатки вдоль дороги, шорох колес. И главное — Толя. Белобрысый Толя с гитарой. Что за странная, будоражащая и баюкающая мелодия? Будто всплеск памяти. Или я очень счастливая?.. Нет, правда, откуда этот мотив? Как из порывов ветра...»

Но разве есть какая-то граница,
Где выдают нам зрелости билет?..

От песни этой чуть кружится голова и отзываются приятной болью натруженные руки. Ток струится к кончикам пальцев. «Ты поешь для меня? Да, Толя?»

Азаматов кашлянул. Андрей резко обернулся. Вот уж кого не ожидал. Стоит, задрав голову, внимательно ощупывает глазами номер.

— Шикарно. Как в гранд-отеле.— И протянул руку.— Принимаешь гостя?

— С удовольствием.

Азаматов повертел крупной головой, причесал свои иссиня-черные, тронутые сединой

волосы. Вид усталый, щетина проклюнулась на подбородке.

— Что за схема, Андрей Иванович? Не вижу без очков.

— Возьмешь вот со второй ступенью сепарации.

Азаматов достал сигарету.

— Можно?

— Пожалуйста. Я сам курю.

— Что нового?

— Кое-какие интересные мысли есть. Скоро сделаю официальную заявку в БРИЗ. Поработали с парнями из филиала НЕФТЕГАЗа. Упрощение конструкции, в основном. Слишком уж громоздкие блоки автоматики.

— погоди, так ведь Дина Михайловна работает над тем же.

— А мы друг другу не мешаем. Она берет узкую область — телединамометрирование.

— Да... — каким-то сварливым голосом сказал начальник управления. — Спрашивал я в техническом отделе мнение о тебе.

— Ну, и...

— Полный букет похвал. Вот что, сэр, не соблаговолишь ли остаться у нас начальником техотдела? Обойщиков уезжает в Речицу. Квартиру сразу, оклад известен. Мне такие буйволы, как ты, нужны.

Андрей от неожиданности сел в кресло.

— Я не ожидал... не думал... и потом, согласие объединения...

— Это уж моя забота. Так как?

Андрей растерянно взъерошил волосы.

— Уж очень внезапно. Оглушили прямо.

— Решай. Завтра скажешь. Жду в двенадцать. Хватит времени?

Андрей кивнул.

Вот дела! После ухода Азаматова он еще долго не мог прийти в себя. Предложение как бы связывало в одно целое и конец личной неустроенности, и желание «пощупать нефть своими руками». За областной город он особенно и не держался, несмотря на то, что имел отличную однокомнатную квартиру.

Стоит ли считать предложение Ахмета Закировича удачей? Не меняет ли он шила на мыло? В принципе, в НИИ ему работалось неплохо... А что, если, забыв новогодний разговор, позвонить Дине? Впрочем, итог звонка ему ясен и сейчас. «Как дела?» «Ничего». «Что нового?» «Все по-старому». Лучше развеяться. Сходить в кино, что ли?

Взгляд снова зацепился за чертеж, рука потянулась в поисках отброшенного карандаша. «Необходимого напора не будет. Ага... Если переобвязать насос и включить в общую схему. А дренаж куда? Здесь нельзя — пожарники взвоют. Ну-ка, резервный насос перетащим левее. Ну, вот, и освобождается жилплощадь для блока...»

Андрей все же вышел на улицу, купил билет в кино. В ожидании сеанса забрел в маленький дворовый скверик. Развернул газету. Кругом слонялись парочки, мальчишки гоняли перепачканный футбольный мяч.

Осташков долго смотрел на них и с горько-наивной радостью вспомнил, как в такой же весенний день — как страшно давно это было! — их школа встречалась с соседней, и он, капитан футбольной команды, с замысловатой крученной подачи Виталия забил победный гол, а Динка прямо на виду у восторженно орущей

ребятни поцеловала его — и это в годы куда более сдержанного общения парней и девчат. И Андрей тогда заметил, как демонстративно повернулся к ним спиной Виталька — черт возьми, даже такие полубытые движения души подчинены удивительным законам памяти!

А рядом с его скамейкой пацаненок лет шести сосредоточенно впрягал в деревянный грузовик огромного меланхоличного кота. Раздраженно огрызнувшись, полосатый зверь вырвался из его рук вместе с прицепом, порскнул под скамью, но зацепился за что-то и негодующе зашипел, пытаясь освободиться от упряжи. Андрей усмехнулся, взял за шиворот отбивающегося кота, отцепил машину. Кот напрягся, готовясь удрать.

— Держи, укротитель.

Мальчишка в голубом шарфе, в аккуратной цигейковой шапочке подошел совсем близко и уставил на него карие, круглые, как у птицы, глазенки:

— Дядя, а зачем вы такой большой?

Андрей растерялся от такого прицельно-точного вопроса.

— Каши много ел. Вот и вырос.

— Не-е, вы, наверно, штангу поднимали.

— Ну, бери своего тигра.

— А правда, похож на тигра, дядь? Его Шер-хан зовут.— Мальчишка взял в охапку присмирившего Шер-хана, и на Андрея повеяло неповторимым запахом разогретого детского тела, взмокших волос, запахом сырых байковых варежек. Что-то дрогнуло внутри... Он осторожно провел у мальчишки под носом.

— Э-э, масляный фильтр течет у тебя, гвардеец. Замерз? Беги домой, от мамки вле-тит.

— А у меня нет мамки. Она недавно умер-ла. Мы с батей живем.

Андрей пристально взглянул на него, по-правил круглую шапочку.

— Иди, простудишься. Далеко дом-то?

— А вот он, подъезд.

Осташков долго смотрел ему вслед... Си-гарета горчила. Неужели сам схватит прос-туду?

Потом часто возникал перед глазами серь-езный человек, задавший ему неожиданный вопрос. Действительно, почему? И волновался, вспоминая этот случай.

Итак, согласие дано, и вот уже целую не-делю Андрей Иванович Осташков — началь-ник технического отдела управления. Шесть глаз его подчиненных глядят выжидающе и вроде бы равнодушно. Но в них вопрос: а по-воротись-ка, сын. Откуда ты взялся и чего ты можешь? Прыжок от прошлого к настоящему был настолько неожидан, что Андрей понача-лу отмалчивался, закопавшись в документа-цию, а его подчиненные без конца ходили на перекуры, слонялись по управлению. Стар-ший инженер отдела Жора Степаненко, под-вижный, с ехидцей парень лет двадцати вось-ми, потрогал бицепсы нового начальника и ос-ведомился:

— Сколько толкаете?

— Сто двадцать. А что?

— Сила есть... — неопределенно отозвался Жора и остальные нехорошо заулыбались.

«Ах, подлецы. Что же не добавляете — ума, мол, не надо?»

Андрей сказал что-то приличествующее моменту, и все засмеялись — довольно-таки благожелательно. Когда же стало известно, что Осташков работал в группе Токарева, крупного специалиста по автоматизации нефтедобычи, на лицах инженеров появилось что-то похожее на уважение.

Промыслы, участки, экспериментальные группы... И так целыми днями. У Андрея впервые появилась персональная машина — потрепанный «Москвич» морковного цвета. Он уже успел убедиться, насколько широк круг его обязанностей. Убедился на деле, что чисто техническая проблематика в его работе — блеф, хотя совсем недавно были иллюзии на этот счет: уютная комната с кульманом, мудрые складки на лбах членов «мозгового треста». Работа приняла совершенно прикладной характер.

Первые же поездки на промыслы дали массу отправных точек для дальнейшей работы. Уже успела обуять легкая гордыня, приятно вспомнить чуть удивленный взгляд старшего инженера отдела...

Дело было так. На днях заехали они с Жорой на участок одного из самых удаленных промыслов — шестого. Шло заседание группы по новой технике. Андрея представили. В течение полутора часов он прилежно исписывал блокнот, самым внимательным образом слушая выступления. Вышли на перекур. Двое рабочих перегружали со стеллажей в автомашину трубы. Один — совсем хилый, длиннорукий, с подкашивающимися ногами. Конец

трубы, положенный на плечо, сгибал его чуть ли не вдвое. Шофер — парень — косая сажень в плечах — рассеянно перелистывал книгу в кабине. Старший инженер промысла занервничал.

— Что ж подъемного механизма не поставите? — поморщился Андрей. — Людей же гробите.

— Давно прошу опоры под подкрановые пути, — отрывисто пояснил старший инженер. — И кран-балку не могу найти.

— Кран-балка и не нужна. Обычный консольный кран сделайте. Электромоторы есть?

— Навалом. А передаточный механизм где взять? Да еще с соответствующим передаточным числом?

Андрей, поразмыслив, попросил чертежи имеющихся насосных установок.

— Есть в наличии списанные насосы для перекачки реагента? — В голове мгновенно родилась простая комбинация подъемного устройства. — Есть? Возьмите и приспособьте редуктор. У него ж червячная передача. Полтонны вполне выдержит, больше вам практически не нужно. Поставьте опоры под подшипники, удлините вал или новый выточите.

Старший инженер, как показалось Андрею, слегка испуганно поглядел на него и изо всей силы хлопнул себя по лбу:

— Валенок сибирский!

Жора Степаненко полунасмешливо, но с явным одобрением, заметил:

— Первый раз встречаю такого гениального начтехотдела. Как в кино: молодой инженер с задатками Эдисона приходит на произ-

водство и вскоре выводит свой цех в передовые.

После новогоднего разговора они с Диной виделись очень редко. Иногда он звонил ей и всегда, как от выстрела, вздрагивал от ее ласкового, ровного голоса в трубке. Телефонная линия, казалось, доносила до Андрея тепло ее дыхания... Так и живут в трех минутах ходьбы друг от друга. Смешно и нелепо выглядели их отношения. «Неужели восемь лет не смогли превратить меня в трезвого мужчину и заставить понять, что по меньшей мере наивно искать ту далекую девчонку, по уши влюбленную в Витальку, искать сейчас, в равнодушной ко всему, кроме своих затаенных мыслей и желаний, Дине?»

И вот здоровенный мужик по ночам принимает люминал, чтобы уснуть. И ищет массу причин для поездок на первый промысел. Как это, оказывается, радостно, когда видишь ее за пультом! Зеленые, красные отблески сигнальных лампочек путаются в волосах, пробегают по руке, плечам. Прижав к уху телефонную трубку, она что-то говорит. Шевелятся губы. Делает записи в тетради. И палец с ущербинкой — в чернилах. А разве солидно — стараться пройти под окнами, где расположен учебный комбинат, чтобы на секунду увидеть ее?.. Смешно — впервые поцеловал Дину в этом городе, неожиданность встречи бросила их друг к другу. О чем она думает? Много бы дал Андрей, чтобы узнать... Сейчас, когда ее и его жизнь пошли параллельными курсами, надо решать. Пора кончать осточертевшую обоим волынку.

«Кто ты, Дина? Меня мучает сознание моего бессилия понять, почему все так получается. Не верю, что я совершенно безразличен тебе. Повторяю снова: мертвым не больно. Я не могу без тебя. И лучше слов, чем эти, еще не придумал. Не умею».

Не любивший откровенничать, зачастую отделивавшийся шуткой от неизбежных вопросов по поводу своей затянувшейся холостяцкой жизни, Андрей как-то захотел излить душу Сергею. Несмотря на то, что время от времени он чувствовал в себе что-то похожее на ревность к нему и усилием воли подавлял в себе это. «Глупости. Будь мужчиной». Но разговор не получился. Сергей, понимающе улыбнувшись, развел руками:

— Я, Андрюха, сам не знаю, как мне распутаться с прошлым. Помнишь ведь Римму? А что касается Дины... Просто пойдй к ней домой, нахально — а что тут особенного? — и попытайся все точки над «і» поставить. А вообще-то она странная. Как в башне живет. А может, это и правильно. Зато отличной супругой будет.

Нет, неважным оказался Серега советчиком. Будто все это так просто...

Скважина забастовала окончательно. Еще недавно она аккуратно выдавала «на гора» четыреста тонн жидкости, а теперь, как в наемешку — пятьдесят. А нефти в ней? Тонн тридцать, не больше. Сергей давно побаивался ее и при первых же признаках очередного каприза принимал необходимые меры. Ничего на сей раз не помогло: ни кислотная обработка, ни промывка горячей нефтью.

Мастер Тимофеев, сплюнув, отошел от скважины. Осторожно перевязал палец — сорвался ключ с гайки.

— Что ты к ремонтникам лезешь? — проворчал Сергей. — Вывозился, как леший. Иди, перемени повязку-то. — И, оглядев донельзя замазученную скважину, поморщился:

— Не умеем чисто работать. Авгиевы конюшни.

— Любишь нефть — люби и пачкаться, — буркнул Тимофеев. — До белых халатов еще не дожили.

— Э-э! — отмахнулся Сергей. — Плохому танцору, сам знаешь, что мешает.

Мастер искоса взглянул на Старцева: досиня выбритый, в плотной заграничной куртке с алюминиевыми застежками. Стрелки на брюках — пальцы обрежешь. Но вид озабоченный. Впрочем, в последние месяцы это выражение не сходило с лица Сергея.

— Операторам подскажи — пусть выскоблят территорию скважины.

— Устали люди, Сергей Ильич. Третий день, стало быть, на ногах.

— Скоро Первое мая — забыл? А скважина где? Прямо у въезда в город. Скажут, устроили безобразие у парадного. Ничего, пусть поработают, потом возьмут отгул.

Сергей поежился от ветерка. Посмотрел на часы, зашел в крошечную будку, закурил. «Видел бы Фатеев — на десяти собраниях упомянул бы». Погасил сигарету. Тяжело ввалился Тимофеев, уселся на скамью, уронив меж колен лопатообразные большие ладони.

Пепельный клочок волос выбился из-под кепки. Широкие крылья носа — в нефти. И вдруг Сергей ощутил внезапный прилив жалости к своему немногословному и безотказному мастеру. Вспомнилось, как бессовестно иной раз перекаладывал свои прямые обязанности на его сутуловатые плечи. Он положил руку мастеру на колено.

— Плохо выглядишь, Ефим Иванович. Лица на тебе нет.

— А у многих из нефтяников ты свежие лица видел? Все как копченые сельди.

— Отдохнуть бы тебе надо.

— Не привык я, стало быть, в домах отдыха бока отлеживать. С тоски заболел. А насчет «свалиться»... В концлагере чуть потруднее было.

Сергей поднял на него глаза.

— В концлагере?

— На что переводить-то будем скважину? «Он был в лагере смерти? Тимофеев?»

— Что ты сказал?

— С геологами говорил? На какой способ эксплуатации будем переводить скважину?

Сергей чувствовал, что еще немного — и он выйдет из себя.

— Что вы мне суете электронасосы? — все же вспылал он. — Я же тебе, Жора, ясно сказал, что характеристика...

Голос Жоры Степаненко был полон власти — покомандовать он любил.

— Сергей, ты, ей-богу, как будто первый день на промыслах. У нас избыток электронасосов. Валяются без толку на складе. Вот и будь любезен, переводи.

— Думать надо! — распалялся Сергей. — Что, по-твоему, важнее: вид добычи или рост добычи?

— Не морочь голову и не задавай детских вопросов.

На другом конце провода произошла заминка. Кто-то дунул в трубку. Сергей понял — Андрей. Его привычка.

— Здорово, Серега. Чего пылишь?

— Андрюха? Привет. Ты-то мне и нужен. Какого черта вы там мудрите? Я Жорке говорю, что надо штанговый насос. Выгоднее он на этой скважине, понимаешь? Я наверняка доберу еще 15—20 тонн в сутки. А параметры скважины не соответствуют данным электронасоса, я с геологами говорил. А вы мне его суете. Я по сорок раз не собираюсь ремонтировать скважину...

— Погоди, погоди. Так ведь там возни сколько: фундамент под станок-качалку и прочее. Пока растолкаешь монтажников...

— Прежде надо знать обстановку, — резко оборвал его Сергей и сразу же отругал себя: Андрей только еще входит в курс дела и каждую скважину, естественно, знать не может. — Фундамент, Андрей, готов давным-давно, станок на месте — когда-то уже собирались переводить скважину на качалку, но раздумали.

— Делай, как лучше, Серега, тебе виднее. Я приеду, взгляну. Давление упало сразу?

— Да, почти.

— Серега, нам бы встретиться надо, давно не собирались. Отошли друг от друга. Приходи. Кстати, обмоем мою двухкомнатную.

Хожу, аукаюсь сам с собой. Придется попросить однокомнатную, куда мне столько.

— А не пригодится двухкомнатная?

— Думаю, что нет. Хотя, кто его знает. Так придешь? Ребята из Баку привезли кое-что из марочных, есть мангышлакский сушеный лещ.

— Закрутился я, Андрей. Только знаешь что? Давай после расширенного технического совета. После драки. Статью-то читал?

— Да, весьма эффектная.

— Ясно, начтех. Пока.

— Пока.

...Сергею вдруг захотелось пива. Он тронул шофера за плечо и обернулся к Тимофееву.

— По кружке пива, Ефим Иванович?

— Не пью я совсем, Сергей Ильич,— виновато донеслось из глубины брезентового кузова.— Стало быть, лет десять тому. Печень шалит.

— Вот как...— протянул Сергей. Он вылез из вездехода, кивнул шоферу.

— Спасибо.

Пивной бар был полон. Здесь, как обычно, собирались нефтяники. Начиная с пяти вечера, тянулись сюда с автобусной остановки цепочки людей, шумно вваливались в продолговатый зал, отдающий сыростью и килькой. Группировались по «ведомственному» признаку: левое крыло занимали буровики, правое — добытчики.

Сергей, не выносивший панибратства и наотрез отказывавшийся пить даже в премиальные дни со своими мастерами, любил иногда

заходить сюда. Ему нравился монотонный гул, невнятные возгласы — словом, обстановка, в которой можно подумать, стряхнув с себя груз будней, послушать потихоньку чужие разговоры. Здесь услышишь редкостные вещи. Он вставал обычно в дальний угол и неторопливо потягивал пиво, разглядывая вошедшего.

Он почувствовал на себе пристальный взгляд, обернулся. За соседним столиком стоял Анатолий и, скромно потупившись, сдувал пену с кружки. Еще миг — и его светлые, с наглинкой, глаза дружелюбно уставились на Сергея.

— Пьем, Сергей Ильич?

— Угу,— буркнул Старцев.

— Я уж к вам перебираться не буду. Чтобы авторитета вашего не ронять. Скажут еще — с подчиненным пьянствует.

«Вот паршивец!»— Сергею стало весело.

— Иди, иди сюда.

От Семина невыносимо несло аммиаком. Он сразу же пояснил:

— Реагентный насос помогал перетаскивать. Вот и запачкался. Чуть из автобуса не выгнали.

— И что, здесь часто бываешь?

— Тут же интересно. Историй наслышишься!.. Особенно от фронтовиков. А вы? Впервые здесь вас вижу.

— Тоже иногда бываю.

— Смотрите, одни вояки. Вон тот, в белой кепке — Герой Советского Союза, артиллерист. Рядом — летчик-штурмовик. Рассказывает здорово. А вон видите — кудрявый, дохленький? Разведчик. Знал самого Заслонова. А у

этого детины — протез. Морская пехота. Высаживался в Новороссийске. Был в десанте Цезаря Куникова — слыхали о нем? Э-э, и Сафин тут!

Действительно, Сафин протискивался в кружок с четырьмя кружками в руках. Люди расступались, освобождая место.

.

— ...схватились и стоят. У обоих пистолеты в руках, а стрелять не могут — ну, ровно щука захватила рыбу, да не по зубам: ни освободиться, ни проглотить. В аккурат я поблизости оказался. Автомат разряжен, пока диск вставишь... Так я схватил немца за башку и, верите ли, начисто ее вывернул. С хрустом. Ей-богу, сам не ожидал. Парень я, правда, в силе был. Хваталки — что тиски. Так до конца войны и протаскал за пазухой фрицевский пистолет. Вернее, итальянский, «беретта» называется. А тот, который наш, оказался командиром десанта, капитаном второго ранга — нам братишек тогда на подмогу подкинули.

— ...Чую — горю. Дышать нечем, жжет спину — будто утюги приложили. Глаза открыл — ядрена вошь! Фрицы, оказывается, поливают пшеничную делянку из огнеметов. Как выбрался — не помню. Вместо спины — водяной пузырь. Ничего, перевязали — и снова за своего «дегтярева».

...— ни хрена не вышло. Утюжил-утюжил «тигр», а я, как дождевой червяк, выбрался и — по заднице его связкой. Встал, сволочь. Патроны-то у меня кончились, а тут пехота валит. Был у меня десяток ручных гранат, у убитых хлопцев пособирал. Кинул одну, хо-

рошо кинул. А самому осколками морду здорово посекло.

...— какой-то чокнутый попался. У меня ж задняя полусфера прикрыта, а он прет прямо на пулеметы. Стрелок — Юстас Иканявичюс, литовец, бешеный парень, у него немцы просто так жену в Вильнюсе пристрелили. Я, значит, чуть не по головам над окопами. Не до маневра, на бредущем иду, того и гляди консолью воткнешься. На Юстаса вся надежда. А он, видать, осатанел, огрызается будь здоров. «Худой» еще раз зашел и прямо под пулемет. Пых! — и на головы своих же. Прилетел — и оторвать у стрелка руки от гашеток не могу.

Анатолий так и не допил свою кружку, пересыпал соль в жестяной коробочке и вроде бы рассеянно прислушивался к людскому гомону, но по тому, как убегали зрачки в сторону рассказчика, было видно, что слушает он очень внимательно.

— Бывай здоров, Толя.

Анатолий, примолкший и нахохлившийся, молча смотрел на него.

— Сергей Ильич, а ведь у меня отец погиб в апреле сорок пятого в Берлине. Обидно, правда?

— Ты что, Стас? Не то уж книгу задумал — спросил как-то Сергей Молчанова, не утомимо шнырявшего по промыслам.

— Книгу не книгу, а что-то наподобие цикла очерков. Да не получается еще, — озабоченно ответил Станислав и опять пропал на несколько дней: даже телефон в его гостиничном номере молчал. Сергей несколько раз за-

ходил к нему, но дежурная молча открывала ящик — ключ был на месте.

А Молчанов в это время сидел у него на участке вот уже целых три часа. Заскочив на несколько минут, в поисках Сергея он застрял: вездесущая Любка заставила его «опытным глазам специалиста» взглянуть на роскошную стенную газету, посвященную Первому мая. Станислав не стал ссылаться на занятость — он почувствовал к Любкиной просьбе определенный интерес. Решительно забраковал бодрого, с вытаращенными глазами рабочего, над головой которого нимбом сияли серп и молот. Генка — теоретик набросал новый эскиз, Станислав удивился тому, как точно и легко он уловил его мысль. Он отредактировал все заметки, разместил их на ватмане, стараясь следовать правилам газетной верстки — словом, трудился в поте лица. Он увлекся настолько, что не сразу расслышал негромкий, с незлой насмешкой голос Дины:

— Шефская помощь, Станислав? Ретивое выиграло?

Он обернулся. Дина, в сером грубом свитере крупной вязки, пряча подбородок в широкий ворот и затаив улыбку в уголках своих теплых глаз, смотрела на него. Коротенькое пальто из искусственной кожи было наброшено на плечи.

— Перекурите, спецкор.

И вдруг кровь бросилась Станиславу в лицо... Он, пробормотав что-то, торопливо отвернулся, чтобы не выдать своей растерянности. «Это еще что такое, Стас? Ну, ну, старина...»

Потом завязался общий разговор. Станислава «раскрутили», — он стал рассказывать о

Сибири, о своей редакции, о знаменитых писателях и артистах, с которыми доводилось встречаться, об однокласснике, в тридцать лет ставшем подполковником и несшем службу сейчас на космодроме. Любка слушала его с неподдельным восторгом, упав грудью на стол. А Станислав болтал без умолку, с удивлением отмечая про себя, что может, оказывается, увлекать других. И боковым зрением чувствовал взгляд Дины, усевшейся на подоконник,—она смотрела на него задумчиво-ласково, как на большого нескладного ребенка.

— Интересно-то как! — вздохнула Любка, вставая: надо было идти на скважину. И уже от двери крикнула:

— Спасибо вам, Станислав Павлович! Утром нос третьему промыслу, у них в жизнь такой газеты не было!

— Что это с тобой, Станислав? — спросила Дина, улыбаясь и так же пряча подбородок в воротник.

Они стояли на крыльце участка, прислонившись к перильцам. Мимо по автостраде мчались вереницы машин. Апрельский день выдался серенький, сонно, надоедливо сыпался с неба дождь. Молчанову стало неуютно.

— Что — «что?» А-а, растрепался — это имеешь в виду? — Станислав усмехнулся. — Со мной это бывает. — Он стал протирать очки... Не мог же сказать он ей, что ее присутствие выбило его враз из колеи. Что она нравится ему так, как не нравился еще никто в его не очень-то складной, суматошливой жизни, в которой, казалось, так и не найдется времени, чтобы подумать о себе. Он надел очки и с вне-

запной решимостью, в упор, взглянул на нее, одновременно злясь на самого себя: тоже мне, газетчик, рвет подметки на ходу... Дина так же открыто смотрела на него — она умела глядеть именно так — с легкой полуулыбкой, так неожиданно мило трогаящей крупные губы и уголки слегка оттянутых к вискам светло-карих глаз. В следующий миг лицо ее по-серьезнело, она чуть подалась к нему.

— У тебя неприятности?

— У меня их не бывает,— весело отозвался Молчанов.— Я слишком оптимист, Диночка.

— Легко тебе живется.

— Недавно я не совсем удачно приземлился на вертолете. Пилот вышел, посмотрел на повреждения и говорит: не горюй, друг, все это мелочи жизни.

— Слишком много, этих «мелочей»...

— Ну вот, скоро начнем искать смысл жизни...

Они замолчали. Дина чувствовала, что за полушутливыми, ни к чему не обязывающими словами Молчанова кроется другое... Ей вдруг вспомнился новогодний вечер в ее квартире. В веселье Станислава было что-то вымученное. И он совершенно не умел быть пьяным. Во всяком случае, как Сергей выражается: изящно пьяным. Может быть, это и хорошо?

— Тебя еще не хватились в редакции, Стас? Можно подумать, что ты свободный художник.

— Да нет. Договоренность.

— Ясно.

— Хорошо у вас все-таки.

— Где — «у нас»?

— Вообще. В городе.

— Чем же?

— А тебя не тянет, Дина в более крупный, так сказать, населенный пункт?

— Представь себе, нет. Я, наверно, страшная домоседка. И очень люблю этот город.

— Видишь ли, я до мозга костей горожанин. Красиво, что ли, говоря, убежденный урбанист. И бродяга несусветный, профессия обязывает: волка, говорят, ноги кормят. Но иногда приходит желание надолго выбраться из центра. Надоедает вся эта суета, рефлектирующие, до ужаса умные приятели...

Дина рассмеялась. Станислав в который уж раз отметил, что ему всегда хочется слышать ее приглушенный грудной смех.

Он нахмурился и протянул ей руку.

— Пока. Хоть бы навестили, черти.— И, задержав ее крепкую ладонь, предельно просто сказал:

— Дело в том, что я постоянно хочу видеть тебя, Дина Малышева. Вот такие пироги...

Настя с трудом перенесла тяжесть тела на ноги. Осторожно встала. Довела-таки себя: стоять не может, ровно только что народившийся теленок. Колени дрожат. В последнее время перед людьми неловко: начинаешь садиться, и треск по всему телу идет, суставы щелкают. Ох, дура, прости меня господи, что не послушалась главврача медсанчасти, не взяла путевку на воды.

Понесла ее нелегкая на нефтеловушку, будто молодых нет. Две недели назад в самом конце рабочего дня влетел на участок

Генка-теоретик и заорал, будто ошпаренный: «Нефть в реку уходит! Перемышку прорвало!» И бросились все, кто был — Сергей, Танзиля и даже Дина Михайловна вниз, к яру. Увязалась за ними и Настя, хотя Сергей настойчиво уговаривал остаться. Пока засыпали преграду, топтались в чавкающем, пронизывающем до костей холодном земляном месиве, прошло три часа. Вечером Настя почувствовала себя худо. Так худо, хоть криком кричи. Разламывало так, как будто зажали тело в десяток тисков. А утром ноги отказали. Соседи вызвали врача. Молоденькая девчонка, только институт закончила. Даже года не работает. Ободряет, смеется, а у самой в глазах — тревога. Спросила: где ж вы ноги-то так? Ответила, что, мол, фронтовая память до конца дней. Что на войне не только ноги — душу калечат иногда.

Ну и скучища лежать, оказывается, дома! Привыкла пропадать целыми днями на работе, вот и кажется комната чужой, словно привыкаешь к ней, знакомишься заново. Прибежишь на минуту, полы вымоешь, посуду перетрешь — утром некогда — пыль смахнешь с окна, со старинного резного фикуса — и опять несут больные ноги то на встречу со школьниками, то в микрорайон, где депутатом ее выбрали. Приходишь поздно, а за дверью орет вечно голодный кот Скребок — так назвала она своего роскошного бухарского кота за то, что он постоянно скребся в дверь, возвращаясь с ночных блудней по крышам и чердакам. Редко-редко заглянет Галим Сафин с кем-нибудь из дружков, разопьют беленькую, посидят. Посмотрит-посмотрит Настя после их

ухода на разнокалиберные рюмки, на скорую руку приготовленное угощение, на пальцы свои с некрасивыми плоскими ногтями — ударится грудью об стол и еле сдерживает рвущийся из груди плач. В День танкиста всегда у нее собирались немногие оставшиеся в живых однополчане — Галим, мастер пятого промысла Чумаков, первый механик-водитель в экипаже Сафина, офицер военкомата майор Черняк, бывший адъютант командира полка, замерщица Светлана Кравец, фельдшер санбата. Споят «Если на празднике с нами встречаются», «Три танкиста», «Землянку», повспоминают и тихонько расстанутся, будто боясь нарушить легко ранимую торжественность встречи. В такие вечера Сафин обычно пил больше всех, после каждой рюмки трясся серебряной своей головой, обнимал за плечи Чумакова и вот уже который раз доказывал, что если бы тот не замешкался, когда проскакивали ложбину под Минском и снаряд тяжело охнул в борт, пушкарь Сергеичев был бы жив. Чумаков обижался, вяло возражал. Этот старый спор проходил тихо, привычно, боль утраты перестала быть болью, потому что были смерти пострашней. Несколько раз порывалась Настя пригласить секретаря горкома Силантьева, да Галим отговаривал: неудобно. Хоть и лихой был танкач, командир роты, не раз вместе коротали ночи у костра, а однажды даже лежали — койка к койке — в санбате, раненные в скоротечном страшном бою, не мог Сафин перебороть в себе робость. Так, поговорят, встретившись, две-три минуты, бывал Сафин у него на приеме по партийным делам, а так, чтобы постоянно напоми-

нать о себе — этого не любил. Обычно эти не слишком веселые вечеринки заканчивались сетованиями Сафина: «Ну, что уж! Ни одного мусульманина, хоть бы одну башкирскую песню спеть. А еще в Башкирии живете, называется!»

Вот не вовремя болезнь! Сегодня тридцатое апреля. Обычно Настя до блеска скребла полы, доставала тяжелую, с золотыми кистями, скатерть. Готов у нее бывал праздничный гусь, которого она покупала непременно у татарок: те обычно обрабатывали птицу очень тщательно. А то и курник источал из духовки упоительный аромат. Припасала три-четыре бутылки на случай прихода гостей, званых и незваных. Поди ж ты — в первый раз такая неувязка. А может, выдержат ноги? Ну-ка! Ничего, идут. Идут! Да что уж, для больных и праздника нету, что ли? Где у нее мука-то, запомновала... Ага, в ящике. А что сделаешь из пресного теста? Была не была! Повязав свой выдавший виды фартук, Настя замесила тесто, попросила соседского мальчишку Шурку принести мясо из погреба. Нарезала на куски, нашла чесноком, перемешала с луком, одела в одеяльца из теста. Есть можно будет — и ладно. В духовке загудело пламя. Смазала противень, и пирожки, похожие на надувные резиновые лодки, аккуратно выстроились друг за другом.

Праздновать так праздновать! Сбросила халат, надела сиреневое платье, нацепила на грудь малахитовую брошь, старинную, тяжелую, всю войну в вещмешке протаскала, веря, что наступит заветный час. Подошла к зеркалу. Почти дочерна загорелое лицо и — никуда

не денешься: сорок два года! — веер морщинок у висков. Ничего не осталось от беленькой, плотной, круглолицей девушки из медсанбата. Хороши, пожалуй, еще волосы — тяжеленные, густые. До сих пор коса до пояса.

«Да что это я наряжаюсь, будто на танцы? Вот дура-то!» — И так, с распущенной косой, вновь присела на кровать — все-таки болят, болят ноги.

Стук. Настя быстро набросила на смятую постель покрывало. Окинула взглядом комнату.

— Можно!

Вихрем влетела Любка. В руках цветы. Остановилась, изумленная, словно наткнулась на невидимую стену.

— Тетя Настя! — Она положила букет на стол. Глаза — два вспыхивающих кусочка антрацита. — Тетя Настенька, да вы ж у нас красавица! — и кинулась обнимать.

— Разрешите?

Настя, смеясь, отбивалась от тормозившей ее Любки, выглянула из-за рыжей ее копны и увидела, как, смущенно улыбаясь, входят Сергей. Танзиля, Генка-теоретик.

— Сережа! Дина! Каюсь, — не ждала. Думала, мои фронтовички забредут.

— Как ноги, Настасья Павловна? — Дина осторожно присела рядом.

— Ни шатко, ни валко. Держат пока... Где ты цветы достала, рыженькая? Да какие!

— В питомник ездила, в Имангильдино. Правда — чудо?

...Настя в избытке чувств даже всплакнула после рюмки. Любка покраснелась от вина и все просила ее показать фронтовые фото-

графии. Сергей молча ковырял спичкой скатерть, не притрагиваясь к закуске. Дина осторожно положила ладонь на его пальцы.

— Сережа, забудь на время свои заботы. О чем ты думаешь?

— Да вот думаю, что не успел телевизор починить до праздника,— сказал он и засмеялся. Дина недоуменно взглянула на него, Сергей потянулся к рюмке.

— Эти полоски... какое звание, тетя Настя?

— Сержант. Сержант медицинской службы. Ой, пирожки-то мои!— Забыв про ноги, Настя проворно вскочила, выхватила противень.

— Вкуснятина! — Любка зажмурилась и затрясла головой.

Дверь распахнулась. Все обернулись и с возгласами встали из-за стола. Улыбающийся Сафин и Анатолий стояли у порога. Галим Ибрагимович был навеселе. Пояснил:

— Я с мастерами... того. Отметил маленько. У-у, пирожки. Настины, знаменитые.

Пока шло непринужденное веселье, Дина еще раз отметила ласковую предупредительность Насти, благодарные короткие взгляды Сафина, ставшего в эти минуты совсем не таким, каким привыкли его видеть — чуть замкнутым, невеселым... Любка с Анатолием шушукались о чем-то, Сергей с аппетитом ел, успевая переброситься короткими фразами с присутствующими. Генка был удивительно молчалив и серьезен, а раскрасневшаяся Танзиля сидела, чинно сложив руки на коленях.

— А помнишь, Настюша, двадцать второе апреля?

— Еще бы. Светку-то Кравец в тот день и зацепило.

— Нет, это раньше. На Унтер-ден-Линден.

— Верно... Двадцать второго? Ой, господи, как же... Ты десятого мая только очнулся.

— Во-во. Эх, мать честная, двадцать годов белым лебедем за море. А скажи-ка им, что самое жуткое на фронте?

— Когда атаки ждешь. Все внутри дрожит и пить охота.

Сергея чем-то поразили слова Пастуховой... В голове бились ускользающие строчки, и напряженным усилием воли он вызвал их к жизни: «Когда идут на бой — поют, а перед этим можно плакать. Ведь самый страшный час в бою — час ожидания атаки...» Сафин вспоминал неторопливо, с долгими перерывами, часто теряя нить повествования. Сергей мысленно заполнял эти паузы своими догадками, ему порой становилось не по себе от восстанавливаемой им картины жестокой военной беды. Как связать все, что слышишь сейчас от Сафина, с ощущением собственной причастности к событиям, больно отдающимся в сердце?..

— Вот так и было, — закончил Сафин. — В госпитале в себя пришел. А мне доктор осколки подарил. Бери, говорит, старший лейтенант. На всю жизнь память. — Он потянулся к стакану, но большая и ласковая рука Насти отвела его руку.

В комнате было тихо-тихо, только слышалось, как постукивают по столу пальцы Сергея. Каждый внутренне причащался к той далекой военной весне. Наверно, двадцать вто-

рого апреля сорок пятого было такое же спокойное небо, побледневшее от бесчисленных смертей. Так же уговаривали друг друга спать чужие берлинские акации, как шепчутся сейчас у форточки скуластые тополя. И спал под ними седой двадцативосьмилетний Сафин. Где-то неподалеку прикорнул, наверно, и светловолосый отец Анатолия, не ведая, что вскоре ему предстоит услышать последний в своей жизни выстрел, беспощадно доказавший хрупкость военного покоя.

Кто уж сказал, что война — рак? Впрочем, неважно кто. Невидимые, неумолимые щупальца тянутся сквозь годы, напоминая, что есть еще метастазы. Мучают память, будоражат совесть, оттачивают ненависть и убивают из-за угла.

...Молодые матросы откровенно посмеивались, когда лейтенант Воскобойников, командир пограничного сторожевого катера, остролицый, словно к чему-то принюхивающийся, с надеждой говорил перед каждым выходом в дозор: «Хоть бы одного...», имея в виду нарушителя. Их «двадцатке» не везло. Подбирали только обалдевших от усталости купальщиков, заплывших слишком далеко. В ту ночь море было удивительно домашним. Мирно и буднично рассеивалась веером кильватерная струя серебристо-синего цвета — так расплетает косу женщина, готовясь ко сну. Не было тумана, а цепенел синеватый мрак и весь катер отливал этим успокоительным синим цветом — будто надели на небо просвечивающие чехлы. Глухо пел двигатель. И появившийся

на траверзе бот в первую секунду не вызвал никаких эмоций: так благополучно и безмятежно раскачивался он в ночи. И только когда Воскобойников прокричал визгливо: «Просигнальте!», оцепенение исчезло, и Сергей сразу ощутил, как холоден крупнокалиберный пулемет, на который расслабленно сложил ладони. «Предупредительную!..» И взревел пулемет, и понеслись, догоняя друг друга, желтые шарики, будто с изнанки прошивая небо. Затем — два человека в штормовых куртках, снятые с бота. Взахлеб сосут сигареты. Воскобойников заложил дугу, и сторожевик, вздымая голубой водяной парус, летит в бухту. А в следующую секунду море, желто-красно-черное, взвилось на дыбы. «Ах война, что ты сделала, подлая...» Где тебя носили волны, круглая рогатая смерть, прежде чем отняла ты у мира смешного лейтенанта Воскобойникова, молчаливого Лешку Емельянова, длиннорукого стеснительного Вадика Шаговского, крепенького, вечно сосредоточенного Талгата Хусаинова?

— Дайте закурить.— Перед глазами перебирали воздух пальцы Анатолия.

— Послушай, Толя... У тебя ж отец погиб в Берлине,— тихо напомнил Сергей.— И тоже танкист, кажется?

— Как? — встрепенулся Сафин.— А когда?

— Двадцать шестого апреля.

— Как звали его?

— Владимир Игнатьевич Кочетков. Я по матери хожу.

— Кочетков, Кочетков. Нет, не доводилось слышать. А тебе, Настюша?

— Что-то не припомню, хотя на память, вроде бы, не жалуюсь. Да и не мудрено — столько народу прошло перед глазами. А номер части в памяти не удержишь?

— Не помню. Посмотрю. У дядьки все — и ордена, и медали, и справки разные.

— Вот ведь как бывает. Может, бок о бок дрались. Ну, помянем его душу.

Генка-теоретик сидел притихший, почти не пил совсем.

— Мне вчера Андрей не понравился. Я, как гончая, сразу насторожился, когда пустил пробный шарик: как, мол, ты поведешь себя на техническом совете? Сергею, ты сам, конечно, понимаешь, нужна поддержка. Говорит — есть масса проблем технического порядка. Взял бы Сергей одну и довел до ума. Каково? Насквозь рационалистичная мысль. А люди? А психология? Это ж не просто мода. У нас, газетчиков, например, все инженерные проблемы проецируются на печатную страницу через людей. Доказываю ему: Сергей, мол, начальник участка, у него семьдесят человек. Чем, в конце концов, не техническая проблема этот гарантийный паспорт, если повышенная ответственность отразится на добыче нефти? Я неправ, да? А Андрей твердит свое: люблю предельную конкретность в деле, осязаемость. Мой принцип: пощупать руками — стимулирует куда надежнее. Подземный ремонт, говорит, — почти тайга. Сложились свои традиции, и ломать их нужно сверху. Экспериментировать на зароботке людей — последнее дело. И так уж наэкспериментировались — бегут на запад коренные, вернее, прижившиеся сибиряки,

дальневосточники. Говорю ему: дешевенькое у тебя причащение к рабочему классу. Добренький ты был бы руководитель, популярный. Кажется, обиделся.

Станислав заиграл. Пальцы его реяли над синеватой от льющегося в окно ночного неба клавиатурой. Странная это была мелодия. Пустенький шлягер вдруг обрастал полновесными сочными пассажами, нервный бег гаммы переходил в лирические фрагменты из известных вещей, или вдруг в нарушение всяческой гармонии торжественно и зовуще плыли по полутемному холлу Дворца начальные аккорды Второй рапсодии Листа. Играя, Молчанов смотрел прямо перед собой, туда, где на черной деке мерцали золотые буквы — «Эстония».

— Привязался я к вам что-то, братцы. Ах уезжать неохота. Редактор вчера говорит — ты, мол, не женился случайно? Говорю — ростом не вышел... И вообще — я привык считать, что лучше моей работы нет. А приглядишься — у вас тоже ой-ой.

— Любопытно, — Сергей усмехнулся. Станислав крутнулся на фортепьянном стульчике и повернулся к ним лицом.

— Я, откровенно говоря, Дине немножко удивляюсь.

— Вот как? — Дина подняла брови. Одна из них забавно переломилась надвое.

— Тебе на все, извини, наплевать. Залезла в свою бочку, то бишь в автоматику. И несет тебя по проверенному фарватеру. Ни рифов тебе, ни отмелей. Бакенщики на месте, предупредят в случае чего. Я даже маршрут твой

знаю: работа, дом, учебный комбинат, кино, библиотека, концерты гастролеров.

— По-твоему, мало?

— Да нет, внешне все нормально. Выдержаны все необходимые параметры... А ты знаешь, как тебя на промысле зовут? Задвижкой.

Сергей усмехнулся и кивнул.

— Грубовато, но верно. Так? Нет, ты не черствая. Ты добрая, отзывчивая. А не тянутся к тебе люди. Почему?

— Давай-ка будем откровенны до конца, Стас. Мне всегда претила эта навязчивая открытость: на, пользуйся всем моим. Я отдаю вам все, люди! А что у меня внутри, за изгородью — извините. Очень точное понятие — рационалистичность, сколько на него собак вешают. То, что дало мне... ну, государство, общество, что ли — я возвращаю. Смею даже думать, что с процентами. А душа, мое «я» — вещь неотдаваемая. Я могу быть и аполитичной — это никого не касается.

— Глупости. Аполитичность — бессмыслица. Третьего не дано, или — или... Кстати, как ты относишься к Любке Ромашовой?

— Она не в счет. Это вообще солнечная девчонка.

— Бывает и глупая солнечность. Я не буду распространяться насчет активной доброты. Три дня назад она приходила ко мне в гостиницу. Рассказывала, что у Пастуховой вечно сырая комната, а работает она на промысле с сорок шестого. И жилья приличного не требует. Давайте, говорит, похлопочем. Объяснил ей, что мне это не совсем с руки, редакции обычно стараются не связываться с квартирным вопросом, очень все сложно. Какое, каза-

лось бы, ей дело? Сама-то далеко не в лучшем общежитии. Ты бы догадалась? А ты, Сергей?

— Я знаю давно. Хлопотать пытался. Настя сама не хочет. Говорит — хуже меня еще живут. Да разные куры, гуси, погреб держат.

Станислав захлопнул крышку рояля и стал прохаживаться по холлу. В пестрой рубашке он казался особенно щуплым и маленьким. Взблескивали стекла очков. Сергей, обхватив колени руками и уткнувшись в них подбородком, утонул в большом, как кабина, кресле. Редко выдаются такие вечера. Взъерошенный Станислав, Дина, умеющая так хорошо молчать.

Сергей смотрел на Дину и думал, что в сущности не знает ее по-настоящему. Испуганно выглядит в ней очень нежное и светлое, и превращается она в какие-то мгновенья в ту самую девушку, которую не видит никто. До приезда Осташкова Сергей часто приходил к ней. Швырял на диван шапку, пальто и по-хозяйски лез в буфет, если бывал голоден. Иногда и выпить что-нибудь находилось. Наверно, осталась у нее привычка от материнского дома: в таких домах всегда припрятывается беленькая для случайного гостя. Если Дины не было дома, он оставлял ей записку, сунув ее прямо в замочную скважину. Они часто засиживались до полуночи. Приятели, наверно, обхохотались бы, узнав, что в таких обстоятельствах у них «ничего такого не было...» Он никогда не оставался здесь до утра. Иногда Сергей ловил себя на остром желании обнять ее, когда она садилась рядышком, плечом к плечу. Удержаться было трудно — так по-до-

машному близка и доверчива была она в своем сатиновом халатике, с ненакрашенными обветренными губами и ясным взглядом. Однажды он прямо и довольно грубо спросил ее: «Ты не думаешь, Динка, что когда-нибудь я тебя начну попросту лапать?» Дина удивилась. И сказала, подумав: «Нет, не думаю. На тебя это непохоже. Да и я ведь не из тех, кого можно лапать». «Ты ж в конце концов женщина». «Обыкновенная баба, скажи уж точнее. И все же дело обстоит именно так». С приходом Андрея посещения прекратились. Он иногда заходил в диспетчерскую, садился с ней рядом за пульт, они перебрасывались ничего не значащими словами и прощались. Трудно стало обращаться к той простоте отношений, которая раньше сближала их. Казалось, каждый жест и каждое слово контролируются Андреем и соответственно истолковываются.

А Дина... Дина искоса наблюдала за Молчановым и из головы не выходили его слова, сказанные недавно на участке. Ведь это почти признание. Неожиданность их смутила ее, и она с неосознанным любопытством ждала какого-то продолжения. Вот тебе раз! Или он пошутил? Да нет, не похоже. Ей было чуть-чуть смешно... Ей нравился этот славный, кажется, чуть-чуть не от мира сего парень, ставший за короткое время своим у нефтяников и закадычным дружкой Сергея.

Станислав сел на диванчик рядом с Диной и задумался, опершись подбородком на кулак.

— Прямо роденовский мыслитель,— улыбнулась Дина.— О чем задумался, детина?

Молчанов откинулся на спинку диванчика и широко разбросал руки, как бы обнимая его.

— Не представляю себя без газеты. Сделаешь материал повышенной сложности — и ощущение такое, будто кто-то залез к тебе внутрь и вынул все, что есть. Выкладываешься, как марафонец.

— Стас, а ты что это очерком про Азаматова разразился? Тактический ход, что ли?

— Да нет, я не любитель конъюнктуры. Понравился он мне здорово. И, знаете, как раз в точку я, оказывается, угодил: по секрету мне сказали, что готовят его на орден Ленина.

Голоса в холле звучали гулко, раскатисто. Станиславу вспомнилась старинная Воздвиженская церковь, куда он попал с группой реставраторов, отстоявших ее от посягательств чересчур расторопного предрайисполкома. «Изумительная акустика», — сказал кто-то вполголоса, и купол торжественно и послушно подтвердил: «...умительная... устика». Еще за роялем он обратил внимание, как таял последний аккорд.

— Сцепился я недавно с Фатеевым опять, — Сергей внезапно вернулся к первоначальной теме разговора. — Взял да перевел моего лучшего подземника Фаттахова в группу электромонтеров и прислал взамен Золотухина из мехмастерской. Вот человек! Теряет всякое чувство реальности от злости. Фаттахов — это же такая умница, что я всегда спокоен, когда он на ремонте. А Золотухин что? Больной человек, еле ноги таскает. Обрадовался, дурень, подземники неплохо зарабатывают. Махнул

рукой на здоровье. Загубим ведь человека. Фатеев уперся и ни в какую: дескать, в группе электриков не хватает людей, а в мехмастерской Золотухин по штату лишний... По-детски получается: злится на меня, особенно из-за факелов. И делает мелкие пакости. Знает, что ни у кого на него по-настоящему рука не поднимется. Как же — заслуженный нефтяник. Что ему какая-то шавка вроде Старцева...

— А ты поплачь,— посоветовал Станислав.— Платочек дать?

— Не перестаю удивляться! — не принял реплики Сергей.— Помните кампанию за ликвидацию мерников и трапов у каждой скважины и создание концентрированных групповых установок? Как он раскачивался! Ведь яснее ясного: огромная экономия оборудования, укрупнение звеньев добычи, централизация. Что побудило его сопротивляться? Приходишь к выводу, что привычка мыслить намертво определившимися категориями. В данном случае он рассуждал так: нефти до черта, план выполняется. Вот уж действительно: гром не грянет, мужик не перекрестится. Сейчас операторы чуть ли не молятся на эти групповые — сколько сил сберегаем!

— Косятся на тебя подземники?

— Мягко сказано. Недавно такой лай подняли прямо на автобусной остановке. Что самое скверное — идет это недовольство с головы — мастеров. В одном из возражений, правду говоря, есть зерно: с нашими снабженцами и вправду каши не сваришь. В остальном все заостряется на заработке. И ведь хорошо зарабатывают. И, знаешь, такой пошлый приемчик: ты, дескать, холостой, молодой, тыры-пы-

ры... зарабатываешь двести, а то и больше. Плюс квартальные премии, премии за классные места в соревновании. Ты, мол, тоже, когда поджигает, идешь с планом на липу, все вы одинаковы. Хороший начальник, дескать, и сам живет, и другим дает. Я расвирепел, прочитал им мораль, чего, конечно, делать не стоило. Стоят и в глаза ухмыляются. Плюнул и уехал... Ладно, кто куда, а я — спать.

Сергей не знал, куда его несли ноги. Послушно уходил назад отталкиваемый ногами асфальт. Тихо пели над головой провода. Подретушированные отблеском далекого факела кромки облаков то пунцовели, то снова покрывались сумрачным налетом. Май окончательно сбросил с себя неопределенность затянувшейся весны — раскидал по склонам Япрыктау плотные светло-зеленые облачка свежих крон, швырнул в небо беспечные редкие облака, ветер стал по-настоящему летним, созревшим. Сергей шел не торопясь, перебросив свою шведскую куртку через плечо и схватив свисающий сзади ее конец в горсть. Город остался далеко позади, огни его стали прощально мерцать, переходя в колеблющиеся ночные звезды.

Навстречу шла группа людей. «Вторая вахта кончилась,— машинально отметил Сергей.— Решили пешком пройтись».

— ...кем, спрашивает, работаешь? «Слесарем, слесарем-ремонтником». «А сколько получаешь?». «А это смотря какой грунт попадет». Смех. «А что, верная побасенка. У меня третий разряд, а траншей повыкопал, хоть дивизию ставь, на всех хватит». «Точно. Заставь

заводского работягу землю копать, попробуй. За дурачка примет». «Нефть, братцы. И кочегары мы, и плотники, Азаматова работники».

Все смеялись громко, не жалея глоток, по любому поводу. Операторы умеют ценить воздух, самый обычный свежий воздух без запаха газа сероводорода, и постоянная тема их разговора — рыбалка, охота. Почти каждый имеет мотоцикл или мопед. А еще любят идти они к автобусной остановке не торопясь, со вкусом. И если маршрутная машина или крытый газик — «собачий ящик» запаздывал, шли гурьбой по асфальту до следующей остановки ближе к городу. Кругом клевали хоботами станки-качалки на скважинах, неторопливо вытягивая из-под земли длинных червей — штанги.

...Тогда весь смысл собственного существования сводился к тому, чтобы понюхать кусочек породы — керн, пропитанный нефтью. Дорогое давнее, полузабытое и притягательное. Так бывает всегда, если настоящее состоит из одних нервов. Припоминается далекая дымная даль рыжих зауральских степей, которые он покинул перед армией. Память словно выхватила из ванночки с проявителем позитивы — так отчетливо увидел Сергей лица ребят из вышкомонтажной бригады. В девятнадцать лет, как правило, не существует нерешимых задач и мир приспособливается к твоему просветленному и самоуверенно-радостному «я». Одиннадцать лет прошло с тех пор, как последний раз надел он каску монтажника, и годы унесли счастливейшее ощущение полноты жизни. И так не хочется возвращаться в сегодня.

...Такого нокаута еще не было. Все прятали глаза. Даже Силантьев, прощаясь, пожал ему руку, глядя куда-то за его плечо. Андрей потоптался возле него, шумно вздохнул так, что разлетелись листочки протокола, и зашагал по коридору, возвышаясь над всеми. Азаматов так и остался сидеть за столом, яростно пытаясь построить какое-то сложное сооружение из карандашей. Станислав высматривал что-то в черном окне, поглаживая вихрастый затылок — дужки очков вызываяще торчали за ушами. Фатеев громко уговаривал заведующего соседним промыслом съездить порыбачить на речушку Дымку. Мастер-подземник Сбитяков со значительным выражением на лице слушал Жору Степаненко. И все прятали глаза. Только нескладный длиннорукий Тимофеев, несколько раз поймав взгляд Сергея, начал кружить по кабинету, натываясь на стулья и что-то шепча про себя. Азаматов швырнул карандаши на стол, один из них угодил прямо в настольную лампочку. Паф! — весело разлетелись осколки. «Не хнычь!» — бросил начальник управления, проходя мимо Сергея. Он сделал все, что мог. Станиславу же вежливо напомнили, что он имеет, так сказать, право совещательного голоса, несмотря на статьи, посвященные разбираемому вопросу. У журналиста побагровела щека, словно ему ответили полновесную оплеуху, он стал рисовать в блокноте чертиков.

Кто что говорил?

Андрей — очень туманно — о необходимости учета всех факторов; о технической стороне дела, и потом, чувствуя, что запутывается, сел на место, не договорив. Сбитяков горой

встал «в защиту рабочих» и долго бы еще распространялся на эту тему, если бы не убийственная реплика Азаматова: «А штанги-то были новые...» Определеннее других высказался Силантьев: «Предложение Старцева нужно серьезно обдумать. Но сейчас он напоминает командира, который нерасчетливо выскочил вперед и оторвался от наступающей цепи».

«Собственно, ничего страшного не произошло. Вспомни-ка выступление Азаматова».

«Правами, мне данными, я бы просто мог приказать осуществить то, что предлагает Старцев. Но будем уважать техсовет. Хочется подчеркнуть еще раз, что в главном Старцев прав. Нечего кивать на преждевременность. С каких это пор требование гарантии отличного качества стало сезонным явлением? Скажите прямо — не можем преодолеть в себе прилипчивой и унижительной болезни — инертности, перестраховки, рецидивов сверхосторожности. По всем признакам, надвигаются коренные изменения экономического порядка, и повышенная требовательность найдет в них свое место. Я говорю вполне официально, что разрешаю Сергею Ильичу в пределах одной бригады, которую мы ему подберем, испытывать гарантийный ремонт. Пока, конечно, без разработки соответствующей системы оплаты, как говорится, на сухую. Хватит человеку голову морочить, Старцев хочет только добра, не за свой карман бьется. А в общем, товарищи, вы потопили его инициативу. Как не стыдно присутствующим здесь инженерам, руководителям, коммунистам за свою близорукость, душевную лень? Не хочется возиться? Жизнь заставит!»

«Небрит я, оказывается?» — отметил Сергей, как будто это обстоятельство имело какое-нибудь значение.

«Может быть, ошибся я крупно в чем-то? Не рассчитал своих сил? Переоценил важность предложения? Ведь куда ни крути, средняя величина времени межремонтного периода по управлению составляет 206 суток. Нет! Это среднеарифметическое, противнее всего то, что будут смотреть как на побитого выскочку. И жалеть. А разве самому себе тебя не жалко? Нисколько? Врешь. Хочется все-таки поплакать на чьем-то уютном плече. Пожаловаться на людскую черствость. Необходимость попереживать и понесла тебя сюда, в поле, это ж так красиво — слияние с природой. Надо было пойти в кино. Или в ресторан. Техсовет — не диспут, а конкретное решение вопроса. Ах, ты рассчитывал встретить хотя бы понимание? Надеюсь, ты не ожидал восхищенного шепота? Ты встретил понимание — у Азаматова, Станислава, Тимофеева. У Силантьева, если на то пошло. У тебя много дел. Семьдесят человек под твоим началом. Почему бы не поговорить сообща, скажем, на том же постоянно действующем производственном собрании? А сегодняшней расширенный техсовет — еще не все. Обиделся на Андрея? Значит, не убедил. Иди-ка домой, нечего шляться по дороге».

Припоздавшее такси — повезло! — уставилось на него вытаращенными желтыми глазами. Уже в машине Сергею вспомнился старый анекдот, из которого вытекала мудрая житейская мораль: попал в нечистоты — так не чиркай. Он расхохотался.

Смертельно уставший шофер воззрился на него.

— Лето. Настоящее лето,— сказал Сергей.

Факелу не хотелось умирать. Он угрожающе ревел, но невидимая петля сдавила его раскаленную глотку. Мало-помалу отчаянные прыжки пламени становились все слабее, факел опадал, как опадает платье у танцовщицы во время резкой остановки в разгар пируэта. Джин, отплевываясь, втискивался в кувшин. Фантастическая пляска теней в лесу замирала, тускнела.

— Все! — крикнул Анатолий, плотно заворачивая штурвал задвижки.

— Конец дохлому котенку. Теперь конец,— констатировал Коля Калинин.

Любка плотно прижала к себе локоть Дины. Обе они стояли на земляном валу, стройные, притихшие от торжественности момента и чем-то неуловимо похожие друг на друга.

— Не верится даже, что мы это сделали. Да, Дина?

— Молодцы.

Лес молчал. Заплутавший ветерок качал вершины, ища выход. Все уселись на куске старого брезента, расстеленном неподалеку от факела.

— Шампанское где, Толя?— подала голос Люба.

— В принципе, здесь.— Анатолий оказался неожиданно рядом, словно отделился от глухой синеватой стены.— Только... два пузыря. Все равно, что слону таблетка аспирина. Ни-

чего. Девам... пардон, женщинам хватит. У нас свое...

Сафин поудобнее устраивался на брезенте.

— Вы что будете пить, тетя Настя?

— Шампанского уж, что ли. Чего ж отделяться от баб. На помин души факела. Придумали...

— Я за здоровье собственного костюма. С лавсаном. Будущего, конечно. А что? Товарищ Семин, одетый в попутный газ. С запахом,— балагурил Анатолий.

— Давайте за то, чтобы не горели больше такие драконы! — провозгласила Любка.

— Вечная память огню убиенному. Да не пребудут в юдоли скорби и печали враги его лютые — человеки. И даждь, и днесь, и присно, и вовек! — неожиданно провозгласил Генка.

Все расхохотались и выпили.

— Жаль, Сергея Ильича нет,— вздохнула Любка.— Некогда, говорит. Расширенный технический совет.

— Это точно, Любаша? — Дина отставила стакан с пронзительно холодным шампанским.— Ребята, у него сегодня важный день. Вот бы узнать.

— Телефон не работает,— развел руками Сафин и уколол ее:— Сама, Дина Михайловна, виновата. А что за важный день такой?

— Совет должен обсудить его статью в газете, так я поняла.— Все внимательно слушали ее, и Дина поняла, что грубоватый, вспыльчивый Сергей близок им по-настоящему и даже позавидовала ему: с таким острым интересом они расспрашивали ее. И на секунду кольнула мысль: даже здесь, на проводах

факела, я случайный человек. Любка позвала — и только.

— А если не поддержат?

— Ну, да. Азаматов в обиду не даст.

— Зато Фатеев.

— Нашему теляти да волка съесть.

Анатолий был настроен пессимистически.

— Наши шибко красивые слова о поддержке Сергея — что зайцу парафин. Просто надо завалиться к Старцеву домой, а то возмет да застрелится.

— Толя! — дернула его за рукав Любка.

— Поддержка?.. Это все словеса. Еще Декарт как-то...

— О-ох! — пронеслось над поляной.

— Неудобно, Геннадий. Уже половина двенадцатого. Родители спят уже, наверно.

— Нет их дома, Сергей Ильич. Уехали на свадьбу — двоюродный брат пригласил. Сестренка одна дома, да она... — он запнулся.

— Что?

— Так. В общем пошли. Вишневую настойку пьете?

...От этого вечера осталось щемящее чувство. Сергей долго не мог освободиться от ощущения вины перед Генкой. Вот ты какой, Генка-теоретик, оператор второго разряда! Эх, ты, Старцев, начальник передового участка. Ничего-то ты не понимаешь в людях!

...Генка безудержно болтал, сводя свою мысль к забавному и наивному философствованию, приводя неожиданные аналогии. Сокрушался, что его, Сергея, не было на проводах факела. Внезапно перешел на историю якутских алмазов, затем раскритиковал брать-

ев Стругацких. Слова непрерывным потоком срывались с его губ. «Что с ним?— удивился Сергей.— Надрался на проводах факела, что ли? Да нет, вроде, просто навеселе. Или он всегда такой, а я не замечал?»

Маленький, состоящий, казалось, наполовину из стекла, домик притаился в глубине тополиного сада. Уже взойдя на крыльцо, Геннадий обернулся к Старцеву:

— Вы только ничему не удивляйтесь, ладно? Чувствуйте себя, как дома. Входите, пожалуйста.— И распахнул дверь.

Войдя в комнату, залитую светом матовой лампочки, Сергей огляделся— и замер.

На него смотрела девушка-подросток. Он инстинктивно сделал шаг назад, но наткнулся на стоявшего за спиной Генку.

— Зд... здравствуйте...

— Здравствуйте. Меня зовут Ирой. А я вас знаю. Вы Сергей Ильич Старцев, Генкин начальник. Вы грек или цыган? Наверно, грек все-таки.— Девушка говорила звонким голосом, но он, казалось, принадлежал не ей, а кому-то другому, скрытому от глаз посторонних.

— Правильно, Ира, это он... Вот... пригласил в гости. У нас, кажется, есть вишневая настойка?— Генка говорил торопливо, проглатывая окончания слов.

— У нас и водка, по-моему, есть.

— А ты ужинала? Я приготовил утром гречку с тушенкой.

— Ела. Только ты молоко забыл купить. Пить очень хотелось. Ладно, ничего.

— Я сейчас принесу. Ты знаешь, мы сегодня проводили последние факелы. Вот Сергей

Ильич не мог прийти, жалко. Пили водку и шампанское прямо в лесу.

— Теперь совсем нет факелов?

— Все.

На протяжении коротенького диалога Сергей с изумлением рассматривал Ирину.

Обжигающая, редкая красота... Какие огромные, действительно в пол-лица, очи. Зеленые, с легкой синью вокруг зрачков. Черная опушка длинных и стремительно загнутых вверх ресниц, смыкающихся с концами таких же угольных бровей. Тонкий, абсолютно прямой нос, плавно переходящий в нежную ложбинку над верхней губой. Какой-то печальный рисунок рта — уголки губ чуть опущены, они придают лицу необыкновенно трогательную ясную скорбь. Светло-русые волосы, перехваченные на затылке, падают на плечо теплой, мягкой струей. Кожа белая-белая. Или это отсвет матовой лампочки? О черт!.. Она — инвалид! Только сейчас Сергей заметил выглядывающие из-за стола колеса домашней инвалидной коляски.

Он перевел дыхание и сел.

— Вы играете в карты, Сергей Ильич? — спросила Ирина, глядя на него зелеными своими очами. — Глупая, конечно, игра. Но пока Генка на стол соберет. Не возражаете?

— Нет, что вы. С удовольствием... — пробормотал Сергей. И снова вздрогнул, увидев ее руки.

Как-то, еще студентом, Сергей зашел в институтский кабинет гражданской обороны и увидел на стенде муляж кисти руки, пораженной ипритом. И хотя это была всего-навсего имитация, его поразила безвольность,

безжизненность суставов, покорность полусогнутых пальцев, смертельно белый налет на «коже» — такого цвета была рука Ирины.

— Проиграли! Еще разок?

— Кушать подано! — раздался Генкин голос.

— Я тоже хочу выпить! Сергей Ильич, ну скажите ему! Я немного!

Генка был молчалив. Вертел в руках рюмку, рассеянно ковырял вилкой в тарелке. Ирина пыталась растормошить его, на белых щеках ее проступил еле-еле заметный румянец — как последние краски заката.

— Генка, ну что ты молчишь? Перестань, пожалуйста, киснуть! Мужчина называется. Подумаешь — мореходка. Пойдешь в кораблестроительный.

— Ира! — предостерегающе поднял голову Генка.

— Ну, что — «Ира»?

Генка поднялся, лицо его пошло пятнами. Встревоженный встал и Сергей.

— А ты покажи Сергею Ильичу свой музей.

— Хотите посмотреть?

— Очень!

Ирина покатила впереди них, открыла дверь в небольшой зал, проехала дальше, к боковой двери, задрапированной тяжелой портьерой.

— Заходите. Осторожнее только. Тут, на полу, авианосец.

Сергею суждено было сегодня изумляться. В длинной узкой комнате — не повернуться. Вдоль стен и даже под потолком на шелковых шнурах — корабли, корабли.

— Послушай...— Сергей взял Генку под руку.— Ты говорил как-то, что у тебя другая планида. Сине-зеленая. Значит, море?

— Думал — море,— глухо ответил Генка.— Зрение. Не берут.

— Я ведь моряк. Пограничник. Ходил на сторожевике.

— Да?— Генка оживился.— Не на таком?

Сергей даже присвистнул. Абсолютная копия. Вот он, пулемет, неразлучный спутник трех лет.

— Сергей Ильич, посмотрите лучше сюда.— Ирина показала белой своей рукой на старинное парусное судно.

Каравелла, красавица южных морей. Вся в золоте, от клотика до киля. Крошечная фигурка Христа на верхней палубе. Белоснежные груди парусов, выгнутых специальными пластмассовыми пластинками, чтобы придать судну ощущение движения, полета.

Высокий, грациозный клипер.

Скромная, с серыми клиньями парусов, шхуна.

Катамаран с пробочным поплавком вместо балласта.

Хитроватый, как бы со вжавшимися в палубу надстройками, эскадренный миноносец.

Огромный, в два метра длиной, линкор «Марат».

— Здорово, Гена! И давно увлекаешься?

— Лет пять.

Они вышли на веранду. Генка осторожно подталкивал коляску с Ириной.

— Почему ты пошел на промысел?

— Я до сих пор сам себе удивляюсь, Сергей Ильич. Мне уже восемнадцать, а опреде-

литься все еще не могу. Почему, говорите? Сам не знаю. Романтику, наверно, искал. Нашел — ничего особенного. Гайки, прокладки, задвижки. Нынче совсем было решил «удалиться в сторону моря» — осечка. Зрение. Только и остается философской трепотней заниматься.

— От твоей «философской трепотни», Генка, у людей на душе легче, — тихо сказал Сергей и обнял его за плечи. — А все-таки, откуда у тебя... ну... эта склонность?

— Загадки тут никакой нет. У нас отец полковник в отставке, политработник. Книг по философии уйма. В восьмом, что ли, решил ей заняться — так, баловство. Ночами снились постулаты и субстанции. Отрыжка прошлого.

— Славный ты парень, Генка. Вы дружны, что ли, с Семиным?

— А мне Только нравится. Есть в нем что-то свое, — подала голос Ирина.

— Постольку-поскольку дружим. Не по душе его выверты. Я человек в общем-то покладистый, вот он и старается взять верхушку. Правда, Любка из него начинает, кажется, выгонять обезьяну.

Сергей от души расхохотался.

— Тебе не холодно, Ир? — Генка положил руки на плечи сестры.

— Холодно. Помогите мне лечь, пожалуйста. — В темноте мерцали ее глаза, обращенные к Сергею. Генка развернул коляску.

— Сергей Ильич... — Она придержала рукой колесо. — Приходите к нам еще раз. — Она запнулась. — Вы... вы знаете, вы красивый.

Если бы не ноги, я бы в вас влюбилась.— Она глотнула воздух и засмеялась.

Кровь бросилась Сергею в лицо.

— Спасибо...

Ирина приложила ладони к щекам... Сергей медленно сошел с крыльца.

— Не очень весело у нас, да?

— Что с ней?

— Паралич ног. Обычная вещь. Года четыре назад провалилась в прорубь и... Сколько ей лет, по-вашему? Не угадаете. Уже двадцать, старше меня. Я люблю ее очень. Не жалость, а просто, наверное, уважение и еще что-то. Она умняющая девка.

Он вдруг взглянул прямо в глаза Сергею.

— А вы ей понравились. Очень. Она ни на кого еще так не смотрела, честное слово.

Сергей растерянно смотрел на Генку. Тот не отвел глаз.

— Я пойду. С утра вахта. Сергей Ильич, как все-таки ваше дело? Техсовет?

— Не обидишься, если пока ничего не отвечу?

— Понимаю. Спокойной ночи.

— До свиданья. Да, чуть не забыл. Гена, помоги, пожалуйста, утром Хайруллину. На румынском станке-качалке ремни ослабли.

«А вот возьму и не пойду на работу. Ничего без меня не случится. Тимофеев справится. Не впервые».

«Прожектерство Старцева — иначе и не назвать — отразилось на выполнении плана, товарищи. По всем данным, участок явно не выполнит задания месяца. Придется перекрывать за счет других участков. Ослабла дис-

циплина. Был несчастный случай. Наш лучший старший оператор Сафин был замечен на вахте пьяным».

Ну, Фатеев, демагог чертов!

«Старцев страдает отсутствием целенаправленности в работе. Отвлёк целую бригаду на строительство газопровода более чем сомнительной ценности».

«Объективные условия бывают порой сильнее любого доброго начинания. Идея Старцева, если убрать с нее красивую обложку, по сути дела означает мелочную опеку, недоверие к рабочим. Другое дело — все оценить, взвесить, изучить. Всем вам известно, к чему ведет большой скачок, извините за такую... вульгарную, что ли, ссылку».

Вот тебе раз!

«Товарищи, надо пообъективней. Старцев — способный специалист и организатор. А некоторые высказывания насчет того, что инженер должен заниматься только техническими проблемами — все это старо. Жизнь подсказывает, что мы должны быть еще и экономистами. По всему видно, что на смену промысловой системе добычи придет другая, более совершенная. А что касается инженерной работы Старцева, то у него уже готов черновой вариант устройства для разобщения пластов. Но, главное — у нас не техсовет получается, а персональное дело Старцева. Поразительным свойством обладают некоторые — в удобный момент отмечать все достойное в человеке. Участок Старцева — самый большой в управлении, да и в стране. Чей участок меньше всего страдает в паводок? Его. Где лучше всего поставлена грозозащита? У него. У кого пере-

ходящее знамя Совета Министров? У него. Чей лучший участок по охране труда? Где лучшие рационализаторы? Молчите? Когда Старцеву объявили выговор за затяжку с монтажом станков-качалок, ко мне пришел бригадир слесарей и сказал, что виноват он: искал более выгодную работу. Это о чем-то говорит? Другое дело, что он порою не собран, груб, вспыльчив. Своеобразное недержание эмоций, но шельмовать его никому не позволено. Тут вот Фатеев говорил о вероятном невыполнении плана участком Старцева. Мне это очень не нравится, Алексей Петрович. Очень. Я специально займусь этим».

Почему при последних словах Азаматов так посмотрел на Фатеева? Неужели тот комбинировает что-то с учетом нефти? Ведь мой участок качает вместе с третьим в общий котел... А! Пусть сами разбираются. Сегодня у меня отпуск по семейным обстоятельствам. Потолкаю штангу, приму ванну и завалюсь читать. В конце концов, имею я право хоть один раз позволить себе взять отгул? Которое воскресенье подряд пропадаю на промысле...

Соседка заглянула в комнату.

— Накурили-то, Сергей Ильич! Хоть топор вешай!

— А?— Сергей с трудом оторвался от страницы, на которой элегантный господин душил героиню.— Что вы сказали?

— У меня пирожки спели, Сергей Ильич. Зашел бы, отведал.

— Не хочется, тетя Даша, спасибо.

— Чего ты не на работе? Или приболел?

— Ага. Ипохондрией.

— Не слыхивала про такую болезнь. Нервная, небось?

— Тут все — и нервы, и сердце.

— Спаси и помилуй тебя господь... Врача-то вызвал? А на вид здоровехонек.

— Не поможет тут ни один врач.

— Разыгрываешь меня, старую.— Соседка взглянула на него поверх очков. Сергей рассмеялся.

— Все хорошо, тетя Даш, отгул у меня.

— А-а. Так зайти, попробуй пирожки-то. На сливочном масле пекла. Федор Акимыч и чекушку припас.

Дверь закрылась. Сергей распахнул окно. Было в душе ощущение чего-то несделанного. Начал листать блокнот. Вот — инструктаж по эксплуатации румынских качалок ИР-12. Совсем вылетело из головы. И — охватила знобящая тревога. «Чего ты? Операторы опытные. ИР-12 по конструкции мало чем отличаются от наших СКН. Да и запускать без моего разрешения не должны. Успокойся. И езжай на работу. Сейчас же, не раскисай».— Он шархнулся от требовательно заверещавшего телефона.

— Сергей... Сергей, ты?.. У нас... Генку убило...

Сергей бежал по солнечной страшной улице, не видя никого. Едва не попал под машину и тупо смотрел на милиционера, отчитывавшего его. Он остановил немыслимо набитый людьми рейсовый автобус «Шкода». Пассажиры даже не загалдели, как обычно: они увидели его лицо.

— Да, я подписал приказ. А ты считаешь себя невиновным? Сгубил человека. Расслабился, обиделся. Кисейная барышня! У тебя не только триста скважин, а люди. Люди! И за каждого ты в ответе. Абсолютно никакой роли не играет то, что новые качалки похожи на старые. Ты был обязан — понимаешь? — обязан провести инструктаж, и только потом посылать Фролова на скважину. Эта твоя работа, Сергей, ты получаешь за нее зарплату. Тем и сложна наша работа, что мы должны успевать делать все, что практически вроде бы и невозможно. Иначе грош нам цена... Будешь мастером бригады подземного ремонта. Даю тебе старшего оператора Каюмова. Я с ним долго толковал. Он мужик хоть и с перцем, но дело знает. Шлепнулся, друг, с высоты, будь любезен устоять на ногах.

— Ясно.

— Вот и хорошо. Работай. Кое над чем подумай. В частности, о том, что ты живешь среди людей. Да, у следователя был?

— Был.

— Ну, и что?

— А чего там расследовать, дело-то ясное.

Танзиля плакала беззвучно, плотно сжав свои пухлые губы и вцепившись в решетку могильной ограды, не сводя взгляда с горящей под солнцем, поникшей хромированной ветки на памятнике Генке. А Любку, уже наплакавшуюся вдоволь, поразил этот мучительный плач подруги, которая в тягостные дни прощания и похорон не проронила ни слезинки... Уже в автобусе, по пути домой, она

сказала об этом Танзиле. Та прерывисто вздохнула:

— У нас, татар-башкир, жестокий обычай — не реветь, не причитать на похоронах. Все в себе носишь... Ой, Генка! — и опять залилась слезами, упав головой на грудь подруги.

— Будем знакомы. Капитан-инженер Виктор Фролов, брат Генки.

— Старцев... Я вас на похоронах не видел что-то.

— Засел в Иркутске, погода не пустила.

— На Дальнем служите?

— Сахалин. Расскажите, пожалуйста, все.

— Я попросил Геннадия помочь поправить клиновой ремень на шкиве нового румынского станка-качалки. А оператор, его напарник, без предупреждения включил рубильник. Гена, по всей вероятности, не успел отстраниться...

— Значит, виноват напарник?

— Я тоже. Не провел инструктаж.

— Так... Но Генка-то наверняка знал правила эксплуатации?

— Конечно. Румынские станки очень похожи на наши, отечественные. Но я должен был провести инструктаж.

— Выходит, Генка и сам виноват.

— В какой-то степени да. Но на работе всякое может случиться. Это ж пара пустяков — поправить ремень. Он формально вообще не имел права касаться этой скважины. Я попросил его помочь. Вы ведь никогда не допустите солдата к новому оборудованию без соответствующей подготовки.

— Конечно. Но Генки — нет.

— Трудно сознавать это, понимаю. И вообще я многое начинаю понимать только теперь.

— Бывает... И еще вот что... Сергей, кажется? Тебя непременно хочет видеть моя сестренка.

— Ты представляешь, капитан, в каком положении я окажусь, если приду к вам?

— Меня зовут Виктором. А голову себе не ломай зря. Батя и мама люди неглупые, они, кстати, тебя тоже хотят видеть. Приходи, хоть сегодня приходи.

— Хорошо. Буду обязательно.

— Я рада, что вы пришли, Сергей Ильич.

— Спасибо... Зовите меня, Ирина, по имени.

— Хорошо. Буду звать вас по имени.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего... Только уснуть не могу. Даже люминал не помогает.

— Вам не стоит принимать много люминала.

— Страшно было. Ко мне подходят папа, мама, Витька. И казалось, что все происходит во сне. Спрашиваю потом, действительно ли подходили. Пугаются, чудачки... Как вам понравился мой... старший брат?

— Мы, правда, очень мало говорили. Видно, что серьезен.

— Он чудесный парень. Талантливый. Готовится в академию. Ему только двадцать четыре, а он уже капитан. Ракетчик.

— Сергей!

— Да.

— Вам очень тяжело, наверно?

— Веселого мало...

— Я, между прочим, заметила еще тогда... ну, когда Генка жив был... что вы расстроены чем-то.

— Обычные заботы, ничего серьезного.

— И похудели очень. Сознайтесь, вы, конечно, приняли меня за немного сумасшедшую? Помните, я ляпнула?

— Вы, должно быть, очень искренняя.

— Знаете, я чуточку спекульнула тогда. Подумала: пусть. Что взять с инвалида? А вы вправду не обиделись?

— Нисколько. И потом, какой же мужчина обижается на комплимент?

— Это был не комплимент, Сергей Ильич...

— Что вы сказали?

— Если б вы знали, как мне хочется ходить! Я никогда не была нытиком, но как хочется ходить! Ощущать асфальт, битый кирпич, натекаться на стекло. Ведь мне уже двадцать, а ничего еще не сделано. Я привыкла сдерживаться. Я ведь так и не заплакала, когда узнала о ... Генке. Я молчала. Мама уговаривала поплакать. Я бы разревелась сегодня, если б вы не пришли. Не знаю, почему. Видите, что я вам говорю.

— Ирина, милая!..

— Мы, наверно, долго не увидимся, Сергей. Я уезжаю на юг до поздней осени, очередная попытка. Можно вас спросить об одной вещи?

— Спрашивайте.

— Вам... вы любите?

— А отвечать очень нужно?

— Я поняла. Она хорошая?

— Она чужая жена. Иногда кажется, все еще люблю ее. А может, ошибаюсь.

— Разве в этом можно ошибаться?

— Не знаю, Ирина...

— ...Я так давно не была в лесу, на реке. Уже целый год. Все время болею. Книги, магнитофон, телевизор.

— Хотите, я повезу вас в лес?

— В... лес?

— У моего друга есть «Москвич». А коляску... коляску перевезем. Хотите?

— Очень!.. Хотя... нет, Сергей, не надо. Не стоит.

— Почему?

— Мне потом тяжело будет вспоминать эту поездку с вами. Лучше не надо. Подарите мне что-нибудь на память. Ваш значок хотя бы. Вот этот, НТО И... поцелуйте, как тогда.

Старший оператор подземной бригады Фуат Каюмов наконец уразумел, чего добивается этот шальной мастер. Папироса перелетела из левого угла рта в правый. Кепка — дыбом, широкое лицо в испарине.

— Да ты как бык, Сергей Ильич. В ворота не пускают — так плетень долой?

— У тебя, Фуат, уже был разговор с Азаматовым. И сейчас он от своих слов не откажется. На зароботке вашем не отразится, не волнуйся. Попробуем. Что от нас требуется — это работа без огрехов, понял? Кабель подзрение вызывает — долой его, тащи новый, а тот — ремонтникам. Штанга изношенная — требуй новую, их у нас до черта. Я разузнал, привезли штанги с пластинчатыми скребками. Скоро их много будет. Словом, все надо де-

лать на совесть. Контролировать буду жестко, понял меня? Постараемся перекрыть заводской гарантийный срок. Не давайте спуску электрикам, погружной группе. Возьмем самую норовистую скважину. Надо же доказать, черт возьми! Всей бригадой доказать, что умеем работать. Пора избавиться от оплеух, что на каждом собрании хватаем.

Десять пальцев сплелись накрепко.

— Ну и жарища! — Сергей разделся по пояс и, помахивая рубашкой, направился к «Москвичу». Андрей сел за руль.

— Заскочим на базу, суточные рапорта заберу.

В раскаленном воздухе крепко пахло нефтью, над резервуарами клубились горячие волны — словно бесплотные духи затеяли свалку, и сквозь них уродливо преломлялось все: горные склоны, деревья, вышки. Над рыжей тубетейкой Япрыктау в беззаботно сияющем небе вставал тяжелый, сизый, с оборванными бахромами, занавес — сюда шла гроза.

— Ничего себе циклончик! — Сергей, придерживая падающие на лоб волосы, тихонько свистнул. — Сейчас будет... шабаш ведьм. — Он натянул влажную от пота рубашку. — Ты езжай, Андрюха. Я тут задержусь. Посмотрю, что получится из этого кордебалета.

— Опасаешься? — Андрей внимательно взглянул на тучу и перевел взгляд на Сергея.

— Раз на раз не приходится. В прошлом году так долбануло трансформатор — за десять километров видно было. Гроза нешуточная. Гляди, что на небе делается!

— А то, может, поедем? Дежурные же тут есть. Проскочим до дождя.

— Чудак, рабочий-то день кончился. В случае чего каждый человек... Ого!

Молния, похожая на замысловатую речную дельту, хлестнула горизонт. Вторая, третья, четвертая. Все ближе, ослепительней.

— Гаубицы в ход пошли...— Сергей съехался и заткнул уши от одуряющего грохота.

— Айда в диспетчерскую!

Дина повернула к ним встревоженное лицо. За грохотом ее не было слышно. После очередного трескучего раската она схватила трубку.

— Что? Не слы... Девяностая групповая!?

Она вскочила со стула. Лицо неотличимо от стены — белое, будто осыпанное пудрой.

...На сумасшедшем повороте Сергея чуть не выбросило из машины: дверь сорвалась с замка. Андрей своей лапищей успел схватить друга за плечо.

— Вон туда, левее. Видишь — дым? Эх, дьявол, пламя-то!

На трапах и мерниках, будто прижимаясь друг к другу перед прыжком, скакали лоскуты пламени, и по земле стелился, прибиваемый дождем, жирный дым.

— Андрюха... задвижки перекрой! — Сергей понесся к пылающему мернику. Схватился за поручень и отпрянул. Оскалив зубы, цепляясь за перильца локтями, взобрался на площадку. Огненный шарф лизнул лицо. И вдруг что-то едва не сбило его с ног. Перед ним грязный до неузнаваемости, в дымящейся рубашке, с обгоревшими волосами, приплясывал Анатолий, курткой сбивая огонь.

Сергей схватил его за плечи:

— Где кошма? Кошму надо. Закроем пасть мернику — задохнется!

Глухой взрыв заставил их присесть. Сергей похолодел: «Сейчас из нас окорок... Все!» И тут увидел свернутую в рулон кошму. Кашляя и плача от гари, уклоняясь от пламени, они развернули кошму, накрыли огнедышащий зев мерника.

— Андрею помощи! Задвижки... Я тут один... справлюсь!..

Анатолий кубарем скатился вниз и, отчаянно матерясь, начал заворачивать тугие штурвалы задвижек, обматывая их курткой. Со страхом увидел, что Андрей действовал голыми руками. «Пропали лапы!» — ахнул Анатолий и на миг оцепенел: к горячей будке был прислонен пропановый баллон для газорезки. — «Раздолбан, сволочи... Ноги сварщику повыдергать, нашел где оставить...» Андрей успел броситься к будке раньше его, схватил баллон, выронил и пинками начал откатывать в сторону. Нырнул в полыхающую будку, выскочил с огнетушителем в руках — и тут же упал, начал кататься по земле — на спине вспыхнула рубашка. Анатолий рванул рукоятку огнетушителя — пенный фонтан едва не угодил в лицо...

Гроза стихала.

Дина увидела их троих издалека. Андрей с перекошенным лицом, огромный, черный, стоял, протянув вперед руки, а два оборванца бинтовали их. Они обернулись — Дина узнала Сергея и Анатолия.

Дина заплакала. А Андрей осторожно гладил своими белыми лапами ее плечи и бормотал что-то успокаивающее.

— Прелюбопытнейшая штука, Сергей Ильич, а? Как в кино.

— Рубашку вот жалко.

— Красиво бы мы летели под облака, не будь кошмы. Кандидаты в бифштексы. Аж не верится.

— Черт, привык к этой рубашке, три года таскал. Может, заштопают. Да нет, выкрасить и...

— Хорошо хоть, что скважину вовремя отключили. Нефть — пустое. Газ — чудище обло, стозевно, не зевай.

— Как я по городу-то пойду?

— Вот дал Осташков! Голыми руками за задвижки. И не пикнул, когда перевязывали. Хорошо — аптечка нашлась.

— Дай хоть куртку, Толя.

— Берите, берите. Завтра корреспондентов набегит, я уж знаю. Помните, я в прошлом году в апреле по шейку в воде работал, когда плашки менял? Прихожу на участок, а перед этим чуть ли не бутылку водки выел. А корреспондент тут как тут. И вообще потеха была: в газете на первой странице моя витрина, а в «Скребке» на промысле — карикатура. В один и тот же день.

— Пойдем умоемся. А то собаки шараться будут.

— Везет мне. То с пьяной скотиной схватился, то в огонь полез. Прямо подхожу под рубрику «Встречи с интересными людьми».

— Представляю, как тебе было больно. С ума сошел — голыми руками!

— Припекало уж очень. А куртку стаскивать некогда. Страх как не люблю возиться с пуговицами. Взял да зашил рукава. Надеваю — ничего, рука сама проскальзывает, как рыба в вентерь. Назад же — никак. Вроде как мартышек ловят на кокосовые орехи. Изругаюсь весь — а все по-старому остается. Пришлось голыми руками поработать.

— У самого слезы на глазах, а он улыбается. Слон ты и есть слон!..

— Придется поваляться. Всю ладонь заново отращивать. Ничего, лишь бы большой палец отошел скорей, писать и чертить можно будет. Дина!

— Да.

— Посиди подольше. Я ведь тебя сто лет не видал. Глупо все... Ты посидишь? Через полчаса еще только перевязка. Я уже один, без тебя, не могу.

— Я не уйду, Андрейка. Не волнуйся. Буду сидеть, пока не выгонят.

— Я так рад, между прочим. Ты даже не представляешь. Ты похудела и загорела. Ходишь на пляж? Тебе идет загар. Я еще не купался в этом году. Много работы... Первое мая вспоминаю. Знаешь, чем я занимался? Перечитывал твои письма. Их всего семь за столько лет... Я их знаю наизусть. Хочешь, прочту любое? Нет, не буду. Потом начал рисовать тебя. По памяти. Никогда даже не пытался пробовать рисовать, а тут получилось, честное слово. Резкими штрихами, по-чертежному. Он у меня на стене висит, рисунок. Да, я получил квартиру, слышала? На Первое мая

хотелось напиться. Не получилось. Не могу пить один, Сергей тоже не может, хотя ему иногда хочется. У телевизора. Он не может забыть Риммку. Я ее хорошо помню — маленькая, кусачая. И добрая, пожалуй. Слишком. А Серега забыть ее не может. Она замужем, ребенок. А Сереге сейчас трудно. Он пытается пробить головой бронированную дверь. Ничего, что я так много говорю?

— Что ты!

— Сергей болезненно честен, но никудышный тактик. Время лобовых атак прошло. Мы еще не привыкли к пронзительной правде. А Серега спешит...

— Ведь кто-то должен быть первым, Андрейка.

— О чем это я? Да!.. Слушай, Динка, оцени мое подвижничество, в конце концов. Я в полной памяти и здравом рассудке, говорю тебе: я люблю тебя. Так люблю, как любят в первый раз. Как раньше говорили — вот моя рука. Хочешь — бери ее, не хочешь — не надо. А вообще-то она надежная. Извини меня, я, кажется, злоупотребляю своим положением больного. Я же слон, неделикатный.

— Андрей, что я тебе хочу сказать. Я дура бесконечная, наверно. Анализировала, вспоминала, взвешивала. Станислав правду сказал: несет меня куда-то и не хочется браться за весла. Довела себя до такого состояния, что сама себя не понимаю. Хожу на работу, преподаю, читаю — как будто все за меня делает мое второе «я». Живет во мне что-то мертвое, ленивое. Я ведь не часто вспоминала тебя, честное слово. А увидела вчера твои слезы, улыбку — как будто тормоз какой-то во

мне отпустили. Все ушло, остались твои руки. Дура! Нагородила сомнений, выдумала второго, неизвестного Витальку. Ведь может в жизни случиться так, что после Витальки быть твоей — лучшая участь?.. Ведь может, правда?

— Осташков, на перевязку!

— Я подожду тебя, не волнуйся.

* * *

Все тарашили на Анатолия глаза: таким неожиданным был его дурацкий пафос. А тот разливался соловьем:

— Самая настоящая стихия! Гул огня, черный зловещий дым. От грохота хочется зарыться в землю, не видеть ничего. Но я представил себе на миг, что случится, если огонь охватит групповую установку. Я преодолел секундную слабость, обозвал себя трусом и бросился в пламя. Я должен был спасти установку во что бы то ни стало. Передо мной промелькнула вся моя жизнь...

Молодой паренек с блокнотом на коленях, сотрудник городской редакции, прервал его:

— Слушай, а брюки у тебя потом были... это самое... сухие?

Грянул хохот. Сергей, вытирая выступившие слезы, тронул корреспондента за руку:

— Дурачится...— И подробно рассказал, как обстояло дело. Прощаясь, корреспондент обернулся к ухмыляющемуся Анатолию:

— У тебя богатое воображение. Писать не пробовал?

— Только любовные послания,— серьезно ответил тот.

— Пойдем в летнее кафе, Надя?

— В «Ладу»? С удовольствием. Название — прелесть, правда?

— Совершенно гениальное, — согласился Сергей.

— Пойдем быстрее! — Она схватила его за руку и потащила по крутой каменистой аллее парка вниз. Убыстряя шаг, он пошел, посмеиваясь над собой: ни дать ни взять влюбленная пара. Он посмотрел на ее легкие незагорелые ноги в туфлях с высокими каблучками без задника, тонкую длинную спину, угадывавшуюся под свободного покроя блузкой, смеющееся лицо, волосы, в которых неуловимо чередовались блеск и тени и которые так похожи на Риммины.

«Какая муха меня укусила? Черт понес вчера к кинотеатру! Вроде бы, вышел из возраста, когда можно шляться по улицам и заводить знакомства с девчонками».

В кафе почти не проникало солнце. Нет, оно прорывалось через лиственный разброс кленов, припавших к окнам, и яркие пятна разбежались по всему залу, взбегая на столы, инкрустированную никелем стойку бара, раскачивались на висячих голубых плафонах.

Сергей нахохлился и закурил. Пока Надя водила по узкой страничке меню, он автоматически отметил, что ей не идет перламутровая помада. Она должна быть ярче, отчетливей подчеркивать линию губ, от этого они только выиграют. И зачем она так загнула ресницы? И неаккуратно — некоторые участки так остались прямыми, как пики. А вот глаза — несоразмерно маленькие на таком лице. К удлинённому овалу подошли бы боль-

шие, от самых висков до переносицы. Однажды в областном художественном салоне он видел портрет женщины в черном. Огромные глаза на фоне тревожно-чистых березовых стволов. Кажется, репродукция с врубелевской картины. У Нади глаза круглые. Правда, плечи великолепные. И опять-таки в них нет теплоты. У той же Дины — расцветшие, гордые, как бы ожидающие сильных рук. Эти же просто красивы. Грудь, правда, ничего. В общем, все в норме. Не вылезает из стандартных параметров, из общепринятых контурных измерений, которые он видел однажды в американском «Плейбое».

Он изучал ее как схему, в которой не должно быть ничего лишнего. И вспомнилась Римма. А за этим воспоминанием маячило зыбкое прекрасное лицо Ирины. Он вздохнул.

— Что пить будем, Надя?

— Лимонад... Или пиво?

— Такие, как... Ну, ладно: шампанского или сухого. Согласна?

— Хорошо, — кивнула Надя. А на закуску — что-нибудь легкое. Салат, например.

— И конфет.

Глупое положение! Случайное знакомство, ни к чему не обязывающие отношения. Вчера он увидел ее у кинотеатра, вспомнил точеные плавные руки над столом, ставящие чай, быстрый взгляд — секретарь Азаматова Надя. Подошел к ней, начал нести несусветную чушь, удивляясь собственной болтливости. Бродили по одноэтажным переулкам, по детским площадкам в глухих зеленых дворах. Поцелуй, гибкое нервное тело в руках. Тетя Даша выронила вязанье, увидев, что сосед пропускает в

свою комнату девицу, которая при виде ее скромно опустила глаза.

— Как же ты перед матерью отчитаешься?— спросил он Надю утром, когда она причесывалась перед зеркалом.

— У подружки ночевала, и все,— беззаботно отмахнулась она.— Не маленькая.

— Угу... Не маленькая,— сказал Сергей, вспомнив ее бестрепетный взгляд, когда он накануне запер на ключ дверь комнаты и подошел к ней.— Конечно...

— Шампанское — прелесть. Попробуй, Сережа!

Что толкнуло его на эту связь? Объяснить внятно он этого не мог. Вероятнее всего, не оставляющее в последнее время чувство беспокойного и тревожного одиночества, когда хочется бежать без оглядки, стряхнув с себя груз утомительной повседневности. И вот — Надя. Ее неутомительная ласковость, ее голос — по-особенному нежный и протяжный, когда она произносит: «Сережа...», ненавязчивость заставили его забыться на короткие ночные часы. А теперь, кажется, наступает похмелье.

— Ты слышишь? Пей, а то выдохнется.

— Это донское игристое.

Ее нога мягко прижалась к ноге Сергея. Он убрал свою. «Скот ты все-таки. Вчера она тебе казалась чудом. Ты даже умилялся тому, как она неловко пьет вино. Сажал на подоконник, чтобы полюбоваться профилем».

Он начинал злиться — на беспечную Надю, на официанток, гремевших подносами, на себя.

— Сережа, о чем ты думаешь?

— Не обращай внимания. Ты, наверно, проголодалась?

«Никого не хочется видеть. Уехать, что ли? Тем более, что предлагают в Урай начальником цеха капитального ремонта скважин. Что я здесь высижу? Что докажу? Что хочу честно выполнять свои обязанности?.. Выходит, совесть имеет еще и подразделы? В одном случае сделка с ней называется подлостью, в другом — «учетом объективных условий?» Дожить до тридцати лет и запутаться в моральных критериях. Заставить людей работать на совесть — значит не верить им? Какая чушь? Вера вере рознь. Я всегда уверен в профессиональной пригодности своих ребят. А вот Генка погиб. «Доверяй, да проверяй» — золотое правило, но как легко его, оказывается, испохабить демагогией!»

— Сережа, сегодня концерт во Дворце. Приезжает Ренский с ансамблем. Пойдем?

— Хорошо.

— Мне уже скучно.

— Сейчас пойдем. — Ему вдруг захотелось обыкновенной холодной воды. Он сходил на кухню, принес.

«Постой. Но ведь в остальном я был прав. Никогда не покрывал, не гладил по головке разгильдяев. Не добавлял из «загашника» нефть, чтобы вытянуть план. Не юлил, когда били за упущения. Мало того, отказался от премии, когда Фатеев сумел втереть очки трудовикам и «перевыполнить» квартальное задание. Пошел с ним на крупный скандал, когда в обход профсоюза тот хотел дать квартиру геологу, холостяку — и квартиру отдали многосемейному оператору. Андрей что-то говорил

об умении ладить с людьми и вообще, добавил шутя, начальству виднее. Взять смерть Генки. Рассуждая строго, он виноват сам: не имел право лезть в качалку без инструктажа. Но его, Сергея, сняли. Трагический случай послужил дополнительным аргументом в пользу мнения о нем, Сергее, как о человеке, мешающем спокойно и привычно работать».

Чья-то рука легла ему на плечо.

— Сережа!

Дина в легком сарафане с открытыми плечами стояла возле него. Сергей обрадовался.

— Присаживайся, Диночка. Вот, решили посидеть немного с Надей.

Молниеносные оценивающие взгляды. В доли секунды обе успели отметить достоинства и недостатки друг друга. Надя стала чуточку надменной, самолюбиво повела плечом. Дина с едва заметной улыбкой повернулась к Сергею, покойно легли на стол ее, успевшие загореть до шоколадного цвета, руки. Одна ревниво косила взглядом, другая держалась с достоинством женщины, не желающей казаться иной, чем она есть на самом деле.

Сергей посмеивался, низко опустив голову.

— Я зашла пообедать. Вижу—вы сидите...

Официантка перестала, наконец, грохотать подносами и ушла на кухню. Стало до легкого звона в ушах тихо.

— Настоящее лето.— Дина повернулась к Наде.— Вы уже купались?

— Нет,— лаконично ответила та, не отрывая губ от бокала.

— Сережа, у меня к тебе деловое предложение. Я хотела в этом году ехать отдыхать в Болгарию, на Солнечный берег. В сентябре.

Но, понимаешь, брат приезжает в гости, как раз в это время. Поезжай, что тебе стоит? Я предлагала ребятам из управления. Охотников что-то нет. Все как с ума посходили — Кавказ да Крым. Если деньги нужны, то я...

Сергей с любопытством взглянул на нее.

— Самое странное в том, что я только вчера думал об этом, Дин. Тем более, что один раз там довелось уже побывать. Понравилось здорово.

Сергея всегда раздражали вопросы типа «А любите ли вы свою профессию?» Или еще глупее: «Какое моральное удовлетворение она вам приносит?»...

Но сегодня, после встречи с Диной в кафе, он почему-то задумался над тем, действительно ли он любит свою профессию?..

Его «первая любовь» вспыхнула в нескольких необычных обстоятельствах. И предложение Дины насчет Болгарии живо все воскресило в памяти.

...Полтора года назад он с группой молодых инженеров-нефтяников выехал на отдых в Болгарию. Все это произошло неожиданно и кстати — Сергей издавна питал такую заочную симпатию к Болгарии... Поездка по стране уже близилась к концу. Позади уже были и Солнечный берег, знаменитый Несебыр, Бургас, Плевен, София...

Однажды их автобус остановился у маленького ресторанчика на берегу искусственного озера. И вдруг Сергей увидел на том берегу знакомый силуэт буровой вышки.

Он побежал к ажурному силуэту буровой — все равно завтрак задерживался. Скорее всего, не умещалось в сознании: заграница —

и знакомая до мелочей установка турбинного бурения. Та самая, с которой началась его дорога к нефти. Болгары, обнаженные по пояс, колдовали возле ротора. Лязг инструмента, хриплый стон лебедки, звонкие стальные параллели тросов, подрагивающая палубной дрожью площадка настила. Опытный глаз Сергея заметил неуловимый для других разлад в работе. Чуть опаздывает помбур, коренастый парень с выпяченной челюстью, не вовремя подает очередную «свечу» верховой, у пожилого мрачноватого бурильщика за тормозом, кажется, далеко не идеальная интуиция—вон как неосторожно стыкует колонну, так и резьбу недолго сорвать. Болгары, все четверо, разом обернулись к нему и дружно заулыбались. Сергей, помахав в ответ, погладил раскаленную солнцем ткань, служившую защитой от непогоды: «Системы Инсарова...» и невольно улыбнулся, вспомнив тургеневского Инсарова. Любопытное совпадение... И обрадовался, будто поздоровался с давно отсутствовавшим приятелем. Мрачноватый бурильщик, обнажив все тридцать два великолепных зуба, подозвал его к себе. «Откуда, братушка?» «Урал. Нефтяник». «О, я бывал у вас. Практика. Азаматов — там?» Сергей дотронулся до потного коричневого плеча бурильщика: «Конец крючка длинный очень. Обрезать надо»,— и жестами начал объяснять, показывая на крючок, которым помбур оттягивал конец трубы на настил. Бурильщик покачал головой и что-то крикнул рабочему. «Слишком мелкий шурф. Поэтому квадрат высоко торчит над землей. Неудобно. Понял?» Тот так же часто покачал головой, не сводя глаз с бурильного инстру-

мента. «Как нефтепроявление?» «Нямам. Пока нет». Слегка обескураженный решительностью, с которой болгарин отмел все его советы, Сергей вытащил сигарету, намереваясь угостить бурильщика, но тот запротестовал: «Пушенето забранено. Не можно. Газ»,— и изобразил округлыми движениями руки нечто вроде облака. И добавил: «Опасно». Сергею почудилась легкая усмешка: вот так нефтяник, простых истин не знает. Смутившись окончательно, Сергей прощально помахал рукой, сошел по наклонному настилу. У ресторанчика сипло надрывался автобус, дозываясь пропавшего пассажира. Войдя в салон, Сергей расхохотался, вспомнив, что у болгар кивок означает отрицание, а отрицательное движение головы — знак согласия.

...Что ж, честно ответить на дурацкий вопрос о своей работе?

Да, люблю. И никуда не деться от этих крутых увалов, утыканных вышками, от запаха сероводорода, привычных тропинок к участку, от ежедневной ругачки. От рыжей Любки, баламута Анатолия, молчаливого Тимофеева, мудрого Сафина. Никуда!..

Тот памятный весенний вечер, когда он очищал брюки и плащ в ванной на квартире у Старцева, Анатолию почему-то запомнился надолго, хотя ничего особенного не произошло. Просто разговаривали, отхлебывая крепчайший чай, и было удивительно тихо в комнате. Лишь невразумительно пел в углу приемник. Тогда-то и спросил Сергей — серьезно, как-то жестко, когда он, Семин, возьмется за ум.

— Это в каком смысле?— обиделся Анатолий, хотя примерно и догадывался, о чем пойдет речь.

— Да хоть бы в смысле драк. Ты ж попросту в хулигана превращаешься. Не выношу шпану, подлая, копеечная публика. А тебя с ними видели.

Анатолий помрачнел.

— А-а!.. Больше наговаривают, Сергей Ильич. Да и не отпетые они вовсе. Так, пижонят.

— Я сам терпеть не могу маменькиных сынков. Это хорошо, что ты себя в обиду не даешь. Но, знаешь, какой-то умный человек сказал, что не бывает добродетели, которая при известных обстоятельствах не становилась бы пороком. Чуешь?

— Все правильно, только без причины я не дерусь.

— А позавчера — чуть ли не с кулаками на Сбитякова?

— Что вы на самом деле! — вспыхнул Анатолий и сделал движение, будто хотел встать. — Причину не знаете, а говорите.

— Ладно, не кипятись. Пей чай. А что за причина?

— Это мое дело,— буркнул Анатолий. — Из-за некоторых клеветнических измышлений, как в газетах пишут. Пришлось продемонстрировать... как это... свой военный потенциал.

— Как хочешь. Раз нельзя говорить...

— А я вот скажу! — вдруг заволновался Анатолий, нервно подергивая замок тренировочного костюма Сергея, в который он облачился. — Он при ребятах на вас стал бочки

катить. Мол, карьерист и выскочка ваш Старцев...

Он замолчал. Обоим стало неловко. Молчание затягивалось. Чтобы как-то разрядить неловкость, Сергей спросил:

— Слушай, как ты умудряешься в институте заниматься и с оркестром возиться?

Анатолий пожал плечами:

— Приходится выкручиваться. В институте — во вторник, четверг и субботу. Остальные дни — репетиция. И, потом, у меня второй трубач опытный, часто вместо меня проводит репетиции. А вообще-то, откровенно говоря, подзапустил я институтские дела. Пятую скорость включать надо.

— Пьешь? — в упор спросил Сергей.

— Ну да! — ухмыльнулся Анатолий. — Люба вето наложила. Да и самому надоело. И вообще, я кое-что начал понимать по-другому, Сергей Ильич...

— Парни, парни, стоп!. В огороде колесо, где моя фуражка. Женька, ты озверел? Всю дорогу из квадрата вылезает. Витька, возьми мягкую щетку, здесь ритм должен быть скользящим. А вот в финале, когда пойдем на коду — такая бешеная, взрывчатая дробь. Сто раз объяснял. Раз, два, три, четыре. И!..

Блеснуло серебро труб, тромбона, саксофонов. Ударник замер с воинственно растопырившимися щетками в руках.

Любка выглядывала из-за портьеры: не любила, когда весь оркестр, многозначительно улыбаясь, тарашил на нее глаза. Да и Анатолия не хотелось отвлекать. Увидев ее, он

обычно быстренько прогонял репертуар или поручал вести репетицию второму трубачу, а сам, перепрыгнув оркестровую яму, подбегал к ней и настойчиво тянул на улицу, несмотря на ее слабые протесты.

Оркестр звучал мощно, страстно. Звуки словно равнялись друг на друга, соревнуясь в чистоте и выразительности. Радовались звонкогорлые трубы, сипловато поддакивали похожие на королевских кобр саксофоны, застенчиво вступали флейты и самоуверенно ухал тромбон. Анатолий, шевеля губами, бродил по авансцене, дирижируя сжатой в кулак рукой, и, уловив фальшь, круто, на одних носках, поворачивался к оркестру. В последнее время он был очень занят — готовился к выездному концерту по областному телевидению.

— Ну, и последнее, — донесся до Любки его голос. — «Майская сюита».

Любка ощутила легкий холодок в груди. Анатолий приготовился солировать.

Он нагнул голову, облизнул пересохшие губы, провел ими по металлическому мундштуку. Пальцы неуловимо прошли по клавишам. Сверкающее жерло трубы описало полукруг — и родился торжествующе-счастливый звук, от которого дрогнули хрустальные подвески огромной люстры. Анатолий играл, по привычке закрыв глаза. Звук летел словно по осязаемой дуге, замыкая круг — поющее солнце. И сразу же, как всплеск протуберанцев — отточенное кружево импровизации. Вот уже полнится, растет, расцветает мелодия, рождая бесчисленные трели. Тонкий прощальный звук — зеленый луч, сулящий увидевшему его удачу...

...Анатолий смотрел на нее так, что Любка притихла. А он осторожно взял ее лицо в ладони, провел горячими пальцами по бровям, задерживая их на губах. Что-то непривычно-трепетное и нежное было в его прикосновениях, так не похож он на себя. Вот его пальцы вынимают шпильки и приколки из тугого узла волос, и они, отливающие червонной медью, мягким обвалом рушатся на спину.

— Что, что, Толенька?

— Ничего. Мне просто исполнилось сегодня двадцать два. И ближе тебя, роднее тебя нет никого на свете.

Он целует ее глаза, висок, маленькие теплые уши, Любка чувствует грудью его колотящееся сердце... На улице — никого, только цокают шаги одинокой пары.

С чего это началось?

Он как-то проснулся рано утром и не мог понять, почему так неуютно на душе. Такое ощущение было тогда, когда он, опоздав с вахты на автобус, стоял на остановке глухой ночью, ожидая случайную машину, а кругом — тишина, лишь ветер толкается со всех сторон, словно пробуя его на устойчивость. Это не было страхом — смешно чего-либо бояться в поле. Просто хотелось, чтобы кто-то стоял рядом, курил, кашлял, ежился от ветра. Подобное настроение бывало и после очередного «номера» на работе. Наказание его не беспокоило, раздражала необходимость выслушивать чьи-то нотации. Неуютно становилось и после сожалеющих и насмешливых взглядов Любки. И уж совсем не хотелось жить на свете после утомительных сентенций дяди, с

упорством брюзги повторявшего одну и ту же фразу: «Я в твои годы...»

Но эта тоска, пришедшая к нему вместе со сном и не исчезнувшая по сей день, не давала ему покоя.

Одеваясь, чтобы ехать на вахту, он вдруг вспомнил. Вспомнил отчетливо, резко.

Он нес кусок линолеума, на нем жарко дышала сваренная картошка. Уже третий день он носил бригаде вареный картофель. А делалось все гениально просто: из трубы, выходившей со стены котельной, хлестал пар. Стоило закатить в нее несколько клубней — и через десять минут их можно было вынимать распаренные, призывно распахнувшие свои мундиры.

Он завернул за угол склада, споткнулся о скобу, чертыхнулся и... замер.

Сначала он не узнал человека. Но когда тот потрянул снежно-белой головой, сомнений не осталось: Сафин. Из медного двухдюймового патрубка бежала тугая водяная струя, и Сафин, голый по пояс, купался в ней, громко крякая и отфыркиваясь. Но не это поразило Анатолия. Рядом, ссутулившись, держала под мышкой его одежду Настя Пастухова, и слезы катились по ее обветренному лицу. Она не вытирала их, и они скатывались по подбородку, добирались до шеи...

— Хватит, Настя,— продолжая плескаться, уговаривал ее Сафин.— Ты, ей-богу, как ребенок. В госпитале не насмотрелась?

— Да что ж с тобой сделали, Галим!..— приговаривала Настя.— Господи, будь моя воля, я бы...

И тут Анатолий понял... У Сафина не было кожи. Было непонятное, страшное, с белорозовыми пятнами, потеками, углублениями, жгутами. Левое предплечье казалось необычно тонким. Так и есть — часть предплечья была вырвана. Анатолий попятился, выронил картофель и пошел, не разбирая дороги, оглушенный увиденным.

Вот почему Галим-ага никогда не раздевался в жару, не купался в озерце рядом с участком, сколько его ни уговаривали. Вот почему его ни разу не видели в общей душевой!

Сцена его купания стояла перед глазами: несколько дней он старался меньше попадаться ему на глаза — горькая тайна танкиста мучила его так, как если бы она была его собственной.

Однажды после получки расстроенный чем-то Анатолий забрел в пивной бар. В углу, как обычно, сгрудились фронтовики. Иногда он простаивал здесь по два-три часа, не в силах оторваться от рассказов — веселых и трагических, спокойных и возбужденных... И потому врезал по физиономии Ваське Торговецкому, который в буфете Дворца уговаривал выпить вахтера — инвалида войны, только что вышедшего из психиатрической больницы.

И, вообще, оркестранты заметили в нем перемену. Если он раньше мог вместе с ними весело-цинично оглядывать затянутых в соблазнительное трико девчонок из танцевального ансамбля, то сейчас просто не замечал их. Ребята ухмылялись — и это Толька, который не упускал возможности распустить руки. Однажды ударник Рафаэль сказал что-то насчет

коленок Любки, сидевшей в зале. Анатолий довел репетицию до конца и вполголоса, чтобы слышали ребята, чеканя каждое слово, проговорил: «Еще одно слово насчет Любки, Рафа, я тебе барабан на голову натяну. Понял?»

Рафа понял, но добавил, что он ничего такого не хотел сказать, а у Любки действительно шикарные коленки.

Да, Анатолий стал замечать многое: и нервную озабоченность Сергея, и постную физиономию Фатеева при встрече с бывшим начальником участка, и тоску, проглядывавшую в глазах Дины до пожара на групповой установке, и раздумчивую молчаливость тети Насти. Нет, не все просто на свете, нет! Так, наверно, бывает, когда упадешь в свежескошенную траву, вдохнешь сыроватый, бодрящий ее запах и вдруг увидишь перед глазами церковный купол колокольца, скромную шапочку горлицы, плоскую шляпу иван-чая...

Любка вдруг засмеялась.

— Что, рыжая?

— Ничего. Просто уж очень хочется жить! Анатолий обнял ее, ладонь скользнула на ее крепкую маленькую грудь. Любка замерла, напряглась, стала каменной. Потяжелели ее руки на его шее. Анатолий нашел ее губы.

Фатеев подписал приказ, распорядился вывесить немедленно. Позвонил в редакцию. Оттуда ему ответили, что корреспондент уже успел проинтервьюировать отважных смельчаков. Так и сказали — отважных смельчаков. С чувством легкой досады заведующий промыслом бросил трубку на рычаг. Ему всегда нравилось удивлять неожиданным сообщением

и созерцать произведенный эффект с видом человека, никакого отношения к сообщению не имеющего.

Фатеев отлично понимал, что могло бы произойти, если бы установка взлетела на воздух — рядом, к тому же, пруд-накопитель, полный нефти. Он бы мог распечь инженера-электрика за плохую грозозащиту — любой завпромыслом поступил бы именно так. Впрочем, Фатеев знал отлично, что фактор случайности в критические моменты играет роль палочки-выручалочки: на него можно свалить многое. И, потом, его самолюбию льстила мысль о том, что именно на его промысле люди проявили героизм. Да, героизм, хотя в силу своей обязанности могли бы сделать и другие. Не все — но кто-нибудь другой. Досадно немного, что героями оказались Старцев, хладнокровно, как он считал, уничтоженный им, и этот сопляк Семин, по которому давно плачет увольнение.

Он втайне рассчитывал, что отныне Сергей будет сторониться его. Во всяком случае, переступать порог кабинета только тогда, когда появится необходимость или он, Фатеев, вызовет его. Но Старцев пришел к нему буквально на следующий день после приказа о снятии его с должности начальника участка, буднично поздоровался и попросил подписать наряд на трубы. Казалось, он не чувствовал никакого унижения, не замечал соболезняющих взглядов ИТР. А когда в разговоре Фатеев старательно выделил обращенное к нему «товарищ мастер подземного ремонта», в темных глазах Старцева дрожала откровенная насмешка.

— Ты ж теперь непосредственно в бригаде. Гарантируй ремонт. Дерзай. Только спасибо скажем.

Фатеев ожидал вспышки, красных пятен на лице, грохота отодвигаемого стула. Ничего такого не случилось. Сергей весело взглянул на него.

— А мы уже экспериментируем. Разве вы не знаете? Было же решение техсовета. Или забыли?

Сергей ушел. Фатеев стал прохаживаться по кабинету. Как после такого... решение техсовета остается в силе? Что за чертовщина? Первым же желанием было вернуть его, потребовать объяснения. Но, поразмыслив, он махнул рукой: пусть его, хуже не будет. Все равно систему оплаты Старцев изменить не в силах. А так, глядишь, и пользу извлечем: увеличится, может быть, общий баланс межремонтного периода. Чем бы это дитя ни тешилось... Дитя ли? А вообще-то, главное в нефтедобыче — увеличение коэффициента нефтеотдачи скважин, и старцевскую возню с гарантией легко подвести под один из пунктов плана оргтехмероприятий по наращиванию добычи.

Дверь распахнулась, и в ее проеме возникла фигура Азаматова. И Фатеев вдруг подумал, что Азаматов не любит ездить в персональной «Волге» рядом с шофером — из-за дверцы торчал один лишь его нос. Сейчас, простоволосый, шуршащий бежевым плащом, начальник управления напоминал какого-нибудь заштатного кинооператора. Азама-

тов, усталый и хмурый, сел напротив Фатеева, отодвинул локтем кучу папок.

— Здоров, Алексей.

— Здравствуй, Закирыч.

Между ними давно установились прочные, обязывающие к откровенности отношения. За двадцать лет, постарев в бесконечных хлопотах, познав в избытке горечь потерь и счастье удач, они имели право говорить друг с другом без обиняков.

— Заскочил попутно. Был на водозаборе. Довели его до ручки. Воду — брать берем до тех пор, пока жареный петух в задницу не клюнул. — Он вытер платком вспотевшее смуглое лицо. — Попроси-ка принести что-нибудь из буфета. Освежающего. Можно пива.

Вскоре секретарь принесла две бутылки ледяного мартовского пива.

Жадно осушив одну, Азаматов поднялся.

— Уже?

Тот, подумав секунду, сел. Пальцы его привычно схватили торчавшие из эбонитового стаканчика карандаши. Фатеев насторожился: он слишком хорошо знал этот нервный жест.

— Что, Закирыч?

— Не нравишься ты мне, — отрезал Азаматов.

— Я не девка... — начал было с обидой Фатеев, но начальник управления перебил его:

— Помолчи-ка... Алексей, ты помнишь случай в сорок седьмом?

— Мало ли их было.

— Вспомни-ка. Взорвалась двухтысячная емкость, разнесло контору нефтебазы.

— Ну-ну.

— Помнишь, меня таскали в органы, почти под арест взяли — это уже второй раз было?

— К чему ты клонишь, не пойму?

— Да все к тому. Ты поехал к министру и заявил: если сажаете Азаматова, сажайте и меня... Знаешь ведь, как говорят пьяные: ты мне друг?

— Дальше.

— Мы с тобой далеко не молодые люди, чтобы дуться, разыгрывать такую, знаешь, ...оскорбленную невинность... Ага, вижу, начинаешь догадываться. Ты извини, но я перестаю тебя понимать. И уважать тоже.

— Вот как?

— Вот так! Присматриваюсь. Вроде бы ты не изменился. Рабочие на тебя не жалуются. Даже наоборот. Одному тёс для крыши помог достать, второго премировал из хитрых фондов за срочную ликвидацию аварии, третьего похвалил от души... Надо — ты ночуешь на скважине, знаю. Но в истории с Сергеем ты был мне просто противен. Что с тобой? Я никогда не замечал в тебе мелкой мстительности, желания свалить человека и еще ударить лежачего. На техсовете ты его просто обделал. Я не говорил тебе об этом долго, даже после гибели Фролова. А ведь когда убило его, ты прибежал ко мне, я глазам своим не поверил: ты радовался. Да, радовался, что Старцева снимут с работы. Ты знаешь, что за это не прощают. А как ты злорадствовал, когда сообщил, что его участок не выполняет план! Чему ты радовался? Нет, не тому, что умный начальник участка у тебя. Не тому, что человек душой за работу болеет,

что сволочей не выносит. Как это называется, Леша, пока еще испытанный мой друг Леша? А история с факелами? Повоевать решил? Да я б таких ребят с руками и ногами... Стыд — Силантьеву вмешаться пришлось. Я ведь тоже, откровенно говоря, сначала посматривал на их затею как на баловство. Потом понял, когда Старцев доказал. До-ка-зал! А тебе надо было поадминистрировать, кулаком погрохать. Иногда послать кой-кого к такой-то матери полезно, сам знаю... Но ведь... Захотел Старцеву и ребятам доказать, что твое слово еще что-то значит. Знают они это, не волнуйся. Сейчас ведь не сороковые годы, очнись ты, наконец. Прошло каких-нибудь семнадцать лет, а ты уже забыл Утлыкульскую магистраль? Забыл, как кровью харкал, хотя и начальником стройки был? И траншеи вместе со всеми копал. Крапиву варили в кожухах манометров — забыл? Эх, ты, седина в бороде, а ум — в задницу? Времена-то меняются, как ты не поймешь, Леша?

Азаматов снова отпил глоток светло-коричневого пива.

— Семина за непослушание по две смены заставляешь работать. Брось, Алексей. Не к лицу тебе. Тебя ж люди все-таки ценят. Ты член обкома, бюро горкома, заслуженный нефтяник. Не надо.

Он встал, застегнул пыльник.

— Старцев горяч. Так будь же ты капельку потерпеливей. У него тормозов нет иногда, но ведь ты-то через все это прошел... И вот еще что. Мне не нравится, что майский план бывший старцевский участок не выполнил. Совсем не нравится... Ну, пока.

Приземистый мотоцикл отшвыривал широкими колесами километры. Свистяще пел асфальт. Анатолий, чуть отвернув в сторону лицо и щуря слезящиеся глаза, прибавлял и прибавлял газу. Мотоцикл угрожающе повышал голос. Вот-вот выйдет из терпения, как беспрерывно терзаемый шпорами конь. Легкий, плавный, как бок глобуса, перевал — и несется к голубовато-серой черте горизонта сужающаяся, словно луч прожектора, асфальтовая дорога. Любка крепко держалась за плечи Анатолия, тугой воздух, за который, казалось, можно было ухватиться, вмиг разметал волосы.

— Толенька! — Любка пригнулась к самому уху Анатолия. — Не сходи с ума, разобьешься.

— Такого со мной еще не бывало!

Встречные машины проскакивали мимо со сдавленным ревом, дымя на подъемах. Их обогнала «Волга» — все пассажиры, как по команде, провожали глазами сумасшедшую пару, силившуюся их догнать. Белобрысый парень в синем джемпере весело скалил зубы, а девчонка за его спиной, распустив рыжее пламя волос по ветру, махала им рукой.

Анатолий свернул в лес. Любка соскочила с мотоцикла и запрыгала, разминая затекшие ноги. Села на пенек и начала с треском расчесывать спутанную свою гриву.

— Безжалостная ты! — покачал головой Анатолий. — Ведь они живые!

— Пустяки! — отмахнулась Любка. — И все из-за тебя. Давай я их вправду обрежу, Толя! Ведь лето же, такую тяжесть таскать.

Ну, погоди, затянет меня в насос! — пригрозила она.

— Ни в коем случае! Сбережем святыню нашу...

Анатолий положил голову на ее колени. Лицо его показалось Любке далеким и немного чужим. Он провел рукой по склоненному к нему лицу.

— Хорошо быть тунеядцем! Целый месяц сессия. Красотища! Постой, а ты почему не на работе?

— Так я ж во вторую.

— Поехали?

— Ага. Только осторожнее, прошу тебя. Я боюсь. Больше не поеду с тобой.

— Добро,— без всякого энтузиазма согласился Анатолий.— Только покатаемся немного по лесу.

Неуклюжий на вид мотоцикл легко петлял по тропинке. Анатолий не без изящества объезжал пни, деревья, неожиданно выскакивавшие на дорогу. Любка едва успевала отклоняться от ветвей.

— Самые грибные места! — прокричал Анатолий.

Сейчас будет поворот, и он докажет, что водитель из него действительно классный. Есть тут хитрое место. Тропка летит по самому краю обрыва, а внизу, метрах в десяти, река. Вплотную к тропке растет береза, склонившись, к тому же, в сторону реки. Весь эффект состоял в том, чтобы на бешеной скорости с креном проскочить между деревом и обрывом. Правда, легкое опасение вызывало то обстоятельство, что нынче он еще ни разу не был

здесь. Ничего, обойдется! Однажды, в прошлом году, Анатолий довел до нервной икоты покойного Генку — с тех пор тот ни за что не соглашался ездить с ним.

Вот оно! Заложив с настоящим шиком вираж, он вдоль берега помчался к приметному дереву. Теперь — спокойнее. Береза растет на глазах. Что-то вроде маловат проход! А, черт! Поздно!

— Толя! — не своим голосом крикнула Любка, больно стиснув ему плечи.

— Не шевелись! — гикнул Анатолий, сжался в комок и точно выверенным движением наклонил мотоцикл чуть вправо... и проскочил опасное место, врезался в смородиновый куст. Машина заглохла.

Анатолий был бледен. Он убрал с лица паутину и неуверенно улыбнулся. Руки дрожали. Любка смотрела вниз, в обрыв. Там, запутавшись в тальнике и остовах расщепленных позеленевших деревьев угрожающе билась черная река. Анатолий подошел к березе и похолодел: мысок между деревом и обрывом был всего двадцать-двадцать пять сантиметров — размыло. Повезло! Он привлек к себе притихшую Любку.

— Я осел. Кретин.— И был благодарен ей, когда она просто улыбнулась — слабо, рассеянно: до сих пор не могла прийти в себя.

Они снова выбрались на дорогу.

— Заедем на промысел, сдам экзаменационный вызов,— бросил Анатолий через плечо. Почувствовал, как Любка прижалась к нему.

В коридоре базы они остановились у доски приказов и объявлений.

— Гляди-ка, Толя.

ПРИКАЗ

по нефтепромыслу № 1 от 29 июня 1966 года.

21 июня с. г. в результате сильного грозового разряда загорелась групповая установка № 90. Опасность усугублялась тем, что рядом расположен пруд-накопитель. Первыми заметили пожар оператор первого участка СЕМИН А. В., мастер бригады подземного ремонта скважин СТАРЦЕВ С. И. и находившийся на территории промысла начальник технического отдела управления ОСТАШКОВ А. И. Рискуя жизнью, вышеназванные товарищи погасили огонь еще до прибытия пожарной команды.

Приказываю:

1. За проявленную самоотверженность и высокое чувство долга объявить т. т. Старцеву и Семину благодарность и выдать премию в размере месячного заработка каждому.

2. Ходатайствовать перед администрацией управления о поощрении нач. тех. отдела т. Осташкова.

С данным приказом ознакомить всех рабочих, мастеров и членов подготовительных бригад.

Заведующий промыслом А. Фатеев.

— Ах, как сладко сердцу моему! — дурашливо пропел Анатолий. Он почему-то не особенно удивился этому приказу. Оставил в отделе труда вызов на сессию и пошел к выходу. В это время из кабинета промкома выглянул мастер участка Тимофеев и поманил его пальцем.

— Что там еще? — буркнул Анатолий, направляясь к нему.

— Здоров, пожаротушитель, — протянул ему заскорузлую руку Тимофеев. — Садись. Не догадываешься?

— Чего тут не догадываться? — хмуро сказал Анатолий. — Взносы, небось? Сегодня я голый. Завтра же рассчитаюсь.

— Да я не про взносы.

— Опять накапал кто-то?

— Дурак ты, ваше благородие. Был я недавно на промкоме управления. Жилкомиссия заседала. Чуешь? — Тимофеев внушительно поднял указательный палец. — Жилкомиссия. Припомнили твой подвиг героический на пожаре. Ты что — и вправду «забыл об опасности», как в газетке пишут?

— Какой там «забыл!» — ухмыльнулся Анатолий. — Трясса, как овечий хвост. А потом понял, что если сбегу — не видать мне квартиры, как своих ушей! — дерзко заключил он.

— Нахал ты и трепач первостатейный, — покачал головой Тимофеев. — Так вот, постановили за твои выдающиеся заслуги поселить тебя с мастером Курочкиным в двухкомнатной квартире. Из фонда промкома решили

выделить. Учили, что ты и трубач знаменитый... Глядишь, скоро и орден дадут.

В голосе мастера звучало плохо скрытое недовольство — Семина он «не уважал».

— С меня причитается, дядя Ефим! — вскочил с места Анатолий.

— Иди, иди, не пью я. Старцеву спасибо скажешь.

— Можно выходить на работу, Настасья Павловна. Только непременно в теплой обуви. Берегите ноги. Еще один приступ — и может случиться осложнение на сердце. Да и сейчас мне не нравится ваше сердце. Вот еще что... Только боюсь, благим пожеланием и останется. У вас никудышная комната, сырость ужасная. Сколько лет вы здесь живете?

— С сорок седьмого.

— Кошмар. Нужно выбираться отсюда, слышите? Я понимаю, квартирная проблема... Но ведь вы-то имеете право. Столько лет на одном предприятии. Вы ведь одна?

— Одна.

— Обязательно хлопочите. Я приведу комиссию из санэпидстанции. Капля за каплей камень долбит. Неужели ни разу не предлагали?

— Предлагали, почему же. Отдала. Приехал молодой специалист, у него ребенок — рахитик. Давали квартиру, как же.

— Вот как... И все-таки просите. Имеете самое что ни на есть полное право. Чуть не забыла. Вам нужно достать где-то собачьи валенки. На худой конец — унты и перешить их. Знакомых летчиков нет?

- Нет, доктор, одни танкисты.
— Жаль. Я постараюсь кое-где разузнать.
Счастливого.
— До свиданья. Спасибо.

Расслабленное, бездумное состояние не покидало его уже несколько дней. Скорее всего, это была обычная усталость. Он постоянно как бы ощущал за своей спиной чей-то неотрывный, требовательный взгляд.

Сидя дома за чертежной доской, он вздрагивал как от внезапного укола, оборачивался. «Чего доброго, скоро галлюцинации начнутся».

И вдруг...

Озарение приходит сразу. Как удар тока.

Ирина!..

Сергей отшвырнул газету и вцепился в теплые планки скамьи.

Да, Ирина... Сергею стало немного страшно от безоглядного горячего молчаливого признания... Покачиваясь, как пьяный, он вышел на площадь, постоял в тени, мучительно пытаясь понять себя.

...Фролов-старший, в рубашке с закатанными рукавами, перепачканный землей,— возился на грядке — несколько растерянно смотрел на них, не замечая, что вода, бегущая из шланга, уже заполнила до краев огуречную лунку.

Ирина теребила пуговицу у горла, не в силах совладать с непослушными губами. Мучительно надломились брови, и где-то далеко, в прозрачной бирюзовой глубине глаз зрели слезы.

— Все будет как надо, Ира. Поверьте.

— Я ничего. Я... поеду.

Сергей ласково провел по ее холодной слабой руке.

— Ну что вы волнуетесь? И вообще — быстро, быстро. Без раздумий. Переодеваться не надо, у вас чудесное платье. Только на всякий случай какой-нибудь плащ...

— Пап!

Отец, как бы очнувшись, направился к ним, коротко и тревожно взглянул на Сергея.

— Папа, Сергей Ильич зовет на прогулку.

— Езжай, Ира.— И Сергею.— Не простудите ее. Тебе дать одеяло?

— Я уже захватил, не беспокойтесь.

— Да, он уже захватил,— как эхо, отозвалась Ирина.— Папа, перенеси меня.

— Разрешите мне?— Сергей судорожно глотнул воздух.— Я ж посильнее,— глуповато добавил он и уж совсем не к месту улыбнулся.

— Я, парень, в мои пятьдесят семь лет двоих, как ты, свяжу,— с усмешкой сказал отец.— Ладно, берись...

Как длинна дорога от крыльца к машине... Неужели это происходит наяву? На его шее тонкая, трепетная, готовая отдернуться с секунды на секунду девичья рука. Ветер ласкает лицо прядью Ирининых волос. Глаза ее полуприкрыты. Она совсем не дышит, сама легка, как дыхание. Идешь, словно с пустыми руками. Худые анемичные ноги безжизненно свисают с левой руки. Правая чувствует горячее и пугливое напряжение ее тонкой талии. Неровно, толчками, вздымается грудь под простеньким синим платьем.

Он привез Ирину на берег Черемсана, на излучину, где буйствовал непроходимый ивняк. Расстелил прямо на обрыве одеяло, пе-

ренес девушку. Сел рядом, обхватил колени руками.

Тишина. Дни, в которые Сергею удавалось вырваться сюда, всегда почему-то оказывались удачными. Солнце, дремотный говорок реки, поющий в вытянутых губах воздух. Сухие травинки под ладонями. Бесконечный покой, струящийся с ультрамаринового купола и облачных стад.

Ирина сидела неподвижно, только зрачки ее чуть прищуренных глаз уплывали вслед за дальним птичьим косяком.

— Нравится, Ира?

— Очень. И чуть-чуть тревожно почему-то.

— И мне тоже,— задумчиво произнес Сергей.— Когда кругом вот так... полыхает лето, приходят мысли о хрупкости этой красоты. И ждешь удара. Воздух как будто наэлектризован. Глупо, конечно, так напрягать нервы, но это, пожалуй, можно объяснить. Когда началась война, мне было шесть лет. Мы с отцом были на рыбалке. Помню — страшно голубое, без единого облачка небо. Лежим вот так же на одеяле. Отец курит. Читает газету. И тут я увидел много-много темных черточек у горизонта. Говорю: «Батя, смотри, птицы. А много как!» Приподнялся на локтях: «Самолеты. Опять маневры. Десант, наверно, будут выбрасывать». А через несколько минут началось. Как сейчас помню: самолеты переворачиваются вверх брюхом и по дуге падают к земле. Один, второй, третий. Грохот, свист. Я реву, ничего не понимаю. Вот так — черточки на голубом небе.

— Я немного боюсь жизни, Сергей Ильич. Не знаете — почему? Или я просто еще мало что видела? — Она кивнула на ноги. — Вот, наверно, в моем положении сам бог велел... заменять ее чем-то. Скажем, стихами. Люблю простые, без выкрутасов. Вам нравится, например, Солоухин?

— Я не большой знаток поэзии, Ира. Так, хрестоматийно, что ли. Мне проза его больше нравится. А стихи... Довелось как-то слышать. Раздражают чем-то.

— А вы послушайте:

Неужели не счастье — ходить по земле босиком,
Видеть белой ромашку,
А солнышко на небе красным,
И чтобы хлеб, а не писаный пряник,
Не заморским напитаться вином,
А коровьим парным молоком!

— Слушайте еще:

Я приставил к букету крапиву.
И — о чудо! Зеленая мощная сочность крапивы
Озарила цветы.
А ее грубоватая сила
Оттенила всю нежность соседки ее незабудки,
Показала всю слабость малиновой тихой гвоздички,
Подчеркнула всю тонкость
всю розовость раковой шейки.
Стебли ржи я срывал, чтоб торчали они из букета!
И татарник срывал, чтоб симметрию к черту
разрушить!
И былинник срывал, чтобы мощи косматой добавить.

— Скажете — плохо?

Сергей понимал ее состояние. Глубоко скрытая нервная жизнь девушки как бы находила выход в таких внешних проявлениях, ее мир рвался за пределы уготованных ей несчастьем

рамок. Ему показалось, что Ирина выражает высшую степень доверия, говоря стихами о наболевшем. Девушка не кокетничала болезнью, она говорила о ней спокойно и как-то буднично, так же открыто, как и жила — с распахнутыми настежь глазами.

— Я сейчас скажу очень затасканные слова, — глухо проговорил Сергей, накрывая ее пальцы своими. — У вас замечательные глаза, Ира. Вы в синем платье — они отдают синевой, вы одеваете свитер — они становятся серыми...

— Я не хочу этого слышать! — проговорила девушка, глядя на дальний речной поворот, добела раскаленный солнцем. — Вы же понимаете...

То, что случилось после ее слов, Сергей вспоминал потом со смешанным чувством радости и боли. Он спрятал ее нежное, без кровинки, лицо в своих больших загорелых ладонях и начал иступленно целовать ее испуганные глаза, дрожащие губы, слабо протестующие руки.

— Ты будешь ходить. Будешь! Землю взрою, лучшего врача найду! Ты будешь ходить!

Сначала бумажка была прочитана прямо в горсовете. Потом на крыльце. На середине площади. Маленькая бумажка, где значилось, что Анатолий Владимирович Семин является квартиросъемщиком. Как звучит это слово! Читаешь его по складам — и из него начисто выветривается весь канцелярский дух. Смакуешь его, как хорошую партитуру, наслаждаясь каждым тактом. Квар-ти-ро-съем-щик!

Несмотря на адскую жару, Анатолий битый час слонялся по раскаленному проспекту. Заглянул в библиотеку Дворца нефтяников к знакомым девчатам. Там он очень естественно уронил ордер на пол и насладился произведенным эффектом: те буквально стали вырывать его друг у друга, и Анатолий поспешно отобрал ордер. Уходя, он небрежно пригласил всех присутствующих на новоселье, хотя сам смутно представлял, сколько человек может вместить квартира-малометражка. Встретились знакомые ребята — а их у него было полгорода — гурьбой забрели в измученный зноем парк, посмотрели футбол. Анатолий как-то забыл о Любке. Вспомнив же, пытался оправдаться перед самим собой: где ее найдешь? Не бегать же по всему лесу. Не обидится.

Так, слегка осоловев от жары, пива и многословия, он очутился в подъезде заветного дома, который только что сдали. Дом был обычный: серая коробка с решетчатыми бровями балконов, плоской крышей, но до чего же приятно чувствовать себя причастным к будущей жизни в нем. Тем более, что отличная планировка, в комнаты разные входы. Он даже пытался проникнуть в квартиру, ковыряясь гвоздем в замке, но ничего из этой затеи не вышло.

И уже заранее начали роиться в голове заботы. Надо, прежде всего, помнить, что их будет двое. Куда поставить стационарный, с х о л о д и л ь н и к, магнитофон? Приемник? Пюпитр для нот? Ну, это не проблема. Второй жилец, Курочкин, вроде, ничего парень. А вдруг — зануда? И потом, как же с Любкой? **Ведь** — чего темнить — они вот-вот поженятся,

он уверен. Наверняка, Курочкин скоро супружницу привезет, она еще пока студентка. А вообще-то Курочкин ему нравится — смугляк, как и Старцев, кудрявый, усы а ля Рознер. И вообще, как соседи воспримут его музыкальные упражнения? Без них никак; а тут стены что картон.

«Нечего заранее пыль поднимать,— решил Анатолий.— Пойду-ка к Сергею Ильичу. Наверно, пришел уже с работы».

— Здоров. Проходи. Ну и жара — чуть не уснул за доской. Посиди немного, мне тут один узелок дочертить осталось.

С шумом выдохнув и бросив руки назад так, что под кожей прыгнули друг к другу лопатки, Сергей взялся за карандаш. И опять повернулся к Анатолию.

— Хочешь сосьвинскую селедочку? Ребята из Тюмени прислали. Кажется, муксун, еще остался, сейчас погляжу. А ты это что, как новенький пятак, сияешь? Да и глаза что-то подозрительно масляные.

— Сергей Ильич, ей-богу, случай исключительный!

— Ордер?— мгновенно догадался Сергей.

— Он самый...— невероятно довольный, Анатолий (в который уж раз!) вытащил из кармашка брюк ордер, потертый на сгибах.— Восторги без конца!

— Великое дело — собственная хата! — засмеялся Сергей.— Да, выпить не грех. Только нельзя сейчас, работка поджигает. Отложим до новоселья. Пригласишь?

— Издеваетесь, да?

«Сережа!

Как это пишется в подобных случаях, письмо мое тебя удивит. Будь я девчонкой, добавила бы: не воображай, пожалуйста, что я скучаю по тебе. Дело в том, что я зашла как-то сдавать документы на поездку в Болгарию в облпрофсоюз и на столе инструктора по иностранному туризму увидела список нашей группы, а в нем — твою фамилию. Не поверила сначала, но — названо ваше управление. Вот видишь, хочется тебе или нет, придется меня потерпеть. Могу добавить, что моего благоверного рядом не будет, уезжает путешествовать в Сибирь.

Я сижу сейчас в гримуборной. В артистическом буфете дым коромыслом. Побывала немного в компании и ушла.

Алик у бабушки, дома делать нечего. Между прочим, где-то бродит Стас Молчанов, который, оказывается, хорошо знает тебя. Я попыталась вытянуть что-нибудь о тебе, но он сразу же опьянел, понес ахиною о любви без взаимности и исчез — видать, спит где-то. Единственное, что я успела узнать, что тебе — «плохо».

Я, наверно, всего-навсего обыкновенная баба. Только не смейся. Могу же я повспоминать — безотносительно к чему-либо? И, потом, учти, что я немного пьяная, и потому некоторая размягченность прощительна. Помнишь мою фразу при последней нашей встрече: «Соберусь вот и приеду»? Мне тогда показалось, что скажи ты «да» — собралась бы и

приехала. С сыном в одной руке, с чемоданом — в другой, Но — увы! — будем честны перед самим собой: среда, как водится, затягивает. И сын здорово привязался к отцу — совершенно удивительно. Видишь, рецидивы моей взбалмошности остались. И все потому, что я очень любила тебя, Сережа. Нелегко, оказывается, жить с постоянной легкой ложью самой себе.

Слушай, я недавно столкнулась в студии с одним летчиком гражданской авиации. Он узнал меня. Не как актрису, конечно. Помнишь пятьдесят девятый год, старый аэродром? Мы встречали с тобой ЛИ-2? Перед самым приземлением он вдруг как-то просел вниз, и ты с силой пригнул меня, и мы упали лицами в пыльную полынь. А потом прибежал летчик и, ужасно матерясь, набросился на нас. Ты должен его помнить — высокий, беленький, как лен, татарин Фархад. Оказывается, этот летчик сумел пробиться в непогоду к геологам и вытащил их из какой-то неприятности. Его попросили выступить по телевидению.

И вообще тот далекий день был замечательный. Мы пошли с тобой в кафе-расторанчик. Ты был прямо-таки нежен и внимателен.

Иногда страшно хочется видеть тебя. Нет, я не жалею, не бешусь с жиру. Но все же, «что знаешь ты? Чего не знаешь ты? Нам вечно некогда, мы в жизни — дети прозы. Нам достаются, как всегда, шипы, но ведь кому-то достаются розы?»

Можешь поздравить: дебютировала в телевизионном спектакле. Играла Галину Петровну в «Законе моего сердца». И, говорят, даже

успешно. Видишь, я какая. Не читал отзывы в газетах?

Я часто пытаюсь представить тебя на работе. И примерно, в общих чертах, знаю, почему тебе «плохо». Наверно, снова что-нибудь с принципиальностью? Мне еще давно рассказывал Андрей Осташков — привет ему! — как ты поднял какую-то бузу, будучи на практике. Примерно то же, я угадала?

Помнишь мои слова о том, что я боялась тебя? Представляю, каково мне пришлось бы с тобой, с твоей неуступчивостью, с поистине цыганским упрямством, свойством лезть на рожон, когда его безболезненно можно обойти. Ну, конечно же, я мещанка, я знаю жизнь, умею лавировать. А что в этом плохого, если на то пошло? Просто это квалифицируется как разумный подход к жизненным обстоятельствам. Видишь, учу тебя жить.

Сережа, какой ты сейчас? Я однажды была на нефтепромысле, видела, как ремонтируют скважину (или буровую? Есть между ними разница?) Это что-то невообразимое! Грязища, запах газа. Хотя ведь ты — и-тэ-эр!

Зашла как-то на телестудию, в промышленную редакцию. Они готовят большую передачу про нефтяников, я буду ее вести. Я удивилась одному обстоятельству: судя по газетам и радио, твой участок самый напередовейший, а среди приглашенных на студию тебя нет. И подумалось мне, что это опять связано с тем, что тебе — «плохо».

Кончаю. Сюда валит, кажется, целая группа. Ты все-таки едешь в Болгарию? Тогда — до встречи.

Римма.

Не перечитываю, боюсь, глупостей намола».

— Сынок, ты же неглупый парень. Пойми, тут дело совести. Силой, конечно, никто не имеет права.

— Да ну!.. Галим-ага! Да понял все! Сейчас на психику давить начнете. Знал бы...

— И что сделал бы?

— Откуда я знаю?

— Толя, мы отлично тебя понимаем. Трудно расставаться с тем, что имеешь. Тем более, удача такая — Курочкин в Тюмень уезжает. Попробуем разменять, и вдруг повезет тебе — достанется комната? Честно говоря, я бы свою отдал, может быть, да телефон держит. На окраине нет кабеля, а мне без него, сам знаешь. Ночные вызовы и прочее.

— А по-другому нельзя?

— Давай будем выбивать Насте квартиру другими путями. А времени сколько пройдет? Народу в город нахлынуло, завод строить будут. Ты же молодой, аллах тебя заберет.

— Сырость для Насти — гиблое дело, Толя.

— Мне, значит, и сырость пойдет, да? А вдруг я, к примеру, женюсь?

— Ну и живите себе на здоровье. Комната у Насти большая, тебе ж не в футбол играть. Барак на пять хозяев всего. Любка уживчивая, сам знаешь.

— Не забывай, сынок, что она фронтовичка, что здоровье свое здесь доконала.

— Берите, берите. Не компостируйте мозги. Прорвемся. Только уж неожиданно очень. А Любка-то знает о вашем... заговоре послов? Чего сместесь?

— У Любки не голова, а... горсовет, понял? А тебе вот мое партийное слово: Настину комнату мы тебе так отделаем, что любо-дорого посмотреть будет. И, потом, не век же бараку стоять. Ну, два, три года от силы. Вон как город строится.

— Ладно, нечего мне сопли утирать. Не заплачу.

Силантьев, уперев кулаки в стол, в упор смотрел на Фатеева, стоявшего перед ним. Из дальнего угла кабинета наблюдал эту сцену Азаматов — нахохлившийся, сумрачный, с погасшей сигаретой в углу брезгливо сжатого рта.

— Не знаешь, почему я тебя пригласил, Алексей Петрович?

Голос секретаря звучал слишком ровно, и это не предвещало ничего хорошего. Фатеев пожал плечами, настороженно глядя на него.

— Не знаешь?— Силантьев, не отрывая от него глаз, нащупал на столе папку и вынул из нее листок бумаги с отпечатанными на машинке строчками:

— Твоя беллетристика?

— Не беллетристика, а...

— А помои на голову! — повысил голос Силантьев.— Сволочь человека выставлешь? И такой, с позволения сказать, документ ты посылаешь членам бюро? Шутить вздумал?— Секретарь почти кричал на побагровевшего Фатеева. Жилы на его шее стали рельефными, твердыми.— Человек выезжает за границу, а ты его как аттестуешь? «Неуживчив в коллективе, вспыльчив, излишнего самомнения, с демагогическими наклонностями»

ми». И тут же: «Коллектив промысла рекомендует Старцева для поездки в Народную Республику Болгарию». Это как понимать? Тебе здесь кто — дети?

Силантьев с грохотом задвинул ящик стола.

— Перестань донимать парня, Алексей.— Азаматов тяжело встал и подошел к столу.— Что ты кусаешь его, как дворняжка из подворотни? Приготовь-ка настоящую характеристику.

— Нет. Пусть напишут другие,— бросил секретарь.

— Докатился до пасквилей и еще заверяет их гербовой печатью. Стыдно!

Фатеев молча вышел. Азаматов, проводив его взглядом, мешая русские и башкирские слова, выругался.

Азаматов, проходя мимо технического отдела, приоткрыл дверь и кивнул Андрею:

— Зайди, Андрей Иванович.

Андрей, привыкший к тому, что Ахмет Закирович обычно вызывает через секретаря, немного удивился. Вопросительно взглянул на него и Жора Степаненко.

— На ковер, что ли? Из-за пятой кустовой?

— А мы тут причем?

Андрей причесался, поправил галстук и шагнул в коридор.

Азаматов стоял у окна, в пальцах дымила сигарета. Одутловатое лицо его было усталым и чуть брезгливым. Рядом с массивными рамами окна он, и без того низкорослый, казался совсем маленьким. Когда Осташков вошел в кабинет, Азаматов сел за свой стол, кивнул на кресло.

Андрей сел в уютное плюшевое кресло, прогнувшееся под тяжестью его тела почти до самого пола. Азаматов пододвинул к нему сигареты. Задал несколько обычных деловых вопросов, подписал документацию и, помолчав, вдруг спросил:

— Как ты относишься к Фатееву?

Андрей удивленно взглянул на него.

— К чему этот вопрос, Ахмет Закирович?

— Ты, Андрей Иванович, вопросом на вопрос не отвечай. Я по-дружески спрашиваю.

— Я, правда, его мало знаю. Но, мне кажется... устарел он.

— Как-как?

— Устарел, говорю. Вчерашний день за собой тащит. Зрение слабовато.

— Как это понять?

— Близорукость. Техническая, тактическая, что ли. Время галопом скачет, а он рысцой плетется.

Азаматов хмыкнул и ворчливо сказал:

— Пожалуй, ты прав.— И, помолчав, повторил:— Да, ты прав. Все дело в этом.— И без всякого перехода:

— Час назад я у Силантьева был.

— Ну, и что?— осторожно спросил Андрей.

— А то, что собачью характеристику написал Фатеев на твоего дружка Старцева. Тот в Болгарию, оказывается, собирается.

Оба помолчали.

— Ну, да дело не только в этом... Работаешь ты у нас немного времени, а я тобой доволен. И не только я.

— Спасибо,— улыбнулся Андрей.

— Ладно, мы не на юбилее. О диссертации не думаешь?

— Есть кое-какие соображения.

Андрей все еще не мог понять, к чему клонит Азаматов. Он прямо спросил об этом.

— Понимаешь... мне нравится ваша компания — Старцев, ты, Малышева. Думать умеете. Надо только расшевелить Дину Михайловну. Толковый инженер, а заперлась в своей раковине и выглядывает между створками. Я знаю, что вы с Сергеем дружки еще с институтских лет. Пойми меня правильно, я не хочу вмешиваться в ваши отношения. Но мне хотелось бы, чтоб вы и дальше дружили. По-настоящему, по-мужски.

— Да мы и так не разлей-вода.

— Я все-таки в лоб тебя спрошу: как ты относишься к идее Сергея насчет гарантийного ремонта? Только без уверток.

— Я не считаю это настолько серьезной проблемой, из-за которой стоило бы ломать копыя. Рано или поздно изживет себя. Мы с Сергеем не раз спорили.

— Значит, Платон мне друг...

— ...а истина дороже. Решение такой проблемы входит в компетенцию производственного отдела, экономистов, администрации. Не растрчивает ли себя Сергей попусту? А ведь умный инженер. Идеями набит всегда. Что, мало ему чисто административных хлопот? И, потом, здравый смысл...

— Ну, милый, если следовать здравому смыслу до конца, то на четвереньках ходить удобнее, логичнее — больше точек опоры...

— И, потом, Ахмет Закирович, я человек по характеру деловой, люблю конкретность. Осязаемость, что ли, во всем.

— Словом, прагматик.

— Называйте как хотите. А Серегина затея, знаете... Психологию людей не переделаешь за месяц. За всем не уследишь, это не завод.

Азаматов пристально взглянул на него — Андрей выдержал его колючий, чуть оценивающий взгляд.

— А все-таки Старцев прав. Нельзя укрываться от жизни за оградой из технических проблем. Ты читал в «Известиях» выступление главного инженера «Сосновскнефти»? Прочти, здорово перекликается с мыслями Старцева. Всегда нужны люди, делающие первый шаг. Согласен — Старцев горяч, путаник иногда, бьет наотмашь.

— Это-то я знаю...

— Тем более. Я повторяю, мы в преддверии больших перемен. Экономика, четкое планирование, техника настолько органично переплетутся между собой, что только успевай поворачиваться. А Старцев ищет. Видит завтрашний день. Мы неизбежно придем к технически и экономически четко обоснованному ремонту скважин. Пора кончать с анархией. И помогать Старцеву будем. Мы с тобой. Я вообще люблю ершистых и горячих. И сам не из покладистых башкир.

— Уж не думаете ли, что я ему палки в колеса буду ставить?

— Не думаю. Но тебе нужно быть чуть поменьше железобетонным. Не обижайся.

— Уж такой уродился.

— Подумай на досуге.

Дина опустила ноги на пол, открыла настенный шкаф, достала просторный узорчатый

халат. Набросила на голые плечи, забралась с ногами в кресло. Вздогнула: плоские бронзовые часы на стене начали бить шесть. В окне металось разлохмаченное со сна солнце, и застекленная часть двери отвечала ему сияньем. Дина зажмурила глаза.

Андрей лежал, повернув голову, выгоревшие волосы разбежались по подушке. Губы плотно сжаты, будто думает о чем-то напряженно, упорно. Две морщины на лбу загибаются к вискам. Одна рука огромная, с голубоватыми струнками жил откинута, другая заброшена за голову. Руки, которые недавно обнимали ее.

— Андрей... — тихо позвала она.

Он спал. Вздымалась широкая бугристая грудь, словно там, под кожей, змеились сплетенные друг с другом канаты. Кожа была белой, только слабый загар шеи острым треугольником впивался в майку. Дина все еще старалась осознать в полной мере, что это Осташков, белоголовый Андрей, чьи тревожные глаза во время проводов в армию помнятся до сих пор. Андрей, Андрюшка, Андрюха... Повторяя его имя, она старалась накрепко привязать его к своему сегодня, к утру, к комнате, в которой поселилось ее внезапное, как обвал, счастье.

Он пришел вчера поздно вечером, совершенно измотанный, горячий, пропахший нефтью, с устало обвисшими плечами. Целый день что-то не ладилось на экспериментальной автоматической установке по сбору нефти и газа. Остановился в проеме двери, тяжело шагнул в коридорчик. Приподнял ее за локти, держа на весу, сказал: «Я пришел, Дина. Я

совсем пришел. Уж очень хотелось видеть тебя. Бог с ней, автоматикой». У Дины вспыхнули щеки. Потом целый час они сидели за столом, не сводя друг с друга глаз. «Я пришел, Динка». «Ты хорошо сделал», — просто ответила она. Они болтали, смеялись, пили какое-то азербайджанское вино, стараясь чокнуться так, чтобы бокалы звенели торжественнее. Оба они словно хотели забыть о том, что этой ночью больше никто, уходя, не хлопнет дверью. Когда она проходила мимо, он обнял ее за талию и мягко, но решительно привлек к себе — в глазах его было отчаянное выражение. Он шептал ей невероятные глупости, гладил плечи, руки, грудь, будто убеждаясь, что это она, что она не исчезнет, как было не раз за последние годы. Поцелуи его были неумелы, как у мальчишки, и его растерянность, внезапно обрушившаяся нежность потрясли Дину...

Андрей пошевелился и затих, только откинутая рука некоторое время гладила подушку. Дина подошла к кровати, опустилась на колени, сложила на них руки и стала рассматривать Андрея.

«Я не загораю. Даже на практике в Мангышлаке ходил, как... младенец. Меня прозвали крупногабаритным альбиносом. Почему я не загораю, а?»

«Динка, у тебя глаза не карие и даже не орехового цвета. Они очень теплые. Ласкают. Даже когда ты злишься, они не бывают злыми. Я люблю смотреть, как ты удивляешься чему-либо: перелаывается бровь почти под прямым углом — немного смешно даже».

Теперь даже подумать дико, что ОН мог быть совсем другим. В свои двадцать восемь лет Дина почти не знала мужских объятий, если не считать тягостных отношений с одним пятикурсником из бауманского училища. Было в них что-то лихорадочное, надломленное. Была исступленная близость, но без ощущения этой высокой чистоты.

«Динка, я сделаю все, чтобы ты была счастливой. Я, к тому же, мастодонт, как Сергей зовет. На мои плечи можно взвалить впятеро больше нормы — выдержу».

«Сергей... Он как-то говорил, что человек, обманувший один раз, обманет снова, и еще подлее. Это вроде лечения алкоголизма сильнодействующими средствами: если снова запить, человек превращается в животное. Кого ты убеждаешь, Сережа? Я-то знаю, какими глазами ты смотришь на телевизор, когда на экране появляется эта самая артистка...» Дине почему-то казалось, что эта женщина с капризным рисунком рта не заслуживает переживаний Старцева. Казалось — и все.

«У нас будет сын. И назовем его Витальной. А если дочь — Диной. Не хочу, чтобы в роду Осташковых переводились эти имена».

Андрей внезапно открыл глаза.

— Я не спал,— сказал он хриловатым голосом.— Я все время наблюдал за тобой. О чем ты думала?

Сергей говорил долго и путано, боясь поднять глаза. Не то, чтобы он чувствовал большую вину перед Надей, но он не хотел видеть знакомого болезненного выражения на лице де-

вушки, появлявшегося в минуты, когда Сергей уходил в себя и не замечал ее.

— Можешь считать меня подлецом, соблазнителем и так далее. Но так честнее будет: ничего у нас с тобой не получится, Надя. Прости, если сможешь.— Он выпрямился, в упор взглянул на нее. Рука с сигаретой замерла у рта.

Надя смотрела на него на редкость спокойно и понимающе. И что-то похожее на нежность, на зрелую женскую снисходительность было в ее взгляде.

— Я знаю, Сережа... Не казись и не наговаривай на себя. Думаешь, я не понимала, что все это пройдет, разлетится, как,— она дунула на сжатые в щепотку пальцы.— Я видела, как ты мучаешься, психуешь, мечешься. И рада, что в эти дни с тобой рядом была... Конечно, ты прав. Если нет ответного... Гоняться за тобой я не собираюсь, не бойся, пожалуйста.— Губы ее дрогнули.— Мне с тобой все равно было хорошо...

Сергей напряженно смотрел на нее. Положил руку на сразу же отодвинувшееся плечо.

— Надюша...

— Все, Сережа.

— Послушай меня.

— А зачем слова-то? Ну, к чему?— У девушки задрожал подбородок.— Спасибо за честность, за то, что не вилеешь.

Сергей долго смотрел ей вслед и думал о том, что этот раунд выигран не им. Впрочем, просто ли раунд?

Может, нечто большее?

Настя всхлипывала. Никто еще, кроме Сафина и Анатолия, не видел ее слез. Фартук прижат к лицу. Густые волосы заколоты кое-как.

Анатолий с расстроенным лицом топтался возле нее, не решался дотронуться: он панически боялся женского плача, особенно после того, как услышал плач Генкиной матери. Правда, причина слез здесь была иная.

— Теть Насть, да хватает слез и так.

— Тетя Настя, миленькая, ну что вы. Перестаньте!

Сергей жался к окну и, не зная, куда девать руки, пощелкивал пальцами. Затем решительно подошел к Пастуховой и сел перед ней на стул.

— Поплакали? Ай, какие мы чувствительные! Может, бромчику, Настасья Павловна?

— Будет тебе, тетя Настя!— уговаривал Анатолий. Что вы за народ такой, женщины! С горя — в рев, с радости — в рев.

Настя встала, вытерла слезы, отвернувшись, поправляя волосы. И низко склонила голову:

— Спасибо вам, ребята. За сердце ваше. И не только в квартире тут дело, поверьте мне...

Анатолий почему-то шагнул в кухню. Открыл кран — бешеная струя воды взорвалась чашеобразным фонтаном.

Анатолий, Сергей и Люба расстались на площади — у каждого были свои дела.

Обстановка явно накаливалась. Анатолий — его на время перевели в бригаду Старцева взамен заболевшего рабочего — с любопытством наблюдал за происходящим.

— Нет,— отрезал Сергей.

— Надо,— изо всех сил пытаюсь придать голосу мягкость, настаивал Фатеев.

— Я сказал — нет.

— Я говорю — надо,— повторил Фатеев, и в голосе послышалось отдаленное звучание стали.

— Мои люди не полезут в амбар. Точка.

— Через двенадцать часов надо заполнить амбар нефтью. Хранилище переполнено. Можешь понять?

— Это не входит в обязанности подземников. Я бы согласился, вы знаете, если б не ваше упрямство.

— Нет, это ты упрямишься! — взорвался наконец Фатеев и встал в знакомую позу: голова вскинута, руки за спиной.— Убирайся к чертовой матери, если работать не хочешь!

— Перестаньте орать! — повысил голос и Сергей.— Ваше право подобрать других, но мои ребята не полезут. Давайте шланговые противогазы.

— Где я их возьму сию же минуту?— вскипел снова заведующий промыслом.— Рожу, что ли? Все же дырявые! Время дорого!

— У вас есть машина. Съездите на пятый промысел, там, я слышал, валяется десять комплектов новеньких противогазов. Полчаса всего потратите. Чем тары-бары разводить...

Группа людей — подземная бригада и Анатолий, случайно попавший сюда — стояла в сторонке, покуривала, поглядывая на Старцева и Фатеева отсутствующими глазами. Но каждый внимательно вслушивался в спор. Фатеев шагнул к ним.

— Полезайте, ребята. Сдельная же работа. Быстро управитесь — из директорского фонда может кое-что перепасть. Сверх оплаты за чистку. Деньги на дороге не валяются.

— Хватит!! — Сергей оборвал его, чувствуя, как в нем закипает неудержимый гнев. — У Мухаметшина слабое здоровье.

Фатеев отмахнулся:

— Не с тобой говорю!

— Вот что... Этот номер у вас не пройдет, Алексей Петрович. И, в конце концов, мы бригада подземного ремонта, а не чернорабочие. — Сергей уперся взглядом в недобро прищуренные глаза Фатеева. — Кончайте спекулировать. Вы не коммерсант, я не подрядчик. Давайте противогазы — будем работать.

— Та-ак! — Фатеев оглядел его с ног до головы, как всегда щеголеватого, выбритого до синевы, и снова обратился к рабочим:

— Может, я вас прошу работать на своем, личном огороде?

Мухаметшин, низкорослый, очень худой, перепробовавший все специальности в нефтедобыче, неуверенно подал голос:

— Так ведь... слазить-то можно, вообще...

И вдруг ленивый тенорок Анатолия:

— Да привезите вы противогазы, Алексей Петрович! Чего тут бодягу разводить? У меня старушка тетя, а если я копыта отброшу и привезут мой молодой красивый труп? Кто отвечать будет?

Фатеева душила злость. Он начал ломать за спиной пальцы, ногти больно царапали тыльную сторону ладони. Он понимал, что нужно во что бы то ни стало сдержаться, не сорваться до обыкновенной матерщины. Но,

встретившись с полунасмешливым взглядом этого сопляка Семина, он почувствовал, как от гнева начинает вздрагивать верхняя губа — таких вспышек подчиненные боялись.

— Это еще что такое?— Фатеев напрочь оторвал пуговицу форменного френча.— Эт-то как называется, Старцев? За кого вы меня принимаете, мастер? Мы что, на званом ужине, уговариваем друг друга откусывать? Чтобы через шесть часов — слышали?— амбар был чист от парафина! А приказ будет завтра же. Выполнять!

Сергей довольно-таки равнодушно, во всяком случае, внешне, выслушал гневную тираду заведующего. Но при слове «выполнять», которое почти истерически выкрикнул Фатеев, он швырнул в яму для окурков коробку спичек. Лицо Сергея сразу же заострилось, он слегка втянул голову в плечи, будто готовясь к незапланированному прыжку. Стало даже трудно дышать — настолько в этот момент он ненавидел Фатеева: его френч, его вздернутую грудь, благородную седину на висках.

— Перестаньте орать, Алексей Петрович!— Сквозь стиснутые зубы слова выцеживались еле-еле.— Можете отстранить меня от работы, но без противогазов в амбар не полезем, не положено даже по инструкции. Или хотите повторения прошлогодней истории?

Упоминание о прошлогодней истории отрезвило Фатеева. Еще по сей день не снят выговор. Один из слесарей полез в плохо пропаренную газолиновую емкость, потерял сознание и две недели провалялся в больнице. Вышел оттуда неузнаваемым — будто дочерна

высушило его солнце, глаза утонули под коричневыми веками.

Фатеев отлично знал, что не имеет права заставлять лезть в амбар без противогазов. Во всех случаях действовал безошибочный «интерес» — сдельная оплата. И рабочие, махнув рукой на загазованность, шли на подобную работу — получался солидный приварок к получке. К тому же в противогазах работать было крайне неудобно. Фатеев не мог не понимать всю правоту Сергея, но желание сломить его волю даже в малом заставляло его упорствовать. Но сейчас перегибать палку не стоило.

— Хорошо! — сказал он, остывая. — Противогазы я привезу. Но вам, Старцев, за развал дисциплины...

Он не договорил, сел в машину, и «газик», чертом вертась между резервуарами, вылетел на асфальт.

— Наше дело правое. Мы победили, — пропел Анатолий.

— Помолчи-ка, Толя, — вяло отмахнулся Сергей. Тот обиделся:

— А мне начхать. Хочу — лезу, хочу — пляшу. Демократия — мать порядка...

Анатолию действительно было все равно. Ему не раз приходилось чистить резервуары без противогаза. Но он чувствовал, что этот случай выходит далеко за рамки обычной «административной» стычки. И решил взять сторону Сергея: не быть же штрейкбрехером, в конце концов.

— Маскарадный костюм типа «страшный сон», — балагурил Анатолий, рассматривая

пучеглазую, жуткую на вид маску противогАЗа.— Вот бы на танцах в нем появиться. Сергей Ильич, почему эта харя смахивает — знаете на кого? — на Геббельса?

Сергей, не отвечая, натянул скользкий, как жабья кожа, списанный противорадиационный костюм (подарок какого-то штаба гражданской обороны), напялил на голову сочащийся сыростью противогаз с длинным гофрированным шлангом, выводившимся наружу, на свежий воздух, и нырнул в квадратную пасть амбара. За ним потянулись остальные.

Пять часов, изредка вылезая на перекур, ковырял Сергей пузырящийся черный парафин совковой лопатой, наполняя бак, который потом вытаскивали наверх. Духота была ужасающей. Несколько раз срывал Сергей с размягченного влагой лица противную слизистую оболочку маски, хватал оскаленным ртом застойный коварно-успокоительный воздух, пропитанный нефтяным газом. В квадрате люка уже пунцовело небо, разграфленное лезвиями далеких облаков, а Сергей все вгонял и вгонял пудовую лопату в беззвучно чавкающий парафин.

Наконец бригада в изнеможении упала на холодные податливые лопухи. Все молчали, изучая на небе запутанную звездную морзянку.

Бригада Сергея не была обязана чистить амбар — только добровольно. И ему, бригадиру, не обязательно было лезть туда. Но иначе поступить он не мог,

— До встречи, Сергей. Вы ведь тоже скоро уезжаете.

— Да, документы уже отправлены. Пора оформлять отпуск.

— Едем с вами к одному и тому же морю. Только берега у нас разные.

— Берега у моря одни. Мне пора идти, Ира. У меня сегодня очень важный день. Я желаю тебе... Ну, ты знаешь. Напиши, ладно?

— А куда?

— Сюда, до востребования. Я же вернусь раньше тебя.

— Хорошо. А что за событие у тебя сегодня?

— Я напишу. Я вообще должен решить еще один важный вопрос. Нужно время... Спасибо тебе, Ира.

— Мне? За что?

— Не знаю. Может быть, за радость. Давно у меня ее не было.

— Мне кажется, что должно что-то случиться. Неожданное, счастливое. У тебя нет этого предчувствия?

— Я ничего пока еще не знаю, Ира. Ничего. До встречи, маленькая. И пиши обязательно.

— До встречи, Сергей.

У Азаматова было тяжело на сердце... Он раздраженно отчитал за что-то Андрея, пришедшего к нему с планом оргтехмероприятий. Осташков встал и с удивлением взглянул на него с высоты своего огромного роста. Дверь за ним тихонько закрылась. Азаматов, вспом-

нив о чем-то, хотел нажать на кнопку селекторной связи, но раздумал. Перешел в уютное кресло и углубился в последние приказы нефтяного объединения. Голова казалась тяжелой — в последнее время курить стал нещадно.

Ветер чуть колыхал тяжелые драпри на окнах с массивными фрамугами, шевелил бумаги на столе. Азаматов взглянул на часы — семь.

...Главный инженер объединения Ольховский на недавнем совещании попросил его задержаться, пригласил в свой кабинет, и они просидели едва ли не до полуночи. Тема была одна — Фатеев. Для Ольховского, присланного сюда относительно недавно, Фатеев был действительно в определенной степени «темой», но для Азаматова — глухой болью, жалостью, ушедшей молодостью... И хотя конкретно ничего не было сказано, Азаматов понял, что судьба Фатеева решена. Это дело нескольких месяцев. И даже силой своего авторитета он, Азаматов, не смог бы сделать ничего. Ничего.

«А может, ты просто не хочешь?»

«Трудно объяснить».

«Врешь».

«Ну, ладно, вру. Не хочу».

«Если так, то, конечно».

«Да, знаю».

...Фатеев в тот день был словоохотлив и добродушен. И тем горше было приступать Ахмету Закировичу к разговору.

— Тебя обгоняют, Леша.

— Обгоняют, обгоняют, а в чем останутся?

— В том, что накопили.

Фатеев сразу же подобрался — понял.

— А ты, который «впереди» — с тем, что было. Было, Леша. Я не против тебя. Помнишь анекдот, над которым мы недавно смеялись? Гончая поймала зайца, положила на него лапу и плачет: я, собственно, против вас ничего не имею, но, знаете, семья, дети... Так вот: я не гончая и ты не заяц. Леша, осмысли-ка то, что об этом ты уже думал. Ведь френч на груди навачивать — нехитрое дело. Изнутри сохнешь. Мне материться охота, как тогда, в горькоме, когда ты ушел. Нельзя бесконечно ждать, пока сосед по строю снимет с тебя груз. Или брать надо груз полегче, или...

— Или?

— Или сказать командиру, что в походе участвовать ты не можешь.

— Меня снимут, Закирыч?

— Я бы на твоём месте ушел сам. Я все понимаю и помню. Но инерция памяти — это еще не память. Я тебе скажу еще одну охотничью, но уже жестокую, жизненную правду: какому егерю нужна собака, потерявшая нюх? Знаю, что ты отличный инженер, нефтяник «от и до». Но тебя обогнали, жизнь идет в геометрической прогрессии. Я тебе советую — уходи. Не дожидайся пенсионного возраста. Работу тебе найдем, ты не из таких, кем можно швыряться. Может, в Тюмень переберешься, на меньшую пока должность? Смотри сам... Вот еще что: ты стал мельчать. Вспомни историю с характеристикой на Сергея. С нефтяным амбаром, куда ты ребят без противогаза силой загонял. Мы с тобой раньше это могли позволить, когда обыкновенных болтов не хватало... Словом, вот так. Я тебе по-прежнему

друг, но есть еще долг. Партийный, человеческий!

Сергей щурил глаза от солнца, косыми пиками прорезавшего кабинет. Проклятые веки продолжали трепетать, словно кто-то водил по ресницам острым и холодным предметом. От напряжения выступила на лбу испарина. «Сентиментальный дурак»,— проклинал он себя.

— Члены бюро, прошу проголосовать. За? Против? Воздержавшиеся? Сергей Ильич, подойдите ближе.

Вот она, картина, которую Сергей представлял себе не однажды,— в настоящем, сейчас. Машина времени, оказывается, существует. Обходя оглядывающихся на него членов бюро, он приблизился к столу. Силантьев встает, сухая рука его жмет и слегка потряхивает руку Сергея. И голос секретаря, исполненный сдержанной теплоты, звучит у самого лица.

— Поздравляю, товарищ Старцев. Вы теперь кандидат в члены КПСС.

Какая длинная лестница! Сергей добросовестно ставит ноги на каждую ступеньку, гладит темно-коричневого цвета перила, на секунду задерживается у макета скважины, установленного прямо в вестибюле горкома. Необычайная легкость в движениях — хоть перепрыгивай высокий бетонный барьер перед входом. Свое состояние он почему-то сравнил с состоянием хоккеиста, который тренируется со свинцовыми веригами на поясе, а на игру выходит легкий и быстрый, как птица.

«Я — в отпуске. Собственно, при чем здесь отпуск? Как же говорил Азаматов? «Я верю

в Старцева. Лучше иногда ошибаться, чем всю жизнь сидеть под защитой параграфов». Через три дня уезжаю в Болгарию. Вот фантазия! «Сергей Ильич заставил меня поверить в него, доказал. Я, выдавший виды инженер, удивился тому, как планомерно и продуманно, ладно, что ли, его бригада ремонтирует скважины. И они работают, да еще как. Я рад, что именно в не очень легкие для него дни Старцев подал заявление в партию. Рад, что члены бюро оценили этот факт по достоинству. Думаю, что «за» товарища Фатеева — искренно. Хотелось бы верить в это».

Любка с великим трудом заставила себя хранить гордое молчание в течение целой недели. До чего трудно ходить с надменным видом, когда Толькины глаза ищут твоего взгляда, рука ожесточенно теребит волосы, вдребезги разрушая идеальный пробор, и без конца гаснет сигарета. Ох, действительно, покой ей только снится!

Анатолий попал в милицию.

— Да трезвый я был, как муха! — клялся он на комитете комсомола. — Ну, позвоните, позвоните в милицию. Нечего мне дебош пришивать. Дал по морде — пардон! — по физиономии одному щипачу, а паники на весь белый свет. Все равно вам не докажешь! Да, я первый ему врезал, жалко, что не как следует. Хамов учить надо... — и, заметив усмешечки на губах присутствующих, замолчал.

— А что бы ты на моем месте сделала? — горячо говорил он Любке, шагнувшей рядом с каменным лицом, даже глаза, казалось, посветлели от негодования. — Стоит, тянет на

меня. Молчу, не хочу нарушать общественный порядок. Пьяный, с ним человек пять. Спросил закурить — дал. Для дружка — дал. Для третьего — дал. Для четвертого... Говорю: бог пошлет, я не фабрика имени Урицкого. Продолжает катить бочку. Не реагирую. Пообещал из меня паштет сделать. Говорю: не мешай размышлять о жизни на далеких планетах, а то пачку схватишь. Любка, ей-богу, я бы повернулся и ушел. Да тут как раз соседка по старой квартире, пожилая такая, с мужем. Этот фраер плюнул и попал ей на платье. Не стерпел, говорю: извинись, обезьяна, иначе рожей вытрешь. Заржал и пальцем на меня показывает. У меня как раз труба под мышкой. Он... растянулся, в общем, тут же. Дружки на меня. И пошло. Красно-синяя машина. Толпа, возгласы и прочие массовые сцены. Люба?

— Ну, что?

— Я неправ, да?

— До свиданья. Хоть бы синяк припудрил. Не подходи ко мне, слышишь?

— Я сегодня напьюсь,— мрачно пообещал Анатолий.— В состоянии опьянения учиню драку. Посадят меня на пятнадцать суток. Постригут. Буду подметать тротуары. А рядом воткнут щит с надписью «не проходите мимо...»

— Я тебе напьюсь! — вскинулась Любка.— Я... я не знаю, что с тобой сделаю!

— Лю-убушка! — протяжно и очень нежно сказал Анатолий.— Ну, разве не видишь, что я прямо на глазах перевоспитываюсь?

...Галим Сафин говорил уже с трудом. Но самое страшное было в том, что он улыбался.

От этой улыбки охватывал озноб — настолько осмысленной и ясной она была. Сафин не мог повернуть головы — она глубоко ушла в подушку. Он переводил взгляд с одного на другого, и все боялись встретить этот взгляд.

— Это хорошо, что вы все вместе.— Голос Сафина был ровен и звучен, и если бы не исходил от неподвижно распластавшегося на белом ложе седоголового человека, можно было подумать, что он принадлежит молодому, полному сил мужчине.— Подвел вас Сафин. Аккумулятор израсходовался. Настя, не плачь, говорю. Чего ты отпеваешь раньше времени? Сергей, я тебя... не узнаю. Где это видано, чтобы Старцев небритый был?

...Сафина нашли прямо у скважины. Он лежал навзничь, в отброшенной руке намертво зажата масленка: собирался смазать насосы откачки. Вначале наткнувшийся на него оператор ничего не понял и даже присел рядом, приговаривая: «Дай-кошь отдохну тоже. Ноги гудят». И только через минуту заметил две отчетливые светлые дорожки, пробежавшие от глаз Сафина к вискам. Вскочил: «Ты что, Галим Ибрагимович? Что случилось-то?» И растерянно затоптался рядом. «Володя, меня, кажется, того... паралич. Себя не чувствую. Бестелесный какой-то. Беги на участок, пусть дежурку пригонят. Насте скажи. Да не звони особенно, понял?» Оператору стало страшно. Он помчался по поляне, не разбирая дороги, на ходу зачем-то снимая тужурку.

Сафин смотрел на небо, долгие годы служившее ему привычной крышей. Он как бы забыл, что парализован полностью, беспомощен, как новорожденный. И почему-то боль-

ше всего опасался одного — что Настя заплачет в голос при всех. Еще на фронте, под Прохоровкой, преодолевая чудовищную боль в раздробленной ноге, он бешено прикрикнул на нее: «Не ори... твою мать! Персвязывай! И без тебя сырости хватает!» Вот и сейчас он представил, как она появится — простоволосая, как любая русская женщина в минуту неизбывного горя, тяжело упадет ему на грудь. Перед людьми.

Он знал, что рано или поздно нечто подобное должно случиться. В последнее время он внутренне цепенел, ожидая сокрушительного удара где-то у сердца. Сафин знал, что стремительно тончала та последняя нить, связывающая его осознанное «я» с окружающим, но упрямо делал свое повседневное дело. Война притаилась в нем в образе некой мины, готовой взорваться именно в минуту, когда почти веришь в собственное благополучие. Обидно, что по-глупому все получается. Будто бродяга бездомный, в лесу. Не появись Володя — лежать бы ему сутки, а то и двое.

«Вот и все, Галимьян. Отходил. Не обманывай себя — как ни чини старье, так старьем оно и останется, ни к черту не годным. Латанный-перелатанный, в огне горевший, в воде тонувший, в четырех местах переломанный, пулями целованный... Скажи спасибо судьбе, что двадцать лет еще ходил по земле. Каждому свое в жизни предназначено. У каждого своя тропинка, и обрывается в свой черед».

Он никогда не занимался самоутешением. Оценив однажды свои силы и возможности, он твердо и спокойно направил жизнь по определенному и разумному руслу. Искалечен —

подлечусь по мере возможности. Учиться нельзя — контузия, ни одна наука в голову не лезет. Трагические секунды на берлинской площади в четвертый раз швырнули его на госпитальную койку. Он не может обзавестись семьей — самое страшное из всех ранений. Но пока руки служат — не раз перебирал по винтикам свою «тридцатичетверку» — пойдем работать, привычное дело. Что еще надо? До смертного часа еще можно кое-что сделать. Об особенном счастье — чтобы дыханье захватило — думать не придется. А так — авось сгодишься людям, заслужишь, кроме законного права фронтовика, право еще раз услышать сердечные слова.

Сафин, вглядываясь в склоненные над ним лица, впервые так остро ощутил необходимость признаться всем этим молодым людям, что он любит их. Что оставляет их с просветленной завистью. Что желает им прямой дороги. Но высказать этого он не сумел бы никогда. И вдруг вспомнилось, как умирал его давний школьный учитель. Старый партизан, коммунист, он вдруг перед кончиной произнес: «Аллах всемилостивый, не со скорбью ухожу из царства твоего. Сделай так, чтобы щедроты твои не обошли остающихся после меня».

— Идите, товарищи. Пора.— Дежурный врач подошел к кровати умирающего.

...Когда они спускались по больничной лестнице, раздался странный сдавленный звук. Все оглянулись...

Сергей плакал.

Сафин умер через день, на руках у Пастуховой. На похоронах говорили многие — и Фа-

теев, и Азаматов, и Сергей. Людское море всколыхнулось сразу и подалось к могиле, когда на земляном холмике появилась стремительная фигура секретаря горкома Силантьева. Анатолий сумел расслышать слова: «Прощай, мой боевой товарищ... Больно, Галимьян, что не дожил ты несколько дней до этого известия — тебя наградили орденом Ленина. Мы хороним, товарищи, не просто старшего оператора, коммуниста. Мы хороним великого и простого солдата, солдата войны и труда».

Тяжело грохнул пистолетный залп — салютовал взвод милиции.

* * *

Едва Сергей сошел с трапа на горячую аэродромную бетонку, как ему сразу захотелось увидеть Стаса. Удивительно, что на этот раз Римма сразу не вспомнилась, как обычно бывало. Он выбежал из аэровокзала и оставил такси.

Вскоре они дружески обнимались с Молчановым, веселым, заросшим до самых глаз антрацитово-черной ноздреватой бородой. Станислав сразу же отпросился, отыскал шофера редакционной машины, и они покатали в тот самый игрушечный ресторанчик бывшего аэропорта — его оставили, будто на память. Сергею взгрустнулось, когда они перешагнули отшлифованный тысячами ног металлический порожек. Прошлое вплотную, до учащенного дыхания, подступило к нему. Та же незамысловатая стойка, те же ширпотребские столы, та же репродукция с картины Нисского. И даже официантка Фагима, всегда обслуживав-

шая их с Риммой, была та же. Чуть постаревшая, но такая же бойкая, с улыбкой, никогда не покидавшей ее милое лицо с раскосыми глазами ярко выраженного монголоида. Кажется, Сергей узнал и толстую буфетчицу.

Фагима не подошла, о подлетела к их столу.

— Слушаю, молодые лю... А, Сережа, саям! Откуда? Давно тебя не видно. А как Римма поживает? Я ее иногда по телевизору...

— Фаечка, потом,— мягко остановил ее взволнованный Сергей.— Потом поговорим, ладно?

Молчанов болтал без умолку. С неподдельным удовольствием пил и ел, размахивая вилкой и не обращая ни на кого внимания. Обиженно заявил, что Андрея вообще знать не желает, поскольку тот даже не сообщил о предстоящей свадьбе. И Сергею в этот миг показалось, что в живых и все понимающих глазах Стаса мелькнуло что-то, похожее на грусть. Узнав о смерти Сафина, Станислав замер и долго стирал несуществующее пятно на скатерти.

— ...Человеку никогда не надо возвращаться, Стас. Это плохо, это сулит неудачу. Не надо тащить к себе прошлое. Сколько раз я пытался отгородиться от всего, что было у нас с ней в прошлом. Все-таки я, наверно, не любил ее. Но почему все же забыть не могу? Или оттого, что получил первый урок непостоянства лучшей половины человечества?— Сергей усмехнулся.— Помнишь секретаршу Азаматова, Надю? Красивая такая? Мне... нужно было чье-то тепло. Чтобы чья-то голова лежала на плече. Так вот. Мы с ней сейчас

расстались. Она с самого начала прочла меня своим каким-то звериным чутьем. И поняла, ничего не требовала взамен. Может быть, это так и тянулось бы, вошло в какую-то определенную колею. Но появилась Ирина. Инвалид, паралич ног. Врать Наде я не мог больше... Все, все. Не надо слов.

И тут же продолжал:

— Не знаю, Стас, как быть теперь. Не хочу ее унижать жалостью. Она уверена, что я тверд, что давно выбрал жесткий, надежный курс в жизни. Если бы так! А я робею перед слабой девчонкой, как школьник. Если бы она смогла выбежать, распахнуть калитку, если бы это зависело от меня...

— Сергей, мне кажется, что Римма — навajдение. Пусть я прямолинейно рассуждаю, чисто по-бытовому, но ты и Тагирова — что огурец с лаптем. Тут, по-моему, чистейшая психологическая несовместимость. Что ты на это скажешь? Послушай, а вдруг Ирина — единственный и главный выигрыш у судьбы?

— Ох, не знаю. Замнем лучше.

— Да...— Станислав вдруг остро взглянул ему в лицо.— Значит, Болгария? Тебе виднее, конечно. Отдохнешь, позагораешь. А Ирина на каком курорте, говоришь?

До отъезда группы оставалось еще два дня. Сергей устроился в гостинице, одел легкую льняную рубаху навыпуск, купил удачно подвернувшиеся в сувенирном киоске узкие, плотно прилегающие к лицу темные очки и вышел на центральную улицу. И с особенной остротой почувствовал, что стосковался по

этому городу, городу своей студенческой юности. Топот грузных трамваев, шорох асфальта под тысячами подошв, гомон очередей у киосков и сатураторных — от всего этого он, оказывается, основательно отвык в своем тихом, чуть дремотном городе. Зашел в нефтяное объединение, встретился с ребятами-однокурсниками, с шумом отметили встречу в «Колосе». Но все это словно проскальзывало мимо сердца: так, на несколько часов защемило что-то внутри; он отчетливо увидел, насколько изменились хлопцы, как обкатала их жизнь. И ему внезапно стало скучно.

С отъездом Станислава в командировку Сергей с удивлением, даже с каким-то испугом почувствовал, что мысли о Римме, не дававшие покоя последние годы, вдруг перестали его тревожить. Вспомнилась Римма в связи лишь с чисто внешними приметами, встречавшимися в пути во время бесцельного шатания по городу. А ведь она тут — стоит поднять трубку... Тысячу раз крашенная скамейка в сквере Аксакова, вторая от входа направо колонна театра, где они целовались средь бела дня, беседка над рекой, где он чинил ей босоножку... Но острого, до озноба, желания видеть ее не было. Не стало — и все.

Сергей зашел в Лунный парк, сел в дальнюю, спрятавшуюся в густой купе сирени беседку, куда не доносился шум пивной.

Что случилось? Усилием воли, сосредоточившись до предела, он вспоминал Римму — ее глаза, волосы, запах чистой смуглой кожи. Походку — быструю, четкую, независимо поднятую голову... Воображение сменилось холодным, будто выполненным фламастером, плос-

ким рисунком. Он встал, еще полностью не осознавая того, что прошлого больше нет. Неужели разговор со Стасом стал для него последней, зыбкой, уже не связующей нитью со всем, что относится к Римме? Разве так бывает?

Он еще не понимал, что в его жизнь вошло такое, что человеку, может быть, один раз выпадает в судьбе. Что он уже давным-давно, сам того не зная, отрешился от ненужного, путавшего его по рукам и ногам прошлого. Давным-давно, всего полтора-два месяца назад, когда девушка-подросток с зелеными глазами, с чуть опущенными уголками губ безмолвно призналась ему.

Открытие ошеломило его. Он вышел на тенистую аллею, прислонился к дереву, достал сигарету и с удивлением отметил, что она не подчиняется пальцам. С трудом прикурил от прыгающей спички. Двое парней, проходившие мимо, ухмыльнулись: «Со вчерашнего баянишь, дядя?»

В парке было тихо. Август уже незаметно подкрался к деревьям — на нижних ветвях листья были тронуты легкой желтизной. Над головой с шумом вспорхнула какая-то птица. Сергей стал рассеянно наблюдать за парочкой, беседовавшей неподалеку.

Девушка была еще совсем юной, лет семнадцати. Обыкновенная девчонка — два задорных хвостика за ушами, кругленькое лицо с прищуренными глазами, челочка, по-детски еще полные губы, только-только, наверно, еще знакомые с поцелуями. Но такая победительная прелесть была в ее начинавших округляться плечах, в движении руки, нежно уби-

равшей с рубашки парня невидимую пылинку, в ее простеньком платье!.. Особенно хороши были ноги — прямые, полноватые, с крутым подъемом. Она ступала осторожно, мягко в своих босоножках, солнечные блики плясали на икрах, будто обсыпанных золотистой пылью загара...

Сергей похолодел...

— Ира! — громко сказал он и, опомнившись, растерянно огляделся, будто кто-то мог услышать его. — Ира! — повторил он. — Ах ты, неврастеник, дурак! Какая, к чертям, Болгария!..

...Инструктор по иностранному туризму обалдело взглянул на него через толстые очки.

— Да вы что, товарищ Старцев? Где вы были раньше? Не-ет, ничего не могу сделать. Завтра отправление.

— Без меня.

— Вы толком можете объяснить, почему не хотите ехать?

— Не могу... У меня заболела жена, — решительно соврал он.

— Жена-а? — В голосе инструктора было торжество. — А ведь в личном деле...

— Не успели расписаться, — бойко сочинял Сергей.

— Ну, знаете...

— А если б я заболел? Или умер?

— Это дело другое.

— Ладно, я умер.

— Поймите, других оформлять уже поздно.

— Это уж вы сами решайте.

— Хорошо.— Инструктор снял очки. Голос его сразу стал безликим и отчужденным, как у бухгалтера.— Но денег вам сразу вернуть не сможем. Придется подождать.

— Ради бога!— Сергей развел руками.— Не в деньгах счастье. Заявление можно написать прямо сейчас?

Удивительно, как можно много сделать за каких-то полдня. Сергей снял с аккредитива деньги, написал длиннущее письмо Стасу и бросил конверт в ящик, по давно вьевшейся в кровь привычке позвонил на работу — узнать, как идут дела со сто тридцатой, над которой как раз колдовала его бригада. На миг показалось, что Каюмов хочет что-то сообщить ему, но Сергей, возбужденный, не обратил на это внимания.

И, все еще разгоряченный, уже в аэропорту, стоя за столиком, на открытой веранде-кафе, он окончательно понял, что пришел к единственно верному решению. Взглянул на лацкан пиджака — там, где раньше блестел значок НТО, была легкая вмятина с дырочкой посередине. И задохнулся от радости, представив его в узеньких белых ладонях Ирины.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Образ советского человека, героика и будни наших дней все чаще находят отражение на страницах произведений башкирских писателей. Откуда еще, как не из книг, будущие поколения могут узнать о духовном облике, о душевном настрое советского человека, о его сокровенных думах, мыслях, переживаниях.

Творчеству башкирского писателя Руслана Максютова, пишущего на русском языке, присуще это стремление зафиксировать, запечатлеть в красках и образах ссегодняшний день. Уже в самых первых его литературных опытах проявлялось желание нарисовать портрет своего современника, создать его яркий образ.

Интерес Руслана Максютова к теме рабочего класса, к проблемам нынешнего дня отнюдь не случаен. Родился и рос он, затем закончил десятый класс в рабочем поселке Раевка. После десятилетки работал слесарем в Магнитогорском механомонтажном управлении. Учился в университете на филологическом факультете; бок о бок трудился с нефтяниками Туймазов на нефтепромыслах; работал в редакциях газет, телевидения...

Первая книга Руслана Максютова «Не гасни, мой свет!» вышла в 1965 году, когда автору было 25 лет. В нее вошли небольшие по объему, наполненные моло-

дой романтикой рассказы и повесть, посвященная магнитогорским монтажникам.

Произведения молодого автора в те годы стали появляться на страницах свердловского журнала «Урал».

Максим Горький как-то говорил, что прежде чем стать писателем, надо создать себе биографию.

Руслану Максютову биографии своей «делать» не приходилось, она у него складывалась сама по себе. Приехав из Магнитогорска в Октябрьский, он поступает работать в геологоразведочную партию, затем — в нефтепромысловое управление «Туймазанефть», на промысел номер один.

Жизнь, как говорится, сама преподносит свой богатый материал. Постепенно накапливались жизненные впечатления, уместить которые в обычную повесть было уже невозможно. И он приступает к работе над романом о нефтяниках Башкирии.

Первое издание романа «Иначе не могу» разошлось быстро. Книга получила теплый отзыв и читателей, и критики.

И вот перед нами второе издание романа.

Описываемые в романе события разворачиваются на одном из крупнейших нефтепромыслов. Главные действующие лица — молодые инженеры, операторы, диспетчеры, мастера по добыче нефти и ремонту скважин. Основной конфликт — в борьбе мнений, в столкновении характеров вокруг предложения начальника участка Сергея Старцева ввести гарантийный ремонт скважин, что позволит повысить личную ответственность ремонтников за качество своей работы, намного увеличит межремонтный период действия скважины.

Однако если бы автор ограничился только этим, то вряд ли бы он смог заинтересовать читателя, привлечь его внимание к описываемым событиям. Проблематика романа, безусловно, значительно шире. Вместе с героями повествования автор размышляет о личной причастности каждого к тому, что происходит вокруг, о внимании к судьбам людским, о неумении и умении чувствовать и во всем поддерживать рабочую честь и достоинство.

Постепенно мы вникаем в образ главного героя романа Сергея Старцева, начинаем понимать его суть и почти во всем готовы встать на его позиции, поддерживать. Инженер, начальник нефтедобывающего участка Сергей Старцев — человек с непростым характером. Он

порою резок, вспыльчив; в некоторых ситуациях начпнает горячиться, и эмоции его выступают на передний план. Думается, что с такой горячностью можно и дров наломать. Но он — специалист, умеющий мыслить перспективно, категориями завтрашнего дня, считающий, что самое главное в человеке — это обостренное чувство долга, его повседневная обязанность — честно и от души делать всю посильную работу. Сам он всецело стоит именно на таких позициях.

Вот почему Сергей Старцев выступает с предложением гарантировать хорошую работу скважин, протестует против очковтирательства и тех, кто придерживается старых методов. Не у всех находит понимание его позиция. Возражает ему даже институтский друг Андрей Осташков, неплохой инженер, но привыкший делать все с оглядкой, побаивающийся неизвестных нововведений на промысле. Еще не известно, чем бы все кончилось, если бы не решительная поддержка Старцева начальником управления Азаматовым и секретарем горкома партии Силантьевым. Хотя читатель уверен, что молодой инженер до победного конца бился бы за свое предложение, крепко уверовав в свою правоту.

Это и составляет суть основного конфликта романа, его главную сюжетную линию.

Две противоборствующие силы сталкиваются на нефтепромысле: старое и новое. Автор утверждает, что не два поколения «отцов и детей» схлестнулись в борьбе, а именно новое вышло в справедливый бой со старым, уже отжившим, уходящим в прошлое. В этой связи как бы прямой противоположностью Сергею является заведующий промыслом, заслуженный человек, стоявший когда-то у истоков большой нефти. Но, к сожалению, мыслит он старыми категориями, живет прошлым, даже идеализирует это прошлое. Он-то как раз и является убежденным противником всего, что пытается сделать Старцев, в борьбе с ним допускает недозволенные приемы, пока сама жизнь не дает соответствующую оценку его действиям.

Другой сюжетной линией романа, как бы вторым планом, являются взаимоотношения Анатолия Семина и оператора Любви Ромашовой. Анатолий — характер далеко не стандартный. Несколько неуправляемый в своих чувствах, слегка разболтанный, только начинающий вглядываться в жизненные явления. Его любовь к Любе Ромашовой, характером своим чем-то напоми-

нающей Старцева, заставляет Анатолия задуматься о многом — о том, в частности, что к людям надо относиться внимательней и бережнее. Для него наступает пора настоящего взросления.

Целой системой образов роман связан с событиями Великой Отечественной войны, и ее суровое пламя то и дело отбрасывает свет на характеры и взаимоотношения ряда героев. К таким персонажам относится Сафин — образ трагический в своей сути, ибо несправимо покалечила его минувшая война. Не духовно покалечила, а физически. Смерть постепенно подкрадывается к нему и наступает внезапно, как в бою. Он умирает во время вахты, прямо на скважине. Умирает Сафин достойно, отчетливо сознавая, что в нелегкой своей жизни совершил все, что мог: защищал Родину и после войны не остался в стороне от дел и забот, которыми жили и живут его товарищи, друзья. Не сложились у него и личная жизнь, страшные последствия минувших боев не позволили ему соединить свою судьбу с Настей Пастуховой, любившей его с самых военных лет, еще с фронта.

Образ Сафина — олицетворение человеческой памяти о войне. Воспоминаниями о любимом, погибшем во время венгерских событий пятьдесят шестого года, живет инженер Дина Малышева, натура тонкая, женственная, ранимая. Только через много лет она догадывается и начинает понимать, что Андрей Осташков искренне любил ее все эти годы.

Казалось бы незаметную, но важную роль играет в произведении Стас Молчанов, чудаковатый, немного не от мира сего, профессионально хорошо подготовленный журналист. В том, что Сергей Старцев в конце концов доказывает свою правоту, есть немалая заслуга Молчанова. Они по-настоящему привязываются друг к другу. В судьбе Стаса тоже есть своя печальная нотка — он безнадежно влюблен в Дину Малышеву. Но, понимая, что ответного чувства к нему нет, любовь свою таит в глубине души. В романе, правда, сказано об этом лишь несколькими фразами, нотка эта проскальзывает легким лирическим звучанием, вскользь, между строк, показывая тем самым ненавязчивость, внутреннюю скромность Стаса.

В романе автор показывает атмосферу труда нефтяников-добытчиков, создает их общий портрет. Мы ясно чувствуем дух, жизнь и борьбу всего коллектива.

Вся нелегкая судьба главного героя неотделимо связана с другими персонажами романа, тесно переплетена с судьбами близких людей. Мы видим, как он идет к цели — через сомнения, рискуя даже своим служебным положением. Его понижают в должности — переводят мастером подземного ремонта скважин. Но воля Сергея к победе не сломлена.

Своим пафосом роман направлен против косности, душевной близорукости, взывает к человеческой совести. Вот поэтому-то само название — «Иначе не могу» — становится жизненным кредо Сергея Старцева и многих других героев произведения.

...Легко проследить, как от книги к книге, уверенно шаг за шагом формировался писатель Руслан Максютов. Если в самом начале своего творчества он зачастую был мелодраматичен, несколько сентиментален, побоевому романтичен, то сейчас в его произведениях влилась новая вдохновенная струя. Расширился диапазон автора, и не только в чувствах, эмоциональном настрое, мыслях, но и в охвате жизненных коллизий, в самом глубинном творческом процессе, происходящем за письменным столом.

Создавая свои произведения, каждый писатель должен думать в первую очередь об их общественной значимости.

Все мы хорошо сознаем, что написать книгу — дело нелегкое, и все-таки со всей решимостью, зная, на какой труд идем, садимся за чистые листы бумаги, чтоб создать картину собственного видения событий и человека. Писатель задумывается над тем, для чего он пишет, какова цель будущей его книги. Надо много знать, много чувствовать, наконец, страстно любить свое дело, прежде чем стать настоящим помощником партии, другом и наставником читателя, как часто называют писателей в наше время.

...Ранняя осень брызнула неожиданной листвой. Леса облетели. Мы стоим с Русланом Максютовым на глинистом берегу просветленной Демы, изумительно тонко воспетой в свое время Аксаковым. Через стынть облетевших осокорей видится далеко. Запустив пятерню в густую свою шевелюру, чуточку тронутую первыми легкими сединками, писатель всматривается в сквозняковую желтизну осени.

— Пишу новый роман. Это будет книга о мосм поколении, о тех, кто родился в преддверии и годы минувшей войны. Не знаю, что получится...

Он снова молчит. Потом резко вскидывает голову и спрашивает меня:

— «Долгий путь домой» — так назвал книгу. Как тебе, нравится?

Вместо ответа я улыбаюсь, традиционно желаю удачи автору. А сам задумываюсь над этим символическим названием — «Долгий путь домой». Многое этим сказано.

От рассказа к рассказу, от повести к повести креп и мужал голос писателя. Думается, что и новые страницы, написанные им, еще не раз порадуют читателя.

Александр Филиппов.

Руслан Акрамович Максютов

ИНАЧЕ НЕ МОГУ

Р О М А Н

Оформление серии *А. Королевского и*
А. Холопова

Редактор *А. А. Цитович*

Художественный редактор *М. В. Сяплин*

Технический редактор *Г. А. Даутова*

Корректоры *К. В. Шилина, Н. П. Кудрявцева*

ИБ № 1367

Сдано в набор 02. 10. 79 г. Подписано к печати
28. 1. 80 г. Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага
тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 11,11. Уч.-изд. л. 10,92.

Тираж 50 000 экз. Заказ № 323. Цена 85 коп.

Башкирское книжное издательство, Уфа-25,
ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат
Госкомиздата Башкирской АССР. Уфа-1, проспект
Октября, 2.

Scan Kreyder - 02.10.2019 - STERLITAMAK

85/ коп.